

Министерство образования и науки Российской Федерации
Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

ВЕСТНИК СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ НАУК

Сборник научных статей

Выпуск 12

Ярославль
ЯрГУ
2013

УДК 316:32(082)
ББК С5я43+Ф0я43
В38

*Рекомендовано
Редакционно-издательским советом университета
в качестве научного издания. План 2013 года.*

Рецензенты:

В. П. Басков, доктор исторических наук, профессор кафедры политологии и социологии ЯГПУ им. К. Д. Ушинского;
кафедра экономики труда и институциональной теории
КГУ им. Н. А. Некрасова

Вестник социально-политических наук:
В38 сб. науч. ст. Вып. 12 / отв. ред. д-р соц. наук, профессор
И. Ф. Албегова; Яросл. гос. ун-т им. П. Г. Демидова.
— Ярославль : ЯрГУ, 2013. — 176 с.
ISSN 2307-2016

В сборнике нашли отражение результаты научно-исследовательской деятельности сотрудников, учащихся и преподавателей факультета социально-политических наук ЯрГУ им. П. Г. Демидова, выполняемой в рамках государственных и муниципальных заказов, грантов и договоров о сотрудничестве.

Адресован преподавателям, аспирантам, студентам гуманитарных факультетов.

Редакционная коллегия:

профессор И. Ф. Албегова (отв. редактор)
профессор И. Ю. Киселев
профессор Г. М. Нажмудинов
профессор Е. Я. Слепцов
профессор Ю. А. Головин
доцент Л. Д. Руденко
доцент М. В. Афонин

УДК 316:32(082)
ББК С5я43+Ф0я43

© ЯрГУ, 2013

**Добровольчество
как вид инновационной деятельности
и форма социальной работы**

Ф. Г. Албегов

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

**Volunteering as a form of innovation
and form of social work**

F. G. Albegov

P. G. Demidov Yaroslavl State University

Исследуется возможность использования теории деятельности как методологической основы изучения добровольчества.

Ключевые слова: добровольчество, теория деятельности, методология, социальная работа, субъекты, мотивы, формы.

The possibility of using Activity Theory as a methodological basis for the study of volunteering.

Key words: volunteering activity theory, methodology, social work, actors, motives, forms.

В условиях современной России постоянно появляются социальные проблемы. «При этом наряду с типичными, традиционными социальными проблемами появляются и сосуществуют принципиально новые, связанные с изменениями в социальной структуре общества и социально-экономическими, социально-политическими и психологическими условиями ее функционирования» [1]. Решение данных проблем объективно требует возникновения инновационных видов деятельности, одним из которых является добровольчество, или волонтерство [2]. Добровольчество стало формой социальной работы с населением, основанной на принципах гуманизма, сострадания и любви к ближнему. Изучение современного добровольчества предполагает использование теории деятельности.

Особенность российского добровольчества с точки зрения теории деятельности состоит в том, что оно находится в начальной стадии формирования, имеет особого субъекта и мотивацию [3]. Современное добровольчество в России возникло как результат деятельности определенных социальных групп, представители которых достаточно активные субъекты, обладающие социальным мышлением и ответственностью. Несомненно, данный вид деятельности имеет свою социальную базу, основу возникновения которой заложили естественное и социальное неравенство российского общества в целом.

«Используя теорию деятельности для изучения волонтерства как социального явления и социально-политической деятельности, необходимо отметить, что в научной литературе проблема деятельности занимает одно из видных мест. Это связано с современной ситуацией общественного развития, ее спецификой в модернизирующемся российском обществе и объективными потребностями социальной практики. В связи с этим возникает необходимость новых подходов к анализу деятельности, основой которых, по-видимому, должно быть соединение философского, социологического и психологического анализов, что позволит выйти за рамки традиционных методологических ограничений каждой из этих дисциплин в данной области исследования» [4].

Деятельность является универсальным способом взаимодействия человека с окружающим миром. Ее специфические черты весьма многообразны и включают целеполагание, предварительную продуманность, цель, результаты, средства и мотивы реализации.

Любая деятельность характеризуется определенным набором действий и последовательностью их осуществления. Последовательность действий и их характер во многом зависят от объективных условий деятельности: в разных условиях достижение одной и той же цели может складываться из разных действий.

Следующей важной чертой деятельности является ее безличный характер. В данном случае речь идет о том, что деятельность не зависит от того, кто именно ее совершает. Так, применитель-

но к добровольческой деятельности это означает, что независимо от того, кто ее осуществляет, она остается направленной на благо человека, группы и общества в целом. При этом не имеет значения ни возраст, ни пол, ни национальность и т. п. того, кто ее осуществляет. Последовательность операций и используемые средства детерминируются целью и объективными условиями, а не особенностями субъекта. В структуру деятельности наряду с действиями субъекта всегда включены еще и объективные естественные процессы. Свое логическое завершение любая деятельность находит в каком-то результате. Отсюда видно, что цель и результат есть разные вещи: они отнюдь не всегда совпадают.

Так, добровольческая деятельность всегда связана с целью (к чему стремится субъект), с мотивами (почему он это делает), со способами (как он это делает), с формой и способом организации (при помощи какого принципа действий и набора каких техник, приемов он обеспечивает достижение цели).

Человеческая деятельность всегда существует как действие или определенный порядок действий, источником которых выступают потребности и интересы отдельно взятых субъектов. Потребности порождаются объективными условиями жизни людей и выражают объективную зависимость человека от внешнего мира. Поэтому вся практическая деятельность людей может рассматриваться в качестве формы и способа удовлетворения потребностей, возникающих как отражение объективных условий и осознание возможностей удовлетворения человеком. Так, современная добровольческая деятельность есть одна из форм социальной работы и способ удовлетворения потребности ее субъекта в самоактуализации.

Несмотря на признание добровольческой деятельности как особого вида деятельности, среди специалистов нет единого мнения в определении ее сущности и назначения. По мнению автора, добровольческая деятельность есть область социальной практики по содействию людям в решении их личностных проблем. Её можно определить и как область активной деятельности человека, направленной на создание системы мер социальной защиты населения от различного рода социальных отклонений.

Исследуя добровольческую деятельность как вид социальной деятельности и форму социальной работы, можно сказать, что в современном обществе она осуществляется и специально подготовленными, и неподготовленными людьми и направлена на оказание индивидуальной помощи человеку, семье или группе лиц, попавших в трудную для них жизненную ситуацию. Основой подобной работы как практической деятельности выступают отношения «доброволец — нуждающийся».

Субъекты, осуществляющие добровольческую деятельность, создают ее социальную основу и формируют определенную социальную систему. В социальном смысле субъект добровольческой деятельности — это автор выбора, в организационном смысле его можно представить как единство целеполагания и целесуществования в одном лице. Субъект есть лицо, способное к выбору типа деятельности, конкретной роли для себя среди других субъектов и выработке собственных целей и средств их достижения. Его отличает суверенность, т. е. возможность и желание самому определять свою судьбу, образ жизни, стремление развивать рамки реальной независимости и компетенции. Одновременно субъект — носитель и автор вклада в какую-либо совместную деятельность, например в добровольческую деятельность, где он воспринимается с точки зрения своей полезности. Суверенность и функциональность — главные признаки субъекта добровольческой деятельности.

Основными субъектами добровольческой деятельности, т. е. теми, кто ее осуществляет, могут быть конкретные индивиды и группы. В условиях модернизирующегося российского общества развитие добровольчества как вида деятельности, увеличение числа ее направлений, появление все новых социальных проблем и обострение «традиционно старых» обуславливает дальнейшую дифференциацию ее объектов, а следовательно, и субъектов. Возникает насущная необходимость увеличения числа субъектов добровольческой деятельности в результате активного привлечения к участию в ней всех слоев российского населения, особенно молодежи.

Таким образом, существование и развитие в модернизирующемся российском обществе добровольчества позволило при его

изучении использовать теорию деятельности. Осуществление добровольческой деятельности объективно дифференцирует субъекты и объекты данного вида деятельности, априори задает им специфические признаки и характеристики, определяет основные направления, функции и принципы современной добровольческой деятельности в России. Добровольческую деятельность вполне можно изучать как форму современной социальной работы. Конечно, объемы современной добровольческой деятельности, число ее субъектов и объектов, география и сферы распространения еще далеки от требуемых. Она находится в стадии своего становления как социальная практика и изучения как объект научных исследований.

Литература

1. Албегова И. Ф. Социология социальных проблем как инновационное научно-практическое направление исследования современного российского общества // Вестник социально-политических наук: сб. науч. тр. Вып. 7 / под ред. проф. И. Ю. Киселева; Яросл. гос. ун-т. Ярославль: ЯрГУ, 2007. С. 5–8.

2. Албегов Ф. Г. Волонтерство как социально-политическая деятельность: мотивация, технология, реализация // Вестник Поморского университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2010. № 8. С. 122–124.

3. Зарубина Ю. Н., Албегов Ф. Г. Мотивация добровольчества у студенческой молодежи как формы ее занятости // Вестник социально-политических наук: сб. науч. тр. Вып. 11 / отв. ред. д-р соц. наук, профессор И. Ф. Албегова; Яросл. гос. ун-т им. П. Г. Демидова. Ярославль: ЯрГУ, 2012. С. 39–42.

4. Албегова И. Ф. Институционализация современной социальной работы: теория и практика. Ярославль: ЯрГУ, 2004. С. 10.

Институционализация социальной работы как междисциплинарное пространство современного социального знания

И. Ф. Албегова

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

The institutionalization of social work as an interdisciplinary space of contemporary social science

I. F. Albegova

P. G. Demidov Yaroslavl State University

В статье раскрываются основные теоретико-методологические подходы к изучению процессов институционализации современной социальной работы в условиях модернизации российского общества.

Ключевые слова: социальная работа, институционализация, теория, методология, парадигмы.

In the article the basic theoretical and methodological approaches to the study of the processes of institutionalization of modern social work in the modernization of Russian society.

Key words: social work, institutionalization, theory, methodology, paradigm.

Проблема институционализации социальной работы в условиях современной России приобрела особую актуальность, что связано с рядом объективных причин [1]. С 1990-х гг. XX в. по настоящее время макросоциальные институциональные изменения в российском обществе требуют адекватной теоретико-методологической основы их объяснения. Интенсивный характер изменений, их деструктивные формы (кризисы, социальные и духовные потрясения, социальные конфликты и т. д.), разноплановые последствия привели к сосуществованию различных теорий общественных изменений и их инструментальному использованию. К числу таковых относятся теории модернизации, глобализации, виртуализации, © Албегова И. Ф., 2013

циклическая концепция, активистско-деятельностная парадигма, теория самоорганизации. Независимо от теоретической трактовки институциональных изменений они сами по себе создали принципиально новые поля для исследователей.

Условия современной России социально детерминируют процесс становления социальной работы как инновационного института, активно влияют на динамику и механизмы ее функционирования. Развитие разнообразных организационных форм социальной работы, применение широкого спектра методов, методик и технологий поставили вопрос о технологизации социальной деятельности и потребовали изучения и анализа всех факторов, способствующих или препятствующих этому процессу [2].

Исторически сложилось так, что три взаимосвязанных процесса (практика, область познания и образование) идентифицировались как социальная работа. Однако механизмы реализации и осуществления этих процессов имели не только разные предпосылки, но и разные социально-структурные характеристики и специфику проявления. В условиях модернизации современного российского общества данные тенденции сохраняются, что также требует глубокого изучения представителями различных отраслей знания.

Более того, институционализация социальной работы в условиях современной России идет в трех обозначенных направлениях весьма противоречиво [3]. Так, в практике наблюдается отход от классических форм организации социальной работы и резкий переход к инновационным структурам (например, центры, хосписы, некоммерческие общественные организации и т. д.). В области познания социальную работу обозначили как междисциплинарную, но так и не осуществили ее комплексный анализ, доказательством чего служит методологический плюрализм, отсутствие собственных фундаментальных теорий, сосуществование и разработка частных концепций. В области образования специалистов принципиально нового типа в основном готовят по тем же стандартам, что и представителей других направлений, это порождает ряд принципиальных проблем. Все эти обстоятельства усиливают актуальность изучения проблемы институционализации социальной работы в современной России как междисциплинарного пространства современного социального знания.

Методологические подходы и теоретические предпосылки к изучению социальной работы заложены в фундаментальных классических и современных работах Ф. Армстронга, Л. Бартон, П. Бурдье, М. Вебера, Э. Гидденса, Э. Дюркгейма, Г. Зиммеля, О. Конта, Д. Локвуда, Б. Малиновского, Р. Мертон, Т. Парсонса, П. Сорокина, Ф. Тенниса, М. Фуко, Дж. Хоманса, а также отечественных ученых: В. Иванова, Л. Ионина, В. Радаева, А. Филиппова, В. Ярской. Вопросы истории российской социальной работы активно разрабатывают М. Фирсов, В. Лыткин, П. Нещеретный. Проблемами теории социальной работы занимаются Е. Холостова, Л. Гуслякова, А. Панов, П. Павленок, И. Зайнышев, Е. Студенова и др.

Теория деятельности как методологическая основа для изучения профессиональной социальной работы разрабатывалась С. Рубинштейном, Э. Юдиным, Н. Наумовой, Г. Дилигенским, А. Леонтьевым, А. Маслоу, В. Ядовым и др.

Вопросы выявления сути социальных технологий, теоретические основания для их классификации и возможные пути применения в социальной работе как профессионального вида деятельности были достаточно широко освещены К. Поппером, М. Марковым, Н. Стефановым, а в последние годы глубоко изучаются Е. Холостовой, П. Павленком, В. Ивановым, И. Зайнышевым, Т. Шеляг, Л. Шинелевой и др.

Современные процессы развития социальной работы в модернизирующейся России позволяют говорить о ее еще незавершенной институционализации, которая по-прежнему разворачивается в трех направлениях: совершенствование практики, обучения и формирование теории. Эти процессы взаимосвязаны, взаимообусловлены и социально детерминированы. Каждый из них может быть объектом специального научного исследования, но с точки зрения целей данной работы принципиальным является вопрос о теории социальной работы как одном из направлений современного социального знания, требующего для своего изучения привлечения методологии и методов различных наук.

Как область научного познания социальная работа изначально оформилась в концепции милосердия. Обосновывая бедность и нищенство как общественную необходимость, она прочно укрепилась в традиционной религиозной доктрине.

В XIX в. социальная работа как область научного познания в своей еще допарадигмальной стадии начинает осмысливаться в различных областях знания. Особенно интенсивно она рассматривается в ранних социально-политических, реформистских и правовых доктринах Э. Мюнстесберга, Г. Спенсера, Г. Шмоллера, А. Вагнера, в правовой доктрине А. Принса, в марксистских разработках, посвященных социальной справедливости [4]. Однако уровень логических построений и абстракций требовал своего научного обоснования не только на основе дедуктивных и индуктивных рассуждений.

Дальнейшая ревизия традиционных подходов была проведена в связи с пониманием процессов зависимости уровней бедности от уровня развития экономических основ общества. В связи с этим социальная работа обращается к социологии: в практике общественной поддержки впервые начинают использовать методы социологического исследования с целью получения адекватной картины пауперизма. Количество эмпирических данных нуждалось в определенной систематизации и описании согласно логике исследовательского инструментария. Так социология становится основой будущих теоретических построений социальной работы.

В начале и середине XX в., когда практика общественной поддержки в основном обусловлена проблемами социальной патологии, доминируют модели превентивного и оперативного характера. На этом этапе происходит интенсивное сближение практической социальной работы с эмпирической психологией (бихевиоризмом и психоанализом) и социологией (исследование в малых группах, социометрия), прикладной педагогикой и психиатрией. Именно на этом этапе возникает потребность теоретического осмысления социальной работы, пополнение ее знаниями из разных областей гуманитарных наук.

Среди многочисленных теорий обоснования социальной работы (социологических, политологических, экономических, культурологических, психиатрических и др.) психологические знания стали занимать значительное место. Среди них можно выделить психоанализ, поведенческие теории, когнитивные, психодинамические, психологические теории личности и др. Психоло-

гические концепции помогают объяснить модели отклоняющегося поведения субъектов, что связано с основной проблематикой социальной работы, направленной на социальную патологию. Интерпретации девиантного поведения личности представлены в модели предрасположенности, модели внутренней мотивации, психосоциальной модели С. Линга. Каждая модель по-своему описывает и интерпретирует рискованное поведение субъекта, приводящее его к асоциальному поведению [5].

Интенсивное развитие социальной работы в России создало для представителей научного социума принципиально новое поле исследований. По сути потребовалось изучение всех основ и аспектов функционирования данного общественного явления. Особую актуальность приобрела проблема методологии социальной работы как особого вида технологии реализации социальной политики.

Полиморфизм термина «социальная работа», незавершенность процесса определения его сути, а также относительная инновационность социальной работы для России как в теории, так и на практике усложняет решение поставленной проблемы. Сегодня под социальной работой понимают и общественное явление, и вид деятельности (профессиональной и непрофессиональной), и специальность, и учебную дисциплину, и науку, и формирующийся социокультурный институт.

Как общественное явление и соответствующий ему вид деятельности социальная работа всегда присутствовала в человеческом социуме и при всем многообразии философско-идеологических основ ее существования, доминирующих в те или иные конкретные временные отрезки в отдельно взятой стране, строилась на принципах и традициях помощи, любви, сострадания, соболезнования, стремлении разделить горе и беду другого.

Основные этапы развития социальной работы, ее история в той или иной стране непосредственно связаны с социокультурными и национальными традициями, экономическими и политическими условиями, конкретными событиями и именами. Как правило, они отличаются друг от друга организационными формами и методами социальной помощи и защиты, субъектами и объектами социальной работы.

В связи с этим методологическими основами изучения генезиса, динамики и особенностей развития, например, теории социальной работы могут служить социальная философия и история, социальная и психологическая антропология, этнология, культурология, религиоведение.

Актуализация социальной работы в условиях модернизации российского общества, активизация и неоднозначность процессов ее институционализации объективировали потребность увеличения знаний о данном социальном феномене.

Структурная организация социальной работы (практика, обучение, теория) и её постоянное усложнение стимулировали междисциплинарные исследования. Это, в свою очередь, создано новое поле социального знания, определяющего выбор методологического и методического инструментария.

Литература

1. Албегова И. Ф. Институциональная теория как теоретико-методологическая основа изучения современного российского общества // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия: Гуманитарные науки. 2007. № 2. С. 64–68.

2. Серова Е. А., Кошелева А. В. Интеграция науки, образования и практики социальной работы как фактор и условие разработки социальных технологий // Вестник социально-политических наук: сб. науч. тр. Вып. 11 / отв. ред. д-р соц. наук, проф. И. Ф. Албегова. Ярославль: ЯрГУ, 2012.

3. Старцева О. Н., Албегова И. Ф. Опыт взаимодействия науки, образования и социальной практики в социальной работе с пожилыми людьми // Вестник социально-политических наук: сб. науч. тр. Вып. 11 / отв. ред. д-р соц. наук, проф. И. Ф. Албегова. Ярославль: ЯрГУ, 2012. С. 98–102.

4. Энциклопедия социальной работы: в 3 т. / пер. с англ. М., 1993. С. 112.

5. Там же. С. 118.

Флешмоб как тип взаимодействия в городском сообществе*

М. В. Афонин

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

Flash mob as the type of interaction in the urban community

M. V. Afonin

P. G. Demidov Yaroslavl State University

В статье рассматриваются концептуальные основы изучения городской среды с позиции социологического знания. Основной видится проблема поиска теоретических оснований, позволяющих определить и изучить социальные факторы, влияющие на развитие современной городской среды.

Ключевые слова: город, городская среда, теории изучения города.

The article presents a conceptual framework to the study of the urban environment from a position of sociological knowledge. The main task here is the problem of searching of a theoretical reason to identify and examine the social factors influencing the development of the modern city environment.

Key words: city, urban environment, city studying theories.

Сложные социальные сети существовали всегда, но недавние технические достижения в области связи делают их все более значимой формой социальной организации, особенно в городском пространстве.

Флешмоб или флэшмоб (от англ. flash mob — flash — вспышка; миг, мгновение; mob — толпа, переводится как «вспышка толпы» или как «мгновенная толпа») — это заранее спланированная массовая акция, в которой большая группа людей (моберы) внезапно появляется в общественном месте, выполняет

---

* Статья подготовлена в рамках государственного задания вузу Минобрнауки РФ (№ 6.4549.2011).

заранее оговоренные действия (сценарий) и затем расходится. Смартмоб является разновидностью флешмоба. Сбор участников флешмоба осуществляется посредством связи (в основном это Интернет). Явление флешмобов началось после того, как в октябре 2002 г. вышла книга социолога Говарда Рейнгольда «Умные толпы: следующая социальная революция» [1], в которой автор предсказывал, что люди будут использовать новые коммуникационные технологии (Интернет, сотовые телефоны) для самоорганизации. Он предсказал и появление групп людей, которые способны мгновенно координировать свои действия без предварительного сговора. Такая «умная толпа» будет обладать уникальной силой, разрушительной или созидательной. По мнению Г. Рейнгольда, «умные толпы» состоят из людей, умеющих действовать синхронно и согласованно, даже не зная друг друга. Они организуются спонтанно, самостоятельно и виртуально, без личных встреч. Такие сообщества уникальны. Они не могли возникнуть вне городского пространства и сетевых объединений.

Понятие «умных толп» (смартмоб) стало основополагающим в дальнейшем развитии флешмобов и других подобных акций, по сути своей являющихся разновидностями смартмоба. В июне 2003 г. Роб Зазуэта из Сан-Франциско, ознакомившись с трудами Г. Рейнгольда, создал первый сайт для организации подобных акций — flocksmart.com [2].

Первоначально терминологии и классификации акций не было вовсе, и процесс её формирования продолжается поныне. Изначально движение возникло в США, и от этого часто встречаются кальки с английских слов: «мобплейс», «афтерпати» и т. д. Само слово **«flash mob» вошло в русский язык почти без изменения фонетического звучания.** Часто встречаются разные варианты его написания: «флеш моб», «флэш моб», «флеш-моб» и другие. Правильно писать именно «флешмоб», а людей, занимающихся им, называть мобберами.

Основные принципы флешмоба:

- спонтанность в широком смысле;
- отсутствие централизованного руководства, избранного командира;

- отсутствие каких-либо политических, финансовых или рекламных целей (при этом надо понимать, что аполитичность в данном контексте — утопическое понятие);

- деперсонификация; участники флешмоба (в идеале это абсолютно незнакомые люди) во время акции не должны никак показывать, что их что-то связывает;

- отказ от освещения флешмоба в СМИ.

По словам самих приверженцев этого явления, флешмоб может организовать каждый. Для этого необходимо придумать красивый сценарий и разместить его на сайте соответствующего направления. Они уверены, что ими никто не управляет, поскольку сценарии обсуждаются на открытых форумах и путем голосования избирается наилучший, который потом и будет воплощен в жизнь.

Роли делятся следующим чином:

- организаторы толпы;
- активисты — те, что наиболее активны;
- последователи — люди, которые равняются на активистов;
- люди, которые руководствуются любопытством, попав в толпу;
- люди, которые попали в толпу случайно, — прохожие на улице.

Чтобы быть настоящим лидером толпы, нужно иметь не интеллект, а высокую чувствительность, чтобы мгновенно ощущать толпу [3]. Когда участникам акции начинает надоедать или мобберы начинают ощущать опасность относительно возможных действий правоохранительных органов — моб быстро заканчивается благодаря указаниям «маяков».

Флешмоб рассчитан на случайных зрителей, вызывая смешанные чувства непонимания, интереса и даже участия. Все действия мобберов исполняются без команды ровно вовремя, с точностью до долей минуты.

Общепринятые правила флешмоба:

- Никто из участников не платит и не получает денег.
- Действие должно казаться спонтанным (участники не собираются в месте события до акции).

- Должно сложиться впечатление, что мобберы — такие же случайные прохожие, как и все (не общаться друг с другом до, во время и после акции в месте проведения).

- Сценарий должен иметь абсурдный характер (действия мобберов не должны поддаваться логическому объяснению).

- Флешмоб должен вызывать недоумение, а не смех (все участники должны быть трезвыми и вменяемыми, делать все с серьезным видом, находясь в здравом рассудке).

- Флешмоб не должен содержать рекламу или же её элементы, акции не принуждают к голосованию за кого-либо.

Флешмоб, как правило, организовывается через интернет-сайты. В каждом городе действует по одному сайту, чтобы не было неразберихи. Впрочем, часто некоторые акции устраиваются не через официальный сайт, а через социальные сети. Сценарий, место и время акции назначается либо администрацией сайта, либо путём голосования.

Существуют также так называемые авторские mobs, которые организовываются одним человеком, и мобберы оповещаются по рассылке. Акции проводятся в многолюдных местах (исключение моб хаус). Инструкции к акции могут быть опубликованы на сайте либо выдаются до акции специальными агентами.

Чтобы не вызывать отрицательной реакции у случайных зрителей, такие акции проходят тихо и без шума, спокойно и вообще еле заметно. Чтобы не вызвать смех у случайных зрителей, участниками акции всё делается с серьезным видом. На акциях участниками делается вид, что всё спонтанно и вполне обыденно для них. А потому она не должна быть сложной и с какой-либо яркой атрибутикой. Начинается акция одновременно всеми участниками. Для этого согласовывается время или назначается специальный человек («маяк»), который должен подать всем сигнал для начала акции. Такие акции длятся недолго (обычно до пяти минут), иначе случайные зрители начинают проявлять активность: приставать с вопросами, вызывать работников охраны и правопорядка и тому подобное. Участники, как правило, делают вид, что друг друга не знают, и расходятся одновременно в разные стороны. На вопросы зрителей участники акций пытаются не отвечать или ответами не

раскрывают истинный смысл происходящего. Ответы для прохожих могут быть заранее обсуждены при планировании акции. После того, как все резко разошлись, обычно участники собираются на АП, чтобы поделиться впечатлениями. Акции, как правило, происходят по выходным дням с интервалом в две недели.

В зависимости от формы проявления флешмоб может иметь разные поводы. Но этот повод обязательно появится в виде сценария на специальном сайте.

Второй этап — это обсуждение сценария. Третий — появление людей на месте проведения акции. Четвертый — появление лидеров, которые должны дать условный знак, что акция началась. Пятый — это активизация толпы лидером. Шестой — групповое активное действие, которое может изменяться в зависимости от формы флешмоба. Седьмой этап — это окончание акции и мгновенное «рассредоточение» мобберов в толпе прохожих людей. Восьмой — обсуждение на сайтах акций, которые состоялись [4]. Идеальный сценарий должен быть абсурдным, загадочным, не очень заметным и ни в коем случае не вызывающим смеха. Мобберы не должны нарушать законы и моральные устои. Действия должны казаться случайным зрителям бессмысленными, однако совершаться так, как будто в этом есть смысл. В итоге случайные зрители, так называемые фомичи, воспринимают происходящее серьезно, как будто в разыгрываемой ситуации есть какой-то смысл, который они пытаются отыскать. У них возникает чувство интереса, тревоги, непонимания или даже ощущение собственного помешательства. Сценарий не должен перейти грань, за которой он уже становится смешным, но это получается крайне редко.

Литература

1. Рейнгольд Г. Умная толпа: новая социальная революция / пер. с англ. А. Гарькавого. М., 2006.
2. Десятерик Д. Флэшмоб // Альтернативная культура: энциклопедия. М., 2005.
3. Почебут Л. Г. Социальная психология толпы. СПб., 2004.
4. Там же.

**Личное добровольное страхование
как одно из направлений социальной работы
и условие социальной безопасности населения**

Д. И. Борисов

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

**Private voluntary insurance
as an area of social work and the condition
of social security of the population**

D. I. Borisov

P. G. Demidov Yaroslavl State University

Исследуется состояние личного добровольного страхования как гарантии социальной безопасности и направления социальной работы. Приводятся **результаты авторского социологического исследования среди населения г. Ярославля.**

Ключевые слова: социальная безопасность, страхование, личное добровольное страхование, население, социальная работа.

We investigate the state of voluntary personal insurance as a guarantor of social security and the direction of social work. The results of the author's case study of the population of Yaroslavl.

Key words: social security, insurance, private voluntary insurance, population, social work.

В начале XXI в. в России обострились традиционные проблемы и возникли принципиально новые, требующие нестандартных методов решения. «В условиях современного российского общества наблюдается ярко выраженная тенденция количественного увеличения и качественного изменения социальных проблем. При этом наряду с типичными, традиционными социальными проблемами появляются и сосуществуют принципиально новые, связанные с изменениями в социальной структуре общества и социально-экономическими, социально-политическими и психологическими условиями ее функционирования» [1].

По мнению автора, одной из таких проблем, актуализировавшихся в последнее время, стала проблема социальной безопасности населения. Социальная безопасность — это «совокупность мер по защите интересов страны и народа в социальной сфере, развитие социальной структуры и отношений в обществе, системы жизнеобеспечения и социализации людей, образа жизни в соответствии с потребностями прогресса, нынешних и будущих поколений» [2].

Социальная безопасность является частью национальной безопасности Российской Федерации, для обеспечения которой создана особая система. «Под системой обеспечения национальной безопасности подразумевают широкий спектр государственных и негосударственных институтов, действующих в интересах достижения необходимого уровня защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства в различных сферах жизнедеятельности» [3]. Одним из них является социальная работа, в частности такое ее направление, как добровольное личное страхование.

«Добровольное страхование — форма страхования, при которой договор страхования между страховщиком и страхователем заключается на добровольных началах. Как правило, принцип добровольности распространяется на обе стороны страхового договора» [4].

В современной российской системе социального страхования основным является обязательное страхование, потому что осуществляется в силу закона в отношении всех категорий граждан, подвергающихся социальным рискам. Главная отличительная черта такого страхования — его обязательный характер.

В отличие от обязательного добровольное страхование в состоянии более гибко реагировать на все изменения в обществе и, следовательно, способно существенно дополнить собой обязательное страхование, формируя тем самым единый механизм социальной защиты человека и поднимая уровень его социальной безопасности. Добровольное страхование как дополнительное социальное страхование призвано обеспечить более полную и своевременную защиту имущественных интересов граждан

от социальных страховых рисков. Кроме того, оно может обеспечивать защиту от социальных страховых рисков тех граждан, которые не подлежат отдельным видам социального страхования в обязательном порядке.

В российском национальном страховом рынке выделяют три отрасли:

- личное страхование, где в качестве объектов выступают жизнь, здоровье и трудоспособность человека;
- имущественное страхование, при котором объектом страховых правоотношений выступает имущество в различных видах;
- страхование ответственности, где объектом выступает ответственность перед третьими (физическими и юридическими) лицами, которым может быть причинен ущерб.

Все три отрасли страхования включают в себя достаточно большое количество видов страховых услуг, ранжируемых по объекту страхования, по стоимости, по долгосрочности, по масштабу и пр. По мнению автора, с точки зрения социальной защиты и безопасности наибольшее значение имеет добровольное личное страхование.

Изучение проблемы страхования актуально ввиду того, что население в большинстве случаев не хочет покупать те услуги, которые предлагают страховые компании: граждане не желают платить деньги за события, вероятность которых в будущем не определена. Тем не менее автор считает, что положительная установка на страхование и готовность каждого отдельного человека воспринимать страхование как закономерную и объективную форму страховой защиты и направления социальной работы, а также условия социальной безопасности является ключевым моментом в развитии личных форм страховой защиты. Чтобы разобраться в причинах такого явления, автором было проведено социологическое исследование на тему: «Готовность населения г. Ярославля к личному добровольному страхованию».

Всего в 2012 г. было опрошено 120 человек от 30 лет и старше, с различными половозрастными характеристиками. Среди респондентов были 100 женщин в возрасте от 30 до 67 лет и 20 мужчин в возрасте от 30 до 72 лет.

Цель исследования: выявить готовность населения г. Ярославля к пользованию добровольной личной услугой по страхованию.

На первый вопрос «Пользуетесь ли Вы в настоящее время услугами страховых компаний?» ответы распределились следующим образом: «да, пользуюсь» — 83,3 %; «нет, не пользуюсь» — 16,7 %. Можно констатировать, что жители г. Ярославля являются активными пользователями услуг страховых компаний.

На вопрос «Как долго Вы пользуетесь услугами страховых компаний?» были получены ответы: от 1 года до 3 лет — 20 %, от 3 до 5 лет — 32 %, от 5 до 10 лет — 32 %, от 10 и более — 16 %. Результаты анкетирования показали, что основная масса застрахованных людей услугами страховых компаний пользуется от 3 до 10 лет (64 %). В Ярославле велико число пользователей со стажем от 10 лет и более (16 %). Эти показатели характеризуют жителей г. Ярославля как активных пользователей услуг страховых компаний.

На вопрос, какие виды страхования популярны в конкретной семье, ответы распределились следующим образом: ОСАГО — 76,6 %, страхование квартиры (дома, дачи) — 33,3 %, страхование от несчастных случаев — 30 %, страхование имущества — 23,3 %, добровольное медицинское страхование — 16,7 %, страхование ответственности — 13,3 %, страхование жизни — 10 %.

На вопрос анкеты «Знаете ли Вы, что, кроме обязательного медицинского страхования, существует добровольное медицинское страхование?» ответы распределились таким образом: «да, знаю» — 86,7 %, «нет, ничего не знаю» — 13,3 %, что свидетельствует о высоком уровне информированности жителей г. Ярославля в области медицинского страхования.

На вопрос «Хотели бы Вы ознакомиться с условиями добровольного медицинского страхования?» были получены следующие ответы: «я уже знаком (а)» — 0 %; «да, хотелось бы узнать подробные условия — 20 %; «нет, не хотел(а) бы, меня это не интересует» — 80 %.

Таким образом, резюмируя результаты исследования, мы сделали основной вывод, что на услуги страхования в современ-

ной России еще нет массового спроса, как это принято в развитых странах, анализ результатов авторского исследования показал достаточно высокую информированность населения г. Ярославля об услугах страховых компаний и их достаточно позитивное отношение к страхованию в целом, в том числе — к личному добровольному страхованию. Их нежелание активнее пользоваться услугами страховых компаний скорее связано, по мнению автора, с субъективными причинами (отсутствие полной информации об их продуктах и нежелание платить деньги за события, вероятность которых мала), а также объективными обстоятельствами (дефицит денежных ресурсов). Тем не менее социальная безопасность личности и населения в целом во многом обусловлены страхованием и личным добровольным страхованием, в том числе как одним из направлений социальной работы.

Литература

1. Албегова И. Ф. Социология социальных проблем как инновационное научно-практическое направление исследования современного российского общества // Вестник социально-политических наук: сб. науч. тр. Вып. 7 / под ред. проф. И. Ю. Киселева. Ярославль: ЯрГУ, 2007. С. 5–8.

2. URL: <http://socialeconom.academic.ru> (дата обращения: 10.05.2013).

3. Штарев П. В. Негосударственная система обеспечения национальной безопасности // Вестник социально-политических наук: сб. науч. тр. Вып. 9 / под ред. проф. И. Ю. Киселева. Ярославль: ЯрГУ, 2009. С. 77–81.

4. Архипов А. П. О теоретических основах страховой деятельности // Финансы. 2010. № 1. С. 60–65.

**Возможности и ограничения
использования механизма эндаумент-фондов
в финансировании
деятельности некоммерческих организаций
в социальной сфере**

А. А. Буторина

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

**Possibilities and restrictions
using mechanism endowment-funds
in financing of activity
of the noncommercial organizations
in social sphere**

A. A. Butorina

P. G. Demidov Yaroslavl State University

В статье раскрывается инновационный для России механизм финансирования деятельности некоммерческих организаций в сфере решения социальных проблем через эндаумент-фонды, определяются преимущества и недостатки этого инструмента финансового обеспечения.

Ключевые слова: эндаумент-фонд, социальная сфера, некоммерческие организации.

In article the innovative for Russia mechanism of financing of non-commercial organizations in social sphere through endowment-funds is described. Advantages and lacks of this tool of financial maintenance are defined.

Key words: endowment-funds, social sphere, noncommercial organizations.

В современных российских условиях актуальной теоретической проблемой и практической задачей стал поиск новых источников и механизмов финансирования социального развития общества и решения множества социальных проблем.

Одним из перспективных инструментов укрепления финансовой базы некоммерческих организаций как активных субъектов

социальной политики и проводников социального развития общества в настоящее время является механизм эндаумент-фондов, которые способны обеспечить комплексный подход к регулированию процесса формирования и использования финансовых ресурсов НКО. Финансовые ресурсы социальной сферы — это денежные средства, формируемые при образовании учреждений социальной сферы и пополняемые в ходе производственно-хозяйственной деятельности за счет реализации услуг, имущества, а также путем привлечения внешних источников финансирования [1].

Понятие «эндаумент» (фонд целевого капитала) постепенно входит в повседневную практику не только образования, но и культуры и искусства. Гражданское общество стало осознавать новые возможности, которые несут в себе эндаумент-фонды.

Принятие Федерального закона РФ «О порядке формирования и использования целевого капитала некоммерческих организаций» № 275-ФЗ от 30.12.2006 открыло возможности для создания эндаументов (целевых капиталов) и в России. Целевой капитал — это сформированная за счет пожертвований, внесенных жертвователем (жертвователями) в виде денежных средств, часть имущества некоммерческой организации, переданная некоммерческой организацией в доверительное управление управляющей компании для получения дохода, используемого для финансирования уставной деятельности некоммерческой организации.

Среди трудов, посвященных фондам целевого капитала, можно назвать работы Т. В. Абанкиной, Л. Н. Андриановой, Е. М. Арын, Е. С. Ненаховой, Д. А. Дегтярева, А. В. Стельмаха, В. Г. Захаревича, М. А. Боровской, Г. Б. Кочеткова, В. И. Марцинкевича, С. В. Соколовой, Б. И. Соколова, В. В. Титова, Т. Я. Эрнazarова.

Несмотря на значительный интерес, проявляемый в научной литературе к означенной теме, многие теоретические, методологические и практические аспекты проблемы остаются нерешенными, что вызывает необходимость детального анализа механизма привлечения и использования целевого капитала (эндаументов) некоммерческих организаций.

Эндаументы в широком смысле означают ресурсный капитал, совокупность финансовых и иных материальных ценностей,

переданных некоммерческим организациям. В узком смысле под эндаументами подразумевается перевод денег или какой-либо собственности в дар, нацеленный на решение определенных задач в течение конкретного периода [2].

Эндаумент-фонды, на наш взгляд, целесообразно рассматривать в контексте фандрайзинга, суть которого состоит в поиске, привлечении и рациональном использовании ресурсов [3].

Основной причиной возникновения эндаументов можно считать желание благотворителей обеспечить стабильное финансирование целевой деятельности при разовых пожертвованиях. Во всех случаях деятельность эндаумент-фондов связана с согласованием долговременных интересов благотворителей и получателей целевого капитала, осуществляющих софинансирование социально значимых проектов.

Эндаумент-фонды можно рассматривать как инструмент благотворительной деятельности, имеющий ряд преимуществ.

Первое преимущество — возможность привлечения к реализации общественно значимых проектов частных инвестиций и осуществление принципов частно-государственного партнерства, что сегодня является необходимым условием функционирования российской экономики и важным фактором повышения ее конкурентоспособности.

Второе преимущество — независимость доходов от использования целевого капитала от прочих поступлений, что позволяет сглаживать колебания финансовых потоков в промежутках между крупными пожертвованиями, обеспечивая стабильное финансирование уставной деятельности некоммерческой организации.

Третье преимущество — обеспечивается повышение финансовой самостоятельности некоммерческих организаций в результате увеличения доли гарантированного дохода в общем объеме доходов.

Четвертое преимущество связано с тем, что эндаументы дают возможность долгосрочного планирования деятельности некоммерческих организаций, поскольку представляют собой долговременный источник финансирования [4].

Следует отметить, что целевой капитал не может быть единственным источником пополнения бюджета некоммерческой ор-

ганизации, это всего лишь один из дополнительных механизмов, как правило создаваемый для поддержки отдельных направлений

В 2012 г., благодаря поправкам в законодательство, регулирующее создание и управление целевыми капиталами, сферы поддержки, для которых можно создавать целевой капитал, увеличились до десяти: образование, наука, здравоохранение, культура, физическая культура и спорт (за исключением профессионального), искусство, архивное дело, социальная помощь (поддержка), охрана окружающей среды, оказание гражданам бесплатной юридической помощи и осуществление их правового просвещения. Однако, несмотря на предоставленную законодателем возможность, эндаументы созданы не во всех этих сферах. Больше всего фондов целевого капитала (ФЦК) создано в сфере поддержки образования и науки (примерно 65 % от всех организаций), значительно меньше в сфере здравоохранения и социальной поддержки населения (18 %), культуры и искусства (14 %), спорта (2,5 %). Мировая практика показывает, что ведущие университеты мира получают стабильный источник финансирования образовательных, научных и других программ от поступлений из фонда порядка 25–45 % доходов бюджета [5].

Росту объемов целевых капиталов способствовало введение льгот для жертвователей — физических лиц, а к 2014 г. планируется ввести также налоговые привилегии и для юридических лиц. В результате к середине ноября 2012 г. объем сектора эндаумент-фондов вырос по сравнению с 2011 г. на 480 % и достиг 19,3 млрд рублей (по публичным данным ФЦК) [6].

Увеличение количества фондов и их объемов привлекает внимание самых разных сторон. Государство показало свою заинтересованность не только включением критерия наличия целевых капиталов в конкурс на предоставление субсидий из федерального бюджета для поддержки регионов. На многих деловых конференциях в 2012 г., включая Красноярский и Санкт-Петербургский экономические форумы, прозвучали выступления по теме эндаументов, о них говорили также и на площадках профессиональных конференций музеев и университетов.

Государство не единственная заинтересованная в развитии целевых капиталов сторона. Сама идея эндаументов пришла из опыта

работы благотворительных фондов, и многие из них рассматривают возможность поддержать работу по созданию целевых капиталов у своих благополучателей — партнеров из некоммерческого сектора.

На настоящий момент российскими эндаумент-фондами накоплен определенный положительный опыт функционирования.

Совокупный объем средств, аккумулированный целевыми капиталами в России, — более 17,3 млрд рублей [7].

По оценкам рейтингового агентства «Эксперт РА», сектор эндаумент-фондов стал самым динамичным сегментом рынка доверительного управления в I квартале 2012 г.: за три месяца его объем вырос на 300 %.

Ситуация обусловлена не только состоянием экономики, но и организационными, административными и правовыми барьерами, препятствующим активному привлечению инвестиций в некоммерческие организации через механизм целевого капитала. Это существующие требования к форме пожертвований, которые принимаются только в виде денежных средств и не предусматривают использование имущества и ценных бумаг, что характерно для зарубежной практики. Это ограничения по размеру целевого капитала (3 млн руб.) и минимальному сроку его формирования (10 лет), что вызывает трудности со сбором пожертвований даже на минимальную сумму для небольших организаций. Барьеры сформированы через правовой статус некоммерческих организаций и закрытый перечень сфер деятельности, в которых разрешено формирование целевого капитала. Существенным ограничением является недостаточный объем налоговых льгот и стимулов для жертвователей в фонды целевого капитала.

Таким образом, задержки в создании российских фондов целевого капитала носят объективный характер. Устранение их причин позволит сформировать в стране рынок благотворительности в соответствии с мировыми стандартами.

Аккумуляция средств в эндаумент-фондах в России также сталкивается с рядом серьезных трудностей. Первые связаны с получателями дохода от целевого капитала. В интервью многие руководители ведущих учреждений образования и культуры (особенно имеющие финансовую поддержку в виде грантов и спонсорских

средств, выдаваемых на безвозвратной основе) подчеркивают, что не хотят тратить время на создание специального юридического лица, открытие счетов и поиск управляющей компании [8].

Другой проблемой является низкий уровень системы менеджмента потенциальных получателей, которые должны разрабатывать стратегические направления деятельности своих учреждений с целью наиболее рационального использования доходов от целевого капитала, находящегося в их распоряжении. При этом российские НКО с их насущными финансовыми проблемами, возможно, предпочли бы немедленно использовать, допустим, 30 млн рублей средств эндаумент-фонда, вместо того, чтобы в течение 10 лет получать по 3 млн рублей доходов от доверительного управления.

Отсутствие в России культуры благотворительности, подготовленных кадров сотрудников эндаументов, налоговых льгот для жертвователей — физических и юридических лиц — еще одна причина сдерживания развития эндаумент-фондов [9].

Несмотря на все это, построение системы фандрайзинга и создание эндаумент-фонда способно послужить импульсом для успешного инновационного развития, однако это ставит новые масштабные задачи перед некоммерческими организациями. Необходимо не только определить новые формы функционирования и развития НКО, научиться привлекать денежные средства частных лиц, компаний и фондов, но и создать новые механизмы принятия управленческих решений, эффективные и прозрачные условия для частного финансирования в некоммерческие организации.

Необходимо предусмотреть возможность формирования целевого капитала некоммерческих организаций за счет бюджетных и собственных средств.

В мировой практике все чаще используется термин «венчурная филантропия», подразумевающий инвестиции в общественную среду с целью укрепления социальной инфраструктуры и создания саморазвивающихся механизмов решения общественных проблем. В России многие потенциальные благополучатели и доноры не готовы к созданию эндаумента с точки зрения организационной и финансовой культуры. Основной камень преткновения — неспособность некоммерческой организации объяснить бизнесу свои потребности.

Можно сделать вывод, что потенциал механизма целевого капитала высок. При нивелировании указанных недостатков работающая и технологичная модель эндаументов позволит НКО не только увеличить финансовое наполнение собственного бюджета, но и наладить стратегическое партнерство с бизнес- и региональным сообществом.

Литература

1. Буторина А. А. Ресурсный подход в социальной работе и проблемы ее ресурсного обеспечения в современной России // Вестник социально-политических наук: сб. науч. тр. Вып. 11. Ярославль: ЯрГУ, 2012. С. 34–36.

2. Новиков В. С. Практика формирования эндаумент-фондов в целях управления ресурсным капиталом // Проблемы управления развитием организации и опыт подготовки менеджментов: сб. ст. Краснодар: ЮИМ, 2008.

3. Албегова И. Ф. Использование внутренних ресурсов местного социума как эффективная стратегия социального развития города Ярославля: состояние, проблемы и ограничения // Вестник социально-политических наук: сб. науч. тр. Вып. 11. Ярославль: ЯрГУ, 2012. С. 8–12.

4. Андреасян Г. Г. Совершенствование системы привлечения и использования целевого капитала (эндаументов) некоммерческих организаций социальной сферы: автореф. дис... канд. экон. наук. М., 2011.

5. Никулина И. Е., Прощаева Н. В. Фонды целевого капитала российских вузов: состояние и перспективы развития // Известия Томского политехнического университета. 2011. Т. 319. № 6.

6. Лучшие практики по созданию целевых капиталов: сб. / под ред. А. Барковец. М: Форум Доноров, 2012.

7. Пантелеева Л. «2012 год оказался достаточно «урожайным» для отрасли российских эндаументов» // PIF nvestfunds, 2013.

8. Там же.

9. Никулина И. Е., Прощаева Н. В. Указ. соч.

Профилактика молодежного экстремизма как условие обеспечения социальной безопасности российского общества

А. А. Буторина, Е. А. Серова

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

Preventive measures of youth extremism as a condition social safety of the Russian society

A. A. Butorina, E. A. Serova

P. G. Demidov Yaroslavl State University

В статье раскрывается понятие и сущность молодежного экстремизма как угрозы социальной безопасности российского общества, определяются технологии и методы социальной работы по предупреждению и профилактике экстремизма в молодежной среде.

Ключевые слова: экстремизм, молодежь, социальная работа, социальная безопасность, протест.

In article the concept and essence of youth extremism as threats of social safety of the Russian society reveals, technologies and methods of social work on the prevention in the youth environment are defined.

Key words: extremism, youth, social work, social safety, the protest.

Безопасность относится к числу основных и доминирующих потребностей гражданина, общества и государства, гораздо более сильных, чем потребность в независимости и самореализации личности.

В связи с обострением глобальных и национальных проблем понятие «безопасность» стало системообразующим стержнем концепции устойчивого развития. Многие международные документы в рамках реализации данной концепции подписаны и ратифицированы нашей страной. Понятие «безопасность» в данном контексте связано уже не только с экономическим ростом государств,

но и в первую очередь с решением проблем социального характера — демографических проблем, борьбой с бедностью и т. д.

Современный мир переживает бурный рост радикальных, экстремистских проявлений в молодежной среде, направленных на разрушение традиционных общественных устоев, институтов, социальных практик. Данное обстоятельство ведет к эскалации риска, росту неопределенности, разрушению каналов воспроизводства общества. В России процессы молодежного протеста носят пока латентный и невыраженный характер, что не всегда дает возможность своевременно диагностировать и локализовать их. Однако Россия традиционно находится среди государств, где риски проявления экстремистских настроений достаточно велики, что объясняется многонациональным и многоконфессиональным характером государства. В этой ситуации особого внимания требует разработка и внедрение модели общенациональной системы противодействия экстремизму и снижения его проявлений в молодежной среде.

Согласно данным официальной статистики, опубликованым Главным информационно-аналитическим центром МВД России, за 10 месяцев 2012 г. было зарегистрировано 506 преступлений экстремистской направленности, из них раскрыто 423, выявлено 393 лица, совершивших преступления. По данным Генпрокуратуры, в июне 2010 г. в России насчитывалось около 200 объединений экстремистского характера численностью до 10 тыс. человек [1]. В 2010–2012 гг. в ряде крупных городов России была пресечена деятельность более 50 радикальных националистических преступных групп. Проведенный анализ лиц, совершающих преступления экстремистской направленности, показывает, что чаще всего это молодые люди в возрасте 16–25 лет, что дает ученым основание говорить о существовании такого социально опасного явления, как «экстремизм в молодежной среде». Молодежь как особая социально-демографическая группа находится в числе наиболее уязвимых для распространения экстремизма. При этом сохраняющиеся в российском обществе кризисные явления как никогда остро демонстрируют активную позицию молодежи в выражении собственных мыслей,

идей и намерений как отражения социальной напряженности в условиях модернизации российского общества.

В современной научной литературе под экстремизмом понимают весьма обширный перечень явлений политического, философского, психологического, социального и исторического порядка, что делает затруднительным дать четкое, содержательное и исчерпывающее определение экстремизма, удовлетворяющее всех специалистов, занимающихся изучением данного феномена.

Работы российских специалистов по проблемам экстремизма (Ф. П. Васильева, В. И. Власова, Н. В. Волкова, А. С. Грачева, А.-Н. З. Дибирова, Г. К. Сафаралиева, В. И. Красикова, И. Л. Морозова, И. А. Сазонова, М. Я. Яхьяева и др.) посвящены вопросам осмысления сущности, социально-политической обусловленности экстремизма, тенденций и форм его проявления.

Большинство исследователей считает, что отправной точкой при анализе экстремизма как феномена политической реальности служат противоречия, которые существуют в обществе независимо от воли и желаний людей. В общественной жизни они проявляются в виде конфликтов, в ходе которых стороны вырабатывают те или иные идеологии и программы, направленные на их разрешение.

Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г. указывает на то, что среди основных источников угроз в сфере государственной и общественной безопасности является экстремистская деятельность националистических, религиозных, этнических и иных организаций и структур, направленная на нарушение единства и территориальной целостности Российской Федерации, дестабилизацию внутривнутриполитической и социальной ситуации в стране. В данном документе отмечается, что «для предотвращения угроз национальной безопасности необходимо обеспечить социальную стабильность, этническое и конфессиональное согласие, повысить мобилизационный потенциал и рост национальной экономики, поднять качество работы органов государственной власти и сформировать действенные механизмы их взаимодействия с гражданским обществом в целях реализации гражданами Российской Федерации права на жизнь, безопасность, труд, жилье, здоровье и здоровый образ жизни, на доступное образование и культурное развитие» [2].

Рост экстремистских и радикальных настроений повышает социальную напряженность, вызывает все возрастающее и все более обоснованное беспокойство власти и общества. Опасное развитие ситуации определяется неблагоприятными качественными характеристиками радикально настроенной молодежи. Это прежде всего высокая степень ее организованности, наличие криминального потенциала (использование оружия, употребление алкоголя, наркотиков и т. д.), наличие межрегиональных связей, мобильность и т. д.

Бесспорно, молодежный экстремизм, выступающий следствием социального протеста, является не столько уголовно-правовым, сколько социальным явлением, потому как представляет собой результат «болезни» общества и возникает на базе неразрешенных социальных конфликтов и противоречий, носящих устойчивый и длительный характер. Здоровое общество консолидируется вокруг единых ценностей, регулирует возникающие противоречия, руководствуясь принципами уважения к правам личности. Регулируя общественные отношения, надо четко представлять, что реакция социума на радикальные проявления далеко не спонтанна: она обусловлена целым комплексом предпосылок, имеет характерные черты и в достаточной степени предсказуема. Неприятие насилия порождает общественное противодействие. Когда и при каких обстоятельствах активизируется это явление, какие факторы определяют его развитие, как сделать эффективными усилия общества и государства в этой сфере, оптимизировать противодействие радикализму — ответы на эти вопросы актуализируют необходимость профилактики всплеск социального протеста, т. е. воспитания законопослушной личности и строительства социально направленного государства. Специфика проявления экстремизма в молодежной среде обусловлена особенностями самой молодежи: незавершенностью процессов экономической, политической и духовной социализации, мировоззренческой неустойчивостью, недостаточной социально-психологической зрелостью, поверхностным восприятием сложности и противоречивости социального бытия, стремлением к решительному обновлению форм и способов жизнедеятельности, склонностью к различ-

ным формам социального протеста и неумеренностью в выборе средств и способов достижения жизненных целей [3].

Характерными чертами проявлений экстремизма в молодежной среде являются протестный характер, преобладание групповых форм, политическая индифферентность, повышенная криминогенность, высокая неумеренность и эскалация насильственных форм.

Для России, уникального многонационального государства, экстремизм особенно опасен, поскольку угрожает мирному сосуществованию различных этнических и социальных групп, порождает недоверие и разлад среди населения страны, посягает на основные принципы государственного устройства.

Сегодня мировой опыт свидетельствует, что при помощи социальных технологий можно своевременно разрешать социальные конфликты, снимать социальное напряжение, предотвращать катастрофы, блокировать рискованные ситуации, принимать и выполнять оптимальные управленческие решения.

Социальные технологии базируются на реальном опыте социальной работы, принципах и теоретико-методологических закономерностях, открытых социальными науками — социологией, теорией социальной работы, теорией управления, правом, социальной педагогикой и др.

Социальная работа — это специфический вид профессиональной деятельности, оказание государственного и негосударственного содействия человеку с целью обеспечения культурного, социального и материального уровня его жизни, предоставление индивидуальной помощи человеку, семье или группе лиц [4].

Основные технологии социальной работы по снижению экстремистских проявлений в молодежной среде должны быть ориентированы:

- на оптимизацию социальной среды (в целом), в которой находятся молодые россияне, ее улучшение, создание пространств конструктивного взаимодействия, положительных эмоций, реальных социальных проектов, достижимых перспектив, реального опыта решения молодежных проблем;

- формирование технологий оптимизации молодежного экстремистского поля, разработку методов его разрушения, создание на его месте конструктивных социальных зон;

- создание технологий эффективного влияния на процесс социализации личности молодого человека, включение его в социокультурное пространство ближайшего сообщества и всего социума в целом. Итогом такой работы должно стать развитие ответственной, успешной личности, ориентированной на ценности гражданственности и патриотизма;

- разработку системы психокоррекционной работы, направленной на профилактику ненормированной агрессии, развитие умений социального взаимодействия, рефлексии, саморегуляции, формирование навыков толерантного поведения, выхода из деструктивных культов, организаций, субкультур.

На основе взаимодействия объекта и предмета профилактики могут быть формулированы цели и задачи социальной работы в системе профилактики молодежного экстремизма:

- создание условий для снижения агрессии, напряженности, экстремистской активности в среде российской молодежи;

- создание условий для воспитания успешной, эффективной, толерантной, патриотичной, ответственной личности;

- создание условий для повышения жизненных шансов подростков и молодежи, оказавшихся в сложной жизненной ситуации;

- развитие конструктивной социальной активности подростков и молодежи;

- развитие позитивных молодежных субкультур, общественных объединений, движений, групп;

- создание альтернативных форм реализации экстремального потенциала российской молодежи.

Социальная работа реализуется при помощи отдельных методик или техник (общения с клиентами, трудоустройства, поведения в экстремальных условиях, реадaptации, реабилитации, психотехник и т. д.). Любая организационная структура социальной работы (служба занятости, служба социальной помощи или защиты, реабилитационный центр и т. д.) также имеет свои технологии и методы работы.

Социальная работа как институт современного общества накопила большой арсенал методов и технологий борьбы с молодежным экстремизмом и его профилактики. Данные методы и технологии могут быть условно классифицированы по различным основаниям.

В первую очередь считаем целесообразным классифицировать методы и технологии профилактики молодежного экстремизма в зависимости от уровня социальной работы:

- на макроуровне социальной работы технологии профилактики молодежного экстремизма связаны с воздействием на общество в целом, государственной политикой образования и воспитания молодого поколения, с государственной политикой обеспечения национальной безопасности и противодействия терроризму и экстремизму;

- на мезоуровне социальной работы технологии профилактики экстремизма в молодежной среде предполагают работу с отдельными социальными группами, общностями и организациями. Сюда могут быть включены технологии социальной работы в учебных заведениях, в молодежных формальных и неформальных организациях, региональный и местный уровень реализации государственной политики по обеспечению национальной безопасности и противодействию терроризму и экстремизму;

- на микроуровне социальная работа включает в себя технологии работы с конкретными индивидами и/или их семьями и ближайшим окружением.

Таким образом, эффективная социальная работа по профилактике экстремизма в молодежной среде должна реализовываться на всех этих уровнях, что позволит обеспечить синергетический эффект прилагаемых усилий при решении данной проблемы.

Социальная работа, основываясь на междисциплинарном подходе, также может включать в себя технологии профилактики молодежного экстремизма следующих видов:

- 1) политико-правовые технологии профилактики молодежного экстремизма, ориентированные на создание институциональных условий, снижающих риск вовлечения молодого поколения в экстремистскую активность. В основе данного направле-

ния лежит законотворческая работа, направленная на снижение социально-экономической напряженности в подростковой и молодежной среде, создание реальных возможностей для успешного жизненного старта молодого поколения, расширение возможностей для его самореализации.

В данном направлении предполагается осуществление следующих мероприятий: разработка и принятие законодательных актов, направленных на формирование условий для успешной социализации молодежи; разработка и принятие подзаконных нормативно-правовых актов, направленных на повышение жизненных шансов молодого поколения в образовании, трудоустройстве, обеспечении жильем; поддержку талантливой молодежи, поддержку молодежи, находящейся в трудной жизненной ситуации; разработка и внедрение ювенальной юстиции как механизма защиты прав детей и молодежи, создания современного правового поля их жизнедеятельности; разработка нормативно-правовых актов, регламентирующих внедрение системы психологической «диспансеризации» детей, подростков и молодежи с целью проведения регулярных обследований молодого поколения на предмет выявления психических отклонений, негативных акцентуаций, ненормированной агрессии и склонности к девиациям, психологических проблем, связанных с неадекватной самооценкой и т. д.; разработка региональных целевых программ, направленных на профилактику экстремистских проявлений в молодежной среде;

2) организационные технологии предполагают создание механизмов для организованного включения молодых людей в экстремальные виды спорта путем образования региональных ассоциаций экстремальных видов спорта, проведения открытых чемпионатов для «экстремалов», организации специализированных спортивных смен в летних оздоровительных лагерях и др.; учреждение молодежных СМИ (телеканал, радио, журналы, газеты), пропагандирующих толерантность, гражданственность, патриотизм, здоровый образ жизни, успешность и т. д. в среде молодежи; активизацию молодежных общественных движений, в основе деятельности которых лежит идея позитивного решения

разнообразных молодежных проблем (к примеру, институционализация движений футбольных фанатов через их привлечение к организованным и социально контролируемым формам реализации собственной активности); организацию и проведение фестивалей молодежных музыкальных субкультур (панки, хиппи, рокеры, хип-хоп культура и т. д.);

3) педагогические технологии;

4) психологические технологии. Психологическая поддержка рассматривается как практический коррелят события - сопереживания неопределенного, неблагоприятного или трудного периода в жизни организации или отдельного ее члена. Назначение поддержки состоит в психологической помощи в сохранении и укреплении позитивной направленности личности; усилении общественно ориентированных целей, ценностей и субъективных отношений с другими; создании условий для личностного роста и повышения социальной компетентности в целом.

Существенную роль в этом процессе играют социальные гуманитарные технологии, т. е. способы позитивных межличностных отношений, обеспечивающих сохранение и укрепление психологического здоровья и личностной целостности человека, продуктивность и принятие ответственности за свою жизнь;

5) собственно технологии социальной работы. Система технологий социальной работы по профилактике молодежного экстремизма включает в себя следующие наиболее значимые технологические процедуры: социальную диагностику; социальную профилактику; социальную адаптацию; социальную коррекцию и терапию; социальную экспертизу, прогнозирование, моделирование; социальное посредничество и консультирование; социальное информирование.

Резюмируя, можно отметить следующее. Под влиянием социальных, политических, экономических и иных факторов в молодежной среде, наиболее подверженной деструктивному влиянию, легче формируются радикальные взгляды и убеждения. Таким образом, молодые граждане пополняют ряды экстремистских и террористических организаций, которые активно используют российскую молодежь в своих политических интересах [5].

Молодежная среда в силу своих социальных характеристик и остроты восприятия окружающей обстановки является той частью общества, в которой наиболее быстро происходит накопление и реализация негативного протестного потенциала.

Социальная работа является тем институтом гражданского общества и демократического государства, который позволяет координировать усилия всех уровней и иерархий в достижении общей цели — формирования толерантного молодого поколения в условиях социального разнообразия.

Литература

1. Официальный сайт Госкомстата России. URL: www.gks.ru
2. Стратегия национальной безопасности России до 2020 г. п. 20. URL: <http://www.scrf.gov.ru/documents/99.html>
3. Единый портал молодежного парламентского движения России // Политическое участие молодежи в условиях модернизации современной России. URL: <http://www.newparlament.ru/tribune/view/1653>
4. Буторина А. А., Соколов А. В. Протест в условиях российских реформ // Двадцать лет реформ: итоги и перспективы: сб. ст. М.; Махачкала, 2011. С. 142–149.
5. Юркин И. Н. Сущность и особенности проявлений молодежного экстремизма // Вестник МГОУ. Серия: Философские науки. 2010. № 2. С. 83–88.

Исследование профессиональной ориентации современных выпускников средней школы

Н. А. Соловьева, Е. В. Дворникова

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

The research career guidance modern school leavers

N. A. Solovyeva, E. V. Dvornikova

P. G. Demidov Yaroslavl State University

В статье анализируются проблемы, существующие в организации профориентационной деятельности в общеобразовательных школах: отсутствие у выпускников адекватных представлений о потребностях рынка труда; отсутствие навыков профессионального самоопределения; слабая вовлеченность и заинтересованность работодателей в профориентационной работе. Авторы приходят к выводу, что функционирующая в настоящее время система профессиональной ориентации недостаточно приспособлена к современным условиям, чем обуславливается ее низкая эффективность. Для решения этой проблемы целесообразно разработать и внедрить в жизнь комплекс мер по созданию научно обоснованной системы профессиональной ориентации учащихся в системе общего образования.

Ключевые слова: профессиональная ориентация; профессиональная работа; выпускники школ; профессиональное самоопределение.

The article analyzes the problems existing in the organization of career-oriented activities in the public schools, such as the lack of adequate representation of the graduates of the needs of the labor market, the lack of professional skills of self-determination, the lack of independence in the choice of a profession; scant involvement and interest of the employers participating in career-oriented work. Authors concluded that functioning in the current system of vocational guidance is not enough adapted to living in modern conditions than is caused by its low efficiency. To solve this problem, it is advisable to develop and implement a set of measures into practice to create a science-based system of professional orientation of students in general education.

Key words: professional orientation, professional work, school graduates, professional self-determination.

Выбор профессии — это важный шаг в жизни человека, сложный и ответственный. Переход к новым социально-экономическим отношениям вызывает изменение роли выпускников старших классов в хозяйственной системе общества, пересмотр требований к ним как к профессионалам [1]. В частности, на первый план выходят такие качества старшеклассников, как ответственность, социально-профессиональная мобильность, способность принимать самостоятельные решения. В условиях жесткого рынка не все работники имеют постоянную оплачиваемую работу на протяжении всей трудовой жизни, тем более связанную с одной и той же профессией. В связи с этим каждому специалисту необходимо не только постоянно совершенствоваться в профессии, но и быть готовым к изменению профессиональной деятельности [2].

Актуальной становится разработка новых подходов к профессиональной ориентации старшеклассников, которые заключаются в обучении продуктивной практической деятельности, направленной на формирование рефлексивных способностей: познание собственной деятельности, умение видеть в ней успехи, ошибки, исправлять их при подготовке к профессиональному самоопределению [3].

Профориентационная работа как научно обоснованная система подготовки выпускников школы к свободному и самостоятельному выбору профессии призвана учитывать индивидуальные способности и потребности каждого ученика и особенности социально-экономической ситуации на рынке труда [4].

Профориентация учащихся становится в наши дни актуальной еще и по той причине, что старшеклассники не получают знаний о современном рынке труда, о правилах поведения на нем, слагаемых построения успешной профессиональной карьеры, о своих правах и обязанностях в сфере трудовых отношений. Они не готовы конкурировать и быть субъектом на рынке труда.

При первичном выходе на рынок труда у выпускников преобладают идеалистические представления о будущей профессии, трудовой и профессиональной карьере. С первых шагов на рынке, в условиях невозможности трудоустройства, эти представления разрушаются и приводят к возникновению сложных социально-

психических состояний (тревога, состояние депрессии, влияющее на коммуникативную сферу и сопровождаемое ощущением безысходности, комплексом вины).

Столкновение с трудовой реальностью приводит к переориентации либо деградации трудовых ценностей. Существуют мнения, что безработицу следует рассматривать как своеобразный вариант социализации молодежи, но многочисленные примеры подтверждают, что безработица негативно влияет на социально-психологическое развитие молодых людей и часто приводит к исчезновению взгляда на труд как средство личной самореализации, а сам процесс нормальной социализации оказывается нарушенным [5].

Значительную роль в решении проблем адаптации молодежи к сложившейся социально-экономической ситуации и адекватной ориентации на рынке труда играют профориентационные мероприятия [6].

Для решения данной проблемы, вероятно, недостаточно стандартного набора диагностических методик. Современный рынок труда требует не только специфических способностей и склонностей, но и немалой личной зрелости. В наши дни жизненный успех определяется не столько усвоенными знаниями и навыками, сколько личностной позицией. Обучение старшеклассников должно быть построено в максимально возможной мере с учетом юношами и девушками своих интересов и дальнейших жизненных планов [7].

В марте 2013 г. нами было проведено анкетирование учеников 11-х классов общеобразовательных школ г. Ярославля № 59, 48, 43 и 25. Целью данного исследования было изучение профессиональных планов старшеклассников в условиях школьного образования и получение представлений о профессиональной направленности и интересах современных школьников.

Выборка респондентов для опроса составила 84 учащихся. В процессе исследования было опрошено 56 девушек (67 %) и 28 юношей (33 %).

В результате проведенного исследования были отмечены следующие особенности формирования профессиональных ориентаций и намерений у учащихся. Общее количество школь-

ников, определившихся в выборе профессии, составляет 81 % от общего числа опрошенных. Среди девушек больше определившихся в выборе профессии, чем среди юношей, в процентном соотношении этот показатель можно выделить как 70 % к 30 %.

Практика показывает, что, к сожалению, большинство выпускников не имеют полного, четкого и адекватного представления о реалиях современного рынка труда, даже по месту своего проживания. 33 % одиннадцатиклассников не выбрали профессию или сомневаются в выборе.

В настоящее время на профессиональный выбор школьников часто оказывает влияние позиция родителей (63 %) и случайные факторы: советы одноклассников (23 %) или влияние средств массовой информации (11 %). И лишь 3 % набрал ответ «Я сам (а) решил (а)». Это говорит о том, что пока школьники не готовы самостоятельно, без чьего-либо влияния принимать такие серьезные решения, как в какой вуз поступить и кем быть.

Достаточным уровнем образования большинство опрошенных респондентов считают именно высшее образование. На вопрос «Где бы Вы хотели продолжить образование, чтобы овладеть выбранной профессией?» 98 % ответили: «В вузе». Среди девушек этот ответ составил 100 %, среди юношей 89 %.

По результатам опроса можно констатировать, что большинство сегодняшних старшеклассников выбирают прежде всего профессиональные сферы, связанные с экономикой, бизнесом и менеджментом (37 %), затем следует техника, инженерно-технические профессии и информационные технологии (29 %). И лишь 19 % выбрали социально-гуманитарные профессии.

Наиболее популярные профессии среди юношей: экономист/бухгалтер (20 %), стоматолог/судмедэксперт (18 %) и программист (12 %), среди девушек: архитектор (24 %), врач/ветеринар (20 %), психолог/лингвист/переводчик (15 %). Наблюдаются существенные изменения в профессиональных предпочтениях старших школьников: резко снизилась популярность еще несколько лет назад очень модных в молодежной среде профессий программиста (6 %), юриста (5 %), журналиста (2 %). Возможно, снижение интереса к недавно престижным профессиям связано с перенасыщением рынка специалистами подобного профиля.

При выборе профессии современная молодежь в большинстве своем ориентируется на содержание данной трудовой деятельности. Именно этот параметр в вопросе «Что Вас привлекает в выбранной профессии?» набрал 65 % у девушек и 60 % у юношей. Далее в ответах юношей идут такие параметры, как «высокая материальная обеспеченность/ подвижная работа, новые впечатления» (21 %) и «контакты с людьми/ перспективность (профессиональный рост, продвижение)» (10 %). У девушек лидируют такие варианты ответа, как «подвижная работа, новые впечатления/ контакты с людьми» (27 %), «высокая материальная обеспеченность/ перспективность (профессиональный рост, продвижение)» (9 %), «возможность творческой деятельности/ полезность результата Вашей работы» (4 %). Такие показатели говорят о том, что для современных старшеклассников материальная обеспеченность имеет немаловажное значение при выборе профессии, но при этом для них важен и социальный аспект трудовой деятельности, а именно полезность труда и контакты с людьми. Нынешние выпускники школ отдают предпочтение профессиям, связанным с более подвижной работой, перспективностью (профессиональным ростом, продвижением по карьерой лестнице), а также профессиям, связанным с новыми впечатлениями.

Респондентам было предложено оценить степень твердости своего решения о выборе определенной профессии по пятибалльной шкале. По общим показателям среди всех выпускников в обеих половых группах данные разделились почти поровну — 55 % (оценка 4) и на 45 % (оценка 5). Среди опрошенных девушек показатели составляют 65 % (оценка 4)/ 35 % (оценка 5), а среди юношей — 57 % (оценка 4)/ 43 % (оценка 5). В целом, в соответствии с полученными результатами можно сделать вывод, что большинство старшеклассников не сделали осознанный выбор профессии, они не уверены в своем решении.

Из 100 % выпускников лишь 35 % считают, что в школе им дают необходимое количество информации об их будущей профессии, остальные 65 % считают, что не получают нужного объема информации. Современные школьники плохо ориентируются в мире профессий, и, как следствие, многие не могут выбрать дальнейший профессиональный путь либо не уверены в своем выборе.

Эта ситуация отражает ряд проблем, существующих в организации профориентационной деятельности в общеобразовательных школах: отсутствие у выпускников адекватных представлений о потребностях рынка труда; отсутствие навыков профессионального самоопределения; отсутствие самостоятельности при выборе профессии; слабая вовлеченность и заинтересованность работодателей в участии в профориентационной работе.

Функционирующая в настоящее время система профессиональной ориентации недостаточно приспособлена к современным условиям, чем обуславливается ее низкая эффективность. Для решения этой проблемы целесообразно разработать и внедрить в жизнь комплекс мер по созданию научно обоснованной системы профессиональной ориентации учащихся в системе общего образования.

Мы считаем, что профориентационная работа с учащимися может быть эффективна, если её формы и методы будут подобраны с учётом индивидуально-личностных, психологических и социально-педагогических особенностей учащихся; процесс её организации будет осуществляться в рамках системы «школа — вуз»; основой её организации будет психолого-педагогическое сопровождение деятельности учащихся учителями-предметниками, классным руководителем, психологом и родителями.

Литература

1. Албегова И. Ф., Шаматонова Г. Л. Форсайт гражданского общества в современной России: теория и практика применения // Вестник социально-политических наук: сб. науч. тр. Вып. 9 / под ред. проф. И. Ю. Киселева. Ярославль: ЯрГУ, 2009. С. 3–12.
2. Корнилов В. И. Социальная политика как условие функционирования рыночной экономики // Вестник социально-политических наук: сб. науч. тр. Вып. 7 / под ред. проф. И. Ю. Киселева. Ярославль: ЯрГУ, 2007. С. 53–56.
3. Климов Е. А. Психология профессионального самоопределения. М.: Академия, 2007. С. 245.
4. Зеер Э. Ф. Психология профессионального развития. М.: Академия, 2007. С. 176–177.
5. Шатохин А. Г. Совершенствование системы подготовки и переподготовки работников // Вестник социально-полити-

ческих наук: сб. науч. тр. Вып. 8 / под ред. проф. И. Ю. Киселева. Ярославль: ЯрГУ, 2008. С. 90–93.

6. Попов М. С. К вопросу о реформе школьного образования // Вестник социально-политических наук: сб. науч. тр. Вып. 10 / под ред. проф. И. Ю. Киселева. Ярославль: ЯрГУ, 2010. С. 76–81.

7. Буторина А. А. Ресурсный подход в социальной работе и проблемы ее ресурсного обеспечения в современной России // Вестник социально-политических наук: сб. науч. тр. Вып. 11 / отв. ред. д-р соц. наук, проф. И. Ф. Албегова. Ярославль: ЯрГУ, 2012. С. 34–39.

УДК 159.9.072

Причины участия молодежи в деятельности общественно-политических организаций

Ю. Н. Зарубина

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

The reasons for the participation of young people in social and political organizations

Y. N. Zarubina

P. G. Demidov Yaroslavl State University

Исследуются особенности мотивационной сферы участников и неучастников деятельности общественно-политических организаций.

Ключевые слова: молодежь, деятельность, общественно-политические организации, участие, мотивы.

The characteristics of the motivational sphere of participants and non-participants of the socio-political organizations.

Key words: youth, activism, social and political organizations, participation, motivation.

«В условиях модернизирующейся России активизировалась деятельность общественно-политических организаций, постоянно появляются новые, увеличивается число их участников и до-

© Зарубина Ю. Н., 2013

бровольцев. В связи с этим принципиальной становится проблема участия молодежи в деятельности организаций данного типа и исследования её причин» [1].

В политологической, социологической и психологической науках существуют разные точки зрения на декларируемые и реальные причины участия молодежи в общественно-политической деятельности. Большинство из них носит констатирующий характер, исследования локальны, раскрывают влияние лишь отдельных мотивационных подструктур на социально-политическую активность субъекта. В качестве одного из центральных механизмов социализации в современной социальной психологии рассматривается организация высших мотивационных структур жизнедеятельности — ценностей, ценностных ориентаций, установок, идеалов и убеждений как инструментов адаптации индивида к групповым нормам и требованиям.

Этот феномен активно изучается отечественными и зарубежными исследователями, и многими авторами признается первостепенная роль личностных ценностей в организации жизни и деятельности человека (К. А. Абульханова-Славская, Л. Н. Антилогова, Е. И. Головаха, Д. А. Леонтьев, Д. Макклелланд, А. Маслоу, М. Рокич, Ш. Шварц и др.). Проблемы формирования, развития и стимулирования активности молодежи, выявления особенностей ценностно-мотивационной сферы социально и политически активной личности неоднократно рассматривались социологами, педагогами и психологами (Е. С. Соколова, В. Klandermans, Д. Даффлон, Н. В. Поправко, М. М. Соколов, Д. Л. Константиновский, И. Ф. Албегова, А. И. Ковалева, Г. С. Абрамова и др.). Политическая социализация личности является составной частью общего процесса социализации человека. В ряде работ российских и зарубежных авторов, посвященных политической социализации и политическому поведению личности (Е. Б. Шестопал, Д. В. Ольшанский, К. Обуховский, А. Марш, F. Greenstein, А. И. Юрьев, R. Inglehart, S. P. Huntington, N. Nie, S. Verba, L. Milbrath и др.), рассматриваются отдельные личностные детерминанты и механизмы данных процессов.

Однако анализ теоретических и эмпирических исследований по проблеме социально-политической активности молодежи показывает, что, несмотря на имеющиеся разработки, не было предпринято попытки комплексного изучения системы ценностно-мотивационных образований молодежи, проявляющей социально-политическую активность. Например, И. Ф. Албегова изучает социально-политические объединения и организации как субъекты социальной работы, а мотивацию участия в них как мотивацию к социальной работе в целом [2; 3; 4].

Целью данной работы является исследование, анализ и систематизация причин участия молодежи в деятельности общественно-политических организаций, выявление динамики и факторов их формирования и развития, определение ведущих социально-психологических детерминант участия или неучастия молодых людей в политической жизни страны.

Эмпирическое исследование причин участия молодежи в деятельности общественно-политических организаций было проведено в городах Ярославль и Рыбинск. Общая выборка исследования составила 759 человек, из которых 99 — участники деятельности общественно-политических организаций. На предварительных этапах в пилотажных исследованиях приняли участие 135 школьников и студентов Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. В завершающем исследовании приняли участие 624 учащихся и выпускников различных вузов, сузов и учреждений начального профессионального образования. Возраст испытуемых варьировал от 16 до 24 лет (средний возраст испытуемых 20 лет), 149 мужчин и 485 женщин.

В ходе исследования был проведен сравнительный анализ причин участия молодежи в деятельности общественно-политических организаций и причин их неучастия в данном виде деятельности. На основании полученных данных были выявлены следующие особенности.

Во-первых, практически все выявленные различия касаются не мотивационных, а ценностных образований. Мотивационные тенденции характеризуются равной выраженностью и идентичной иерархией у всех молодых людей, вне зависимости от во-

влеченности или невовлеченности в деятельность социально-политических объединений. Исключение составляет лишь мотивация стремления к принятию, что позволяет говорить об отсутствии существенного влияния на социально-политическую активность молодежи их мотивационных конструктов.

Во-вторых, все выявленные различия говорят о большей выраженности и силе ценностно-мотивационных конструктов у участников деятельности общественно-политических организаций, что подтверждает наличие у них более высокого внутреннего ценностно-мотивационного потенциала, направляющего их жизнь и поведение, чем в целом у молодежи.

Наконец, в-третьих, участники деятельности общественно-политических организаций обладают более выраженными ценностными ориентациями по сравнению с другими молодыми людьми. На фоне отмеченного равенства мотивационных тенденций это означает, что социальная активность молодежи детерминирована в первую очередь системой идеалов и представлений молодежи о том, «что такое хорошо и что такое плохо», а не мотивационно-потребностной сферой. Молодые люди хотят реализовывать одни и те же потребности, обладают одними и теми же мотивами, стремятся к одним и тем же занятиям и поведению. При этом сила устремленности в будущее, на достижение общественно значимых благ, на достижение идеала себя и построение окружающего мира выше у социально и политически активной молодежи.

Наличие этой устремленности на социально значимые ценности подтверждается и единственной мотивационной тенденцией, которая позволяет зафиксировать значимые различия: стремление к принятию. Социально активная жизнь, наличие устойчивой гражданской позиции подкрепляется и обеспечивается у участников общественно-политических объединений стремлением к включенности в широкий спектр отношений: быть принятым в группу, обладать системой близких отношений с окружающими.

Особенности ценностно-мотивационной сферы участника общественно-политических объединений, а следовательно, и мотивация к участию в социально-политической жизни, заключаются в следующем.

Центральное место в мотивации участия в деятельности общественно-политических организаций занимает аффилиационная тенденция стремления к принятию. На фоне этого перманентно действующего мотивационного образования особую роль играет сила, степень концентрации на идеалах и ценностях личности, в первую очередь таких, как достижение (выражается в целях личного успеха и получении на основании этого социального одобрения); самостоятельность (направленная на получение автономии и независимости и реализуемая, в частности, в выполнении значимой социально-профессиональной роли) [5]; конформность и универсализм, подразумевающие ориентацию на социальную гармонию, избегание действий и побуждений, причиняющих вред другим, на красоту и справедливость; власть (как видение собственной цели в жизни в приобретении высокого социального статуса); гедонизм и стимуляция, мотивационной целью которых является новизна ощущений и получение удовольствия.

В-третьих, высокий уровень мотивации к участию в деятельности общественно-политических организаций характеризуется наличием четкого, дифференцированного представления о собственных целях, идеалах, об идеальном «Я-образе», в качестве общих компонентов которого выступают готовность к преобразованиям, к помощи и к направлению других людей, а также ориентация на мнение окружающих.

Таким образом, исследование причин участия молодежи в деятельности общественно-политических организаций показало следующее. Практически все выявленные различия участников деятельности общественно-политических организаций и остальной молодежи касаются не мотивационных, а ценностных образований. Мотивационные тенденции характеризуются равной выраженностью и идентичной иерархией у всех молодых людей, вне зависимости от вовлеченности или невовлеченности в деятельность социально-политических объединений. Исключение составляет лишь мотивация стремления к принятию. В целом, участники деятельности общественно-политических организаций сильнее ориентированы на достижение ценностей и идеалов, в том числе идеального Я-образа.

Литература

1. Зарубина Ю. Н., Албегов Ф. Г. Мотивация добровольчества у студенческой молодежи как формы ее занятости. Вестник социально-политических наук: сб. науч. тр. Вып. 11 / отв. ред. д-р соц. наук, проф. И. Ф. Албегова. Ярославль: ЯрГУ, 2012. С. 39–42.
2. Албегова И. Ф. Исследование мотивации социальных работников // Социс. 2005. № 1. С. 78–81.
3. Албегова И. Ф. Теоретико-методологические основы развития современной социальной работы в России // Вестник Поморского университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2005. № 1. С. 38–46.
4. Албегова И.Ф. Институционализация социальной работы в современной России: теория и практика. Ярославль, 2004.
5. Синицкая Н. Я. Сущность понятий «человеческие ресурсы», «человеческий капитал» и «человеческий потенциал» // Вестник Поморского университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2004. № 2 (6). С. 48–52.

Волонтерство как социальный капитал

И. Ю. Киселев

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

Volunteering as Social Capital

I. Yu. Kiselev

P. G. Demidov Yaroslavl State University

В статье рассматриваются предпосылки и социальные последствия деятельности волонтеров с точки зрения накопления социального капитала на индивидуальном и социальном уровнях. Особое внимание уделяется анализу мотивации деятельности волонтеров как просоциальной или направленной на реализацию индивидуальных интересов.

Ключевые слова: социальный капитал, волонтерство, социальная дилемма, просоциальное поведение, альтруизм.

In the article the prerequisites and social consequences of the activity of volunteers from the point of view of accumulation of social capital on the individual and societal levels are under consideration. Particular attention is attributed to the analysis of motivation of the volunteers' activity as prosocial or directed to the realization of individual interests.

Key words: social capital, volunteering, social dilemma, prosocial behavior, altruism.

Начнем обсуждение рассматриваемой проблемы с определения основных понятий.

Первое — социальный капитал. По определению социолога Пьера Бурдьё, он представляет собой «агрегацию действительных или потенциальных ресурсов, связанных с включением в прочные сетевые или более-менее институционализированные отношения взаимных обязательств или признаний» [1]. О чем говорит это определение? Во-первых, социальный капитал связан с выгодами, пользой, которую получают индивиды, постоянно участвуя в группах с целью создания ресурса. Во-вторых, как подчеркивает П. Бурдьё, выгода, которая аккумулируется благодаря членству в группе, является базисом социальной солидарности. Иначе

говоря, если членам социальной общности по тем или иным причинам выгодно быть вместе, они будут сохранять и развивать социальные контакты. В-третьих, чтобы получать выгоды, индивиды должны активно устанавливать социальные связи. Вынужденная или добровольная исключенность из социального взаимодействия может привести к потерям. В-четвертых, выгоды, приобретаемые индивидами в результате установления социальных контактов и обеспечивающие статусные позиции и власть, приобретают значимость, сопоставимую с экономическим капиталом.

Второе базовое понятие — волонтерство. Этот термин объединяет два основных значения. Во-первых, он используется в отношении людей, которые делают что-либо по своей воле, а не по принуждению. Во-вторых, он характеризует мотивацию субъектов. Волонтеры исполняют деятельность на безвозмездной основе для достижения социально значимых целей, в интересах общества. Волонтерская деятельность — это активное участие гражданина в жизни общества. Она способствует: 1) улучшению качества жизни, личностному росту и углублению чувства солидарности; 2) реализации основных человеческих потребностей ради справедливости в обществе; 3) более сбалансированному экономическому и социальному развитию, созданию новых рабочих мест и профессий.

Сопоставление двух понятий позволяет выделить три основные сферы выработки социального капитала посредством добровольческой деятельности. Во-первых, можно говорить о социальном капитале на макроуровне, на уровне общества в целом. Просоциальная активность волонтеров способствует накоплению социального капитала обществом в целом, способствуя усилению солидарности, доверия, идентичности. Во-вторых, капитал может накапливаться на уровне групп, организаций. В-третьих, добровольческая деятельность способствует накоплению социального капитала на индивидуальном уровне.

Какие особенности накопления социального капитала на социального и индивидуального уровней анализа.

В определении волонтерства ключевое значение приобретает мотивация [2]. Волонтеры осуществляют свою деятельность во имя достижения социально значимых целей, пренебрегая по-

лучением материальных выгод. Иначе говоря, волонтер отдает приоритет социуму в ущерб индивидуалистическим целям. Можно ли в этом случае говорить о том, что не происходит накопления социального капитала на индивидуальном уровне? Является ли деятельность добровольцев альтруистической?

Обсуждение специфической мотивации волонтеров необходимо предварить постановкой проблемы выбора просоциального поведения, которое предполагает совершение действий, приносящих пользу другим людям, в том числе посредством демонстрации сотрудничества, оказания содействия и помощи, альтруизма. Иначе говоря, просоциальное поведение предполагает приоритизацию интересов социальной группы или общества в целом над индивидуальными интересами. Традиция уделять пристальное внимание девиантному поведению и конфликтам в обществе свидетельствует о субъективной значимости асоциальных форм поведения. Низкий уровень конфликтов и следование установленным социальным нормам имплицитно принимается как главное условие гармоничного развития общества. Однако отсутствие антисоциальных форм поведения не означает поворот в сторону интересов общества. Иначе говоря, выбор просоциальных форм поведения не очевиден для членов общества.

Какие же факторы способствуют выбору просоциального поведения? Поиск ответов на поставленный вопрос важен, поскольку вносит вклад в стимуляцию волонтерского поведения, в построение системы мотивирующих стимулов.

Основанием для подобного вывода служат результаты эмпирических исследований индивидов в ситуации социальной дилеммы.

Социальная дилемма представляет собой разновидность решения, предполагающего совершение субъектом выбора между удовлетворением индивидуальных или коллективных интересов. Сложность выбора обусловлена специфическим соотношением выигрышей и потерь. Например, удовлетворяя индивидуальные интересы, субъект получает выигрыши в краткосрочной перспективе, но при этом рискует понести потери в будущем в силу быстрого истощения имеющегося ресурса или неудач в создании коллективного блага. В свою очередь, распределение ресурсов с учетом интересов всех его обладателей дает основание на получение прибыли на про-

тяжении более длительного времени, однако в меньших объемах — в краткосрочной перспективе. Результаты лабораторных экспериментов и изучение опыта управления реальными ситуациями, построенными на основе разрешения социальной дилеммы, позволяют сделать вывод, что субъекты не всегда делают выбор в пользу долгосрочных коллективных интересов, предпочитая удовлетворить индивидуальные интересы в самом ближайшем будущем. Таким образом, и просоциальное, и индивидуалистическое поведение сопряжены как с потерями, так и с выигрышами, т. е. они выглядят равнозначными. В связи с этим они позволяют выявить те факторы, которые делают «просоциальную» альтернативу субъективно более привлекательной для индивидов.

Какие факторы способствуют выбору просоциального поведения?

Во-первых, к их числу принадлежит существующая у участников взаимодействия возможность обсудить и выработать правила и нормы, которые позволят им распределять имеющиеся ресурсы или создавать коллективное благо. Установленные правила снижают неопределенность, вносят вклад в выработку отношений доверия и, следовательно, содействуют просоциальному поведению. Субъекты, которые доверяют своим партнерам, не имеют поводов для демонстрации эгоизма и стремления перераспределить ресурс в свою пользу. Кроме того, ориентация на интересы группы может стать следствием транспарентности, открытости процесса принятия решений и поведения участников взаимодействия [3; 4].

Какое следствие может быть выведено из установленной закономерности? Вероятность участия граждан, в том числе и в рядах волонтеров, в социально значимой деятельности повышается, если они имеют возможность обсуждать возможные пути разрешения проблемы, действовать в рамках соучастия. То есть они могут не просто бесплатно выполнить работу, на которую больше никто не согласен, но предложить свои инициативы. Кроме того, должны складываться отношения доверия между волонтерами и другими участниками взаимодействия: волонтер должен выступать в качестве полноправного субъекта деятельности, а не «помощника», находящегося на «вторых ролях».

Во-вторых, выбор просоциального поведения не зависит от социальных установок личности. В частности, не зафиксировано влияние установки на альтруизм — эгоизм на выбор просоциального или эгоистического поведения. В то же время у индивидов, которые предпочли просоциальную стратегию поведения, более выражена установка на коллективизм. Однако полученные результаты не позволяют утверждать, что эгоистическую стратегию выбирают субъекты с доминирующей установкой на индивидуализм [5].

Каково следствие для социально значимой деятельности? Активным участником социальной и политической жизни, работающим на достижение общественно значимых целей, потенциально могут стать все члены общества. Не существует индивидуально-личностных predispositions для участия в общественно значимой деятельности.

В-третьих, выбор субъектом стратегии поведения в ситуации социальной дилеммы определяется в значительной степени его ожиданиями получить выигрыши и избежать потерь. Иначе говоря, предпочтение эгоистического или просоциального поведения зависит от того, какая из стратегий принесет наибольшую прибыль и минимизирует затраты. При этом важно подчеркнуть, что «выгодным» может оказаться и альтруистическое поведение. Сошлемся на определение альтруизма Р. Докинз. Термином «альтруизм» обозначаются эгоистические формы поведения, результаты которых отложены во времени на неопределенный срок [6].

С точки зрения действующего индивида, альтруизм рационален в долгосрочной перспективе, а эгоизм — в краткосрочной, и наоборот. Иначе говоря, выбор просоциального поведения зависит от субъективной матрицы выигрышей и потерь, которую конструирует субъект под воздействием объективных факторов и характеристик социальной среды, которая возникает в результате взаимодействия участников ситуации.

Какое следствие мы наблюдаем в данном случае? Добровольная, неоплачиваемая социально значимая деятельность осуществляется в том случае, когда она выгодна. Коль скоро речь не идет о материальной выгоде, важно определить природу других «выигрышей», получаемых волонтерами. Изучение иерархии мотивов

позволяет выдвинуть предположения относительно того, что выигрывает волонтер, будучи вовлеченным в общественно значимую деятельность на безвозмездной основе.

Приведу результаты разных исследований. Так, социолог О. Н. Яницкий отмечает следующие мотивы добровольческой деятельности: 1) стремление справиться с собственными личными и семейными проблемами; 2) удовлетворение потребности в самосовершенствовании и самореализации; 3) возможность широкого социального и профессионального общения [7].

Близкую по содержанию классификацию мотивов предлагает Н. А. Потапова. Она выделяет несколько категорий добровольцев, имеющих различные мотивы для занятия волонтерской деятельностью. Во-первых это люди, удовлетворяющие прежде всего потребности в само- и взаимопомощи, восстановлении самоуважения через помощь другим людям (например, ими могут быть пенсионеры, домохозяйки, безработные). Для этой категории характерно пониженное настроение, наличие личностных проблем, требование внимания со стороны руководителей и специалистов центра. Ко второй категории людей можно отнести тех, кто имеет много свободного времени, которые ценят свою независимость, испытывают некоторый дефицит общения. Сюда автор относит домохозяек, студентов, одиноких людей всех возрастов. К третьей категории можно отнести людей, стремящихся к профессиональному росту [8].

Еще одна классификация отражает мотивы участия в молодежных политических объединениях. Она также разработана на основе результатов исследования, проведенного на факультете социально-политических наук Ю. Н. Зарубиной [9]. В частности, среди причин участия в деятельности социально-политических объединений респонденты назвали: «С этим объединением взаимодействуют мои друзья /«пришел(-ла) за компанию» (50 %), «хотел выразить свои убеждения» (39,7 %), «всегда стремился к этому» (34,2 %), «столкнулся с событием, которое изменило мое отношение к миру» (13,16 %), «меня об этом попросили другие люди» (10,53 %), «хотел решить конкретную проблему при помощи этого объединения» (7,89 %), «было интересно» (5,26 %), «узнать, чем они занимаются»

(2,63 %). Отдельно рассматриваются личные причины участия в деятельности социально-политических объединений: социально активная жизнь (51,3 %), общение с интересными людьми (48,65 %), возможность влиять на события (34,3 %), возможность помогать другим людям (24,3 %), поиск смысла жизни (13,51 %), построение карьеры в этом СПО / при помощи этого СПО (13,51 %), стремление быть со своими единомышленниками (8,11 %), самореализация (2,7 %).

Приведенные результаты позволяют нам составить достаточно полное представление о мотивации деятельности волонтеров в различных сферах социально-политической деятельности. Используя основание для классификации, которое представляет наибольший интерес в контексте обсуждаемой темы, мотивы волонтеров можно разделить на социоцентричные (например, возможность помогать другим, передать опыт, решить конкретную проблему) и эгоцентричные (например, потребность в общении, поиск смысла жизни, построение карьеры). Приведенный обзор исследований наглядно демонстрирует, что по содержательному многообразию и частоте появления доминируют эгоцентричные мотивы. Иначе говоря, волонтеры работают главным образом на получение индивидуальных выигрышей самого разного толка: от организации досуга до построения карьеры, от повышения самооценки до организации сети социальных и профессиональных связей. Социоцентричные мотивы присутствуют, но не являются ведущими.

Какое следствие может быть выведено из установленной закономерности? Готовность граждан принимать участие в общественно значимой деятельности, пусть даже и на безвозмездной основе, должна вознаграждаться. Иначе говоря, недопустимо воспринимать деятельность волонтеров в контексте «они сами этого хотели, поэтому пусть не ждут внимания к себе». Их участие должно отмечаться и поощряться, в том числе посредством символических вознаграждений: благодарности за свою деятельность, возможность воплотить в жизнь свои замыслы, получать новые знания и обмениваться профессиональным опытом.

Таким образом, участие волонтеров в общественно значимой деятельности основывается на приоритизации индивидуальных интересов. В связи с этим необходимо вернуться к проблеме волонтер-

ской деятельности как источника социального капитала: может ли деятельность, ориентированная на удовлетворение индивидуальных интересов, выступать в качестве источника социального капитала?

Вне всякого сомнения, волонтерская деятельность служит источником накопления социального капитала на индивидуальном уровне. **А. М. Омото и М. Снайдер по результатам проведенного** ими лонгитюдного исследования [10] процесса деятельности волонтеров делают вывод, что, во-первых, волонтеры создают сообщества. В частности, в результате их деятельности расширяется круг социальных связей, который образуют люди, которым они оказали помощь, организации, нанимающие волонтеров. Как следствие, можно ожидать, что подобное расширение круга социальных связей способствует повышению профессионализации, появлению карьерных возможностей. Удовлетворяются потребности в принадлежности, самореализации и самоактуализации. Кроме того, общественные организации, расширяя свое представительство посредством волонтеров, приобретают возможность получить/укрепить признание, вес в обществе.

Что касается социального капитала на макроуровне, то и здесь волонтерская деятельность создает определенные перспективы. В частности, результаты исследования А. М. Омото и М. Снайдера демонстрируют, что успешная добровольческая деятельность создает основания для успешного просоциального поведения в других ситуациях, не связанных с добровольческой деятельностью [11]. Последнее обстоятельство особенно важно и действительно представляет собой социальный капитал на макроуровне, поскольку у граждан складывается готовность прилагать усилия, в том числе на безвозмездной основе, по разрешению актуальных общественных проблем. Возникает мобилизационный потенциал, который основывается на готовности к просоциальному поведению «по убеждению», а не по принуждению.

Таким образом, волонтерская деятельность выступает и в качестве основы для гражданской активности. Фактически волонтерство представляет собой вид деятельности, который предполагает накопление социального капитала и на индивидуальном и на социальном уровнях.

Литература

1. Градосельская Г. В. Сетевые измерения в социологии. М.: Новый учебник, 2004. С. 34.
2. Зарубина Ю. Н., Албегов Ф. Г. Мотивация добровольчества и студенческой молодежи как формы ее занятости // Вестник социально-политических наук. Вып. 11 / под ред. И. Ф. Албеговой. Ярославль: ЯрГУ, 2012. С. 39–42.
3. Муздыбаев К. Социальные дилеммы и способы их разрешения // Журнал социологии и социальной антропологии. 2007. Т. 10 № 2. С. 99–122.
4. Social Decision Making: Social Dilemmas, Social Values and Ethical Judgments / ed. by R. M. Kramer, A. E. Tenbrunsel, M. Bazerman. N.-Y.; London: Routledge, 2010.
5. Смирнова А. Г., Королева С. А. **Факторы поведения индивида в ситуации социальной дилеммы** // Психология XXI столетия. Том 2 / под ред. В. В. Козлова. Ярославль: МАПН, 2012. С. 185–188.
6. Алишев Б. С. Фундаментальные социальные установки и их соотношение // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2007. Т. 149. № 1. С. 53–54.
7. Яницкий О. Н. Социальные движения: 100 интервью с лидерами. М., 1991. С. 56.
8. Потапова Н. А. Волонтерство как феномен самореализации личности в современных российских условиях // Интегративный подход в психологии (новые исследования): сб. науч. тр. СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2004.
9. Зарубина Ю. Н. Ценностно-мотивационные детерминанты участия молодежи в деятельности социально-политических объединений: дис... канд. психол. наук. Ярославль, 2010.
10. Omoto A. M., Snyder M. Influence of Psychological Sense of Community on Voluntary Helping and Prosocial Action // The Psychology of Prosocial Behavior: Group Process, Intergroup Relations, and Helping / ed. by S. Strumer, M. Snyder. Wiley-Blackwell, 2009. P. 223–243.
11. Ibid. P. 233.

Когнитивные аспекты в социологической оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления

Н. В. Киселёва

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

Cognitive aspects of evaluation of the bodies of local self-government

N. V. Kiseleva

P. G. Demidov Yaroslavl State University

В статье рассмотрены **результаты социологической оценки деятельности** органов местного самоуправления. Проанализированы основные показатели социологической оценки. Выявлено наличие влияния установок и когнитивных факторов на социологическую оценку эффективности деятельности органов местного самоуправления.

Ключевые слова: государственная власть, местное самоуправление, социологическая оценка эффективности.

The sociological evaluation of self-governing authorities is considered in the article. The main factors of sociological analysis are reviewed in the article. Impact of orientations and cognitive factors was identified on sociological analysis of authority of self-governing authorities.

Key words: state power, local self-government, sociological evaluation of the effectiveness.

Современный этап развития государственности в России характеризуется повышенным вниманием к проблеме эффективности государственной власти и управления, в том числе эффективности деятельности органов власти непосредственно на местах. В 2009 г. была разработана система критериев оценки органов местного самоуправления, куда были включены и социологические показатели — «удовлетворенность населения». Внедрение социологических показателей в систему оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления вызвало поло-

жительные отклики как со стороны научного сообщества, политиков, управленцев, так и со стороны общественности в целом. По мнению К. В. Харченко, социологическая оценка эффективности деятельности органов местного самоуправления является «достаточно тонким инструментом, позволяющим реалистично оценивать деятельность власти» [1]. На важность социологических критериев указывает и Л. Давыдов — политолог, председатель Комиссии по региональному развитию и федеративным отношениям Общественной палаты РФ, и председатель правления Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ): «мнение населения должно быть одним из основополагающих факторов оценки работы власти» [2].

В качестве метода, применяемого при оценке «удовлетворенности населения», используется социологический опрос. Результаты социологического опроса довольно субъективны, и по ним нельзя однозначно определить удовлетворенность населения [3]. Так, в ходе социологического исследования, неважно каким методом оно проводится (телефонное, личное и т. д.), респонденты в первую очередь интерпретируют вопрос, чтобы понять, что имеется в виду, и определяют, какую информацию у них хотят узнать [4]. Кроме того, если речь идет об отношении или оценке, они могут сделать суждение на основе своего ранее сформированного отношения к тому или иному вопросу/проблеме либо могут сформировать суждение на основе имеющейся у них информации, как правило достаточно обрывочной и неполной. После того как частное суждение сформировано, респонденты доводят его до исследователя, и при проведении данной процедуры некоторым участникам социологического опроса требуется отформатировать свой ответ, чтобы он соответствовал вариантам ответа в представленной анкете. Таким образом, на результаты социологических опросов значительное влияние оказывают установки населения и когнитивные факторы [5].

Впервые вопросы влияния когнитивных факторов на ответы респондентов при проведении социологических опросов начали активно обсуждаться в 70-х–80-х гг. XX столетия. В США и Германии в 1983 и 1987 гг. были проведены первые международные конференции, посвященные данной проблематике [6].

В настоящее время в отечественной и зарубежной социологии активно обсуждается влияния установок и когнитивных факторов на ответы респондентов, когнитивных и коммуникативных особенностей ответа на вопрос, когнитивного анализа опросного инструмента и т. д. С. Садмен, Н. Брэдберн в работе «Как правильно задавать вопросы: введение в проектирование опросного инструмента», придерживаясь научных теорий и работ социальных психологов, в самом общем виде сформулировали четыре основных фактора, в силу которых мы всегда можем подозревать «эффект ответа» (смещение ответов, которое включает различия в ответах на атитюдные вопросы, вызванные формой вопроса, контекстом и методами опроса): - память, - мотивация, - коммуникабельность, - знание [7].

Это значит, что а) респонденты могут забыть как информацию, так и период, к которому она относится; б) они могут быть заинтересованы в сокрытии правды из опасения последствий или из-за желания представить себя в более выгодном свете; в) респонденты могут не понимать, о чем их спрашивают, и давать ответ в рамках собственного представления; г) они могут просто не знать ответа на вопрос, но дать его, не говоря о своем незнании [8].

Представленные факторы оказывают влияние на ответы респондентов при опросах на любую тематику. Проанализируем, оказывают ли приведенные факторы влияние на ответы респондентов при проведении опроса, нацеленного на определение социальной оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления, и если да, то в какой степени и как снизить их влияние (на примере г. Ярославля).

Нормативной базой для проведения оценки эффективности органов местного самоуправления являются:

- указ Президента РФ от 28 апреля 2008 г. № 607 «Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов»;

- распоряжение правительства РФ от 11 сентября 2008 г. № 1313-р;

- постановление губернатора Ярославской области от 05.02.2009 № 40 «Об оценке эффективности деятельности

органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов Ярославской области»;

– распоряжение мэрии от 08.06.2010 № 38-р «Об оценке эффективности деятельности мэрии г. Ярославля» № 38-р от 08.06.2010 г.

Указанные нормативные документы содержат систему индикаторов социологической оценки качества и доступности предоставляемых муниципальных услуг. Предусмотрено 28 социологических показателей, характеризующих качество и доступность предоставления муниципальных услуг по различным отраслевым направлениям деятельности органов городского самоуправления. Назову лишь некоторые: «удовлетворенность населения медицинской помощью», «удовлетворенность населения условиями для занятий физической культурой и спортом», «удовлетворенность населения качеством предоставления коммунальных услуг» [9].

В связи с тем, что предложенные нормативно закрепленные социальные критерии начинаются со слова «удовлетворенность», в опроснике (анкете) используется следующая формулировка вопросов: «Скажите, насколько Вы удовлетворены...?», — т. е. центральным понятием в данном исследовании является «удовлетворенность». В социологии есть исследования понятия «удовлетворенность» и измерения удовлетворенности населения. Согласно К. В. Харченко, понятие «удовлетворенность» включает в себя как положительные, так и отрицательные оценки: ««удовлетворенность» является общим наименованием для понятий «с положительным и отрицательным оттенком», т. е. понятие «удовлетворенность», имеет скрытый в нем дуализм оценки и состояния [10]. Можно сказать, что в обыденном сознании людей это понятие скорее отражает уровень толерантности [11] по отношению к конкретному направлению или предмету оценки. Это подтверждают ответы участников опроса — жителей г. Ярославля и их замечания: ««Вот это у нас чисто российское (“удовлетворительно”) — потому что хорошо-то у нас не может быть, но и плохо не должно быть. Поэтому у нас все удовлетворительно» [12].

Помимо формы оценки в нормативно закреплённых социологических критериях определены объекты социальной оценки. В качестве объектов выступают сферы жизнедеятельности людей: ЖКХ, дошкольное образование, общее образование и т. д. Как видим, объекты оценки обозначены в социологических критериях достаточно обобщенно. Таким же образом указанные сферы жизнедеятельности отражаются и в опросниках, без деления на отдельные направления: «Скажите, насколько Вы удовлетворены качеством общего образования?». Данный факт существенно влияет на социальную оценку эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов, поскольку население мало осведомлено о содержании деятельности, разграничении полномочий между органами местного самоуправления, органами власти субъекта РФ и федеральным центром, а также о полном спектре предоставляемых населению услуг. Наиболее типичной здесь является ситуация, когда население (респонденты) приписывает органам местного самоуправления излишние полномочия и ответственность. Так, в период избирательной кампании по выборам мэра г. Ярославля 2012 г. один из кандидатов пообещал жителям города не повышать тарифы на проезд в общественном транспорте [13]. Однако сразу после избрания данного кандидата мэром тарифы на проезд в общественном транспорте значительно повысились (в Ярославской области тарифы на общественный транспорт определяются Департаментом энергетики и регулирования тарифов). Данное обстоятельство вызвало волну недовольства среди населения города: «Новый мэр не исполнил своего предвыборного обещания!». Удивительно, что такие реплики в адрес нового мэра звучали не только от простых граждан, но и от представителей средств массовой информации. Приведенный пример показывает, что ярославцы действительно были уверены в том, что кандидат, а впоследствии мэр сможет оставить тарифы на проезд на прежнем уровне, что это входит в его компетенцию. Помимо этого данный пример ярко демонстрирует низкую информированность населения о разграничении полномочий между региональной и местной властью. Среди социаль-

ных заблуждений встречаются и такие, как уверенность населения в том, что глава района или мэр способны увеличить размер выплачиваемых государственных выплат — стипендий, пособий, пенсий — либо снизить — стоимость услуг ЖКХ, темп роста цен и т. д. Согласно результатам социологического проса, проведённого на территории г. Ярославля МКУ ЦИОМСИ в 2012 г., качеством и доступностью муниципальных услуг в 2011 г. в целом остались удовлетворены 69,2 % горожан, медицинской помощью удовлетворены 71,8 %, качеством предоставления жилищно-коммунальных услуг — 64,9 % и т. д. [14]. Менее всего жители г. Ярославля в 2011 г. были удовлетворены деятельностью органов МСУ по содействию развитию малого и среднего предпринимательства, однако уровень общественной удовлетворённости по данному направлению составил почти 50,0 % (48,8 %). При этом проблемы жилищно-коммунального хозяйства на протяжении длительного периода времени лидируют в рейтинге наиболее острых и наболевших жизненных проблем населения, как и вопросы здравоохранения [7].

Продемонстрированные примеры убедительно свидетельствуют о наличии существенного влияния установок и когнитивных факторов на социологическую оценку эффективности деятельности органов местного самоуправления, что снижает ценность получаемых результатов и радиус их возможного применения.

Литература

1. Харченко К. В. Оценка удовлетворённости населения различными сторонами жизнедеятельности: от методики к стандарту // Муниципальная власть. 2008. № 6. С. 32–39.

2. URL: <http://www.politrus.com>

3. Аكوпова Т. С. Анализ сводных докладов о результатах мониторинга эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов Ярославской области // Вестник социально-политических наук: сб. науч. тр. 2012. Вып. 11. С. 5.

4. Schwarz N. Cognitive Aspects of Survey Methodology / Institute for Social Research, University of Michigan, Ann Arbor, MI. USA, 2007. №. 277.

5. Плотинский Ю. М. Модели социальных процессов: учеб. пособие для высших учебных заведений. М.: Логос, 2001. С. 296.
6. Schwarz N. Op. cit.
7. Климов И. Выписки из книги С. Садмена и Н. Брэдберна «Как правильно задавать вопросы...» // Социальная реальность. 2006. № 9. С. 113–127.
8. Там же.
9. Румянцева Т. П., Михайлова Е. В. Проблема социальной интерпретации оценочных критериев качества и доступности муниципальных услуг в систематических опросах общественного мнения // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2012. № 4. С. 129–132.
10. Харченко К. В. Удовлетворенность: методология и опыт муниципальных исследований. М.: Альперия, 2011. С. 260.
11. Ушаков Д. Н. Большой толковый словарь русского языка. М.: Славянский Дом, 2008. С. 960.
12. Румянцева Т. П., Михайлова Е. В. Указ. соч. С. 129–132.
13. URL: http://yarnovosti.com/rus/news/yaroslavl/society/tarif_transporta
14. URL: <http://ciomsi.yar.ru/o-tsentre/novosti/2802/>

**Социально-политическая занятость молодежи
в условиях модернизации российского общества:
состояние и проблемы развития
(на примере г. Ярославля)**

А. В. Кошелева

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

**Socio-political youth employment
in conditions of modernization of the Russian society:
state and development problems
(on the example of the city Yaroslavl)**

A. V. Kosheleva

P. G. Demidov Yaroslavl State University

В данной статье изучается социально-политическая занятость молодежи. Исследуется состояние и проблемы реализации имеющихся направлений социально-политической занятости молодежи.

Ключевые слова: занятость, молодежь, политика, государство, регион.

In this article socio-political employment of youth is studied. The condition and problems of realization of the available directions of socio-political employment of youth is investigated.

Key words: employment, young people, politics, state, region.

«В условиях современного российского общества наблюдается ярко выраженная тенденция количественного увеличения и качественного изменения социальных проблем. При этом наряду с типичными, традиционными социальными проблемами появляются и сосуществуют принципиально новые, связанные с изменениями в социальной структуре общества и социально-экономическими, социально-политическими и психологическими условиями ее функционирования» [1].

Одной из таких проблем стала занятость молодежи, ее состояние и тенденции развития в региональном аспекте.

© Кошелева А. В., 2013

В целях развития творческого, научного и профессионального потенциала молодежи, ее активного привлечения к проведению социально-экономических преобразований в стране, воспитания патриотизма и гражданской ответственности у молодых людей на период до 2016 г. разработана «Стратегия государственной молодежной политики в Российской Федерации», основные направления которой включают информирование молодых людей о возможностях, которые предоставляет им общество, вовлечение их в социально-политическую, экономическую и социокультурную практику, развитие инновационной активности молодежи; помощь отдельным группам молодых граждан (инвалиды, сироты, дети, находящиеся в трудной жизненной ситуации и др.). «Государственная молодежная политика является системой формирования приоритетов и мер, направленных на создание условий и возможностей для успешной социализации и эффективной самореализации молодежи, для развития ее потенциала в интересах России и, следовательно, на социально-экономическое и культурное развитие страны, обеспечение ее конкурентоспособности и укрепление национальной безопасности» [2].

В рамках «Стратегии государственной молодежной политики в Российской Федерации» были предложены такие проекты, как «Российская молодежная информационная сеть «Новый взгляд», «Доброволец России», «Молодая семья России», «Команда» и «Карьера».

Реализация проекта «Российская молодежная информационная сеть «Новый взгляд» направлена на вовлечение молодежи в сферу социального творчества, нравственного и гражданско-патриотического воспитания; содействие формированию у молодежного сообщества активной гражданской, социально ответственной позиции, укрепление межнационального согласия, популяризация инновационной модели поведения, науки, культуры, спорта и т. д. Так, в 2012 г. было достигнуто значительное увеличение объема информационного обеспечения молодежи г. Ярославля, активно развивается сайт управления по молодежной политике мэрии г. Ярославля (за 2012 г. его посетили 41 320 человек), поддерживается работа официальной группы

управления в социальных сетях, участниками которых стали 1 600 человек. Впервые в 2011 г. в эфир вышел уникальный для Ярославля радиопроект — молодежное просоциальное радио-шоу «Площадь Уности». Организуются конкурсы для молодежи по следующей тематике: «Мы — россияне», «Здоровый образ жизни», «Во благо общества и страны», «Дорогой добрых дел», «Мы говорим на одном языке», «Олимпийские игры Сочи-2014 глазами молодежи» [3].

Проект «Доброволец России» является одним из направлений социально-политической занятости молодежи и реализуется с помощью волонтерского труда. Социальным пространством волонтерства являются организации социальной сферы, прежде всего общественно-политические объединения. Для любой российской общественной организации или объединения волонтеры становятся значительным человеческим ресурсом, создающим условия ее дальнейшего институционального развития. Они выполняют роль социальной базы организации и способствуют достижению ее уставных целей, решению задач, популяризации миссии, идеологии деятельности и философии существования [4]. В г. Ярославле созданы волонтерские отряды по следующим направлениям: краеведческий («Мудрый Мишка»); здоровье («Старт»); 65-летие Победы («Пламя»); добровольческий центр (СТУДиЯ). В настоящий момент в муниципальную базу волонтеров включен 331 (в 2011 г. — 271 человек); в 2012 г. насчитывается 495 фактов участия волонтеров в проведении общественно значимых мероприятий различного уровня [5].

Проект «Команда» направлен на созидательную активность молодежи. Работа в проекте осуществляется по следующим направлениям: подготовка молодежи к эффективной деятельности в сфере гражданского общества, формирование навыков самоорганизации и самоуправления молодежи; развитие моделей и форм самоуправления молодежи, вовлечение молодых людей в деятельность органов самоуправления в различных сферах жизни общества, развитие молодежных общественных организаций и объединений, вовлечение молодежи в программы по развитию лидерства, привлечение молодежи к участию в проектной, управ-

ленческой, исследовательской деятельности, включение молодых людей в международные лидерские проекты и работу международных молодежных органов. Реализация данного проекта в г. Ярославле осуществляется в рамках таких мероприятий, как «Ярославль для молодых», в котором в 2012 г. приняли участие 100 участников (10 команд по 10 человек); комплексная профилактическая программа «Акция шаг за шагом», осуществляемая ежегодно с 2004 г. в г. Ярославле, за 10 лет в ней приняли участие 3 000 человек; проект «Vлето.ru», в котором в 2012 г. принимали участие 150 человек [6].

Направлениями реализации проекта «Карьера» являются развитие взаимодействия субъектов рынка труда в решении вопросов трудоустройства молодых людей, вовлечение молодежи в деятельность различных трудовых объединений, организация профориентационной работы по обоснованному выбору молодежью профессии или вида трудовой деятельности, получению профессионального образования в соответствии с требованиями рынка труда, поддержка социально-экономических инициатив молодежи. Оператором проекта «Карьера» выступает Российская информационная молодежная сеть «Новый взгляд», с помощью которой осуществляется прямое продвижение и коррекция информации, необходимой для успешного освоения молодежью своей роли на рынке труда; выявляются виды, формы и адреса трудовой инициативы молодежи и организаций, ее представляющих на всей территории РФ; она координирует взаимодействие сходных по профилю молодежных инициатив и объединений: педагогические молодежные отряды, трудовые студенческие отряды, трудовые бригады, сезонные лагеря труда и отдыха, общественные работы молодежи; развивает взаимодействие молодежных трудовых инициатив с представителями союзов работодателей и бизнес-сообществ. Так, в 2012 г. на временные работы были трудоустроены 3 160 молодых людей. С целью профессионального ориентирования молодых граждан г. Ярославля учреждениями молодежной политики были оказаны консультационные услуги в очной и заочной формах, в том числе посредством издания информационных буклетов (проинформированы

4 037 человек), организуется городской профориентационный лагерь «Окно», который проводится 2 раза в год (в весенние и осенние каникулы) для учащихся общеобразовательных школ г. Ярославля. «Союзом молодых предпринимателей» проводится межрегиональный студенческий предпринимательский форум «Это не игра», форум молодых предпринимателей «Стратегия. Миссия. Перспектива-2013», проект «Бизнес-тропы, или как достичь успеха» [7].

Данные проекты реализуются в г. Ярославле департаментом по делам молодежи города, городским молодежным центром, агентством по делам молодежи Ярославской области, Ярославским городским молодежным центром, молодежными общественными организациями «Союз студентов», «Молодой Ярославль», «Российский союз молодежи», «Союз молодых предпринимателей». В г. Ярославле приняты и активно реализуются социальные программы и проекты, объектами и субъектами которых является молодежь. В частности, в Ярославской области с 1990-х гг. на достаточно высоком теоретическом и методическом уровне разработаны и реализуются такие законы, как «О государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений на территории Ярославской области» от 18.03.2005 № 13-з, «О молодежной политике» от 05.05.2011 № 9-з, целевая программа «Молодежь» на 2012–2014 гг. Например, целевая программа «Молодежь» на 2012–2014 гг. создана для того, чтобы помочь молодым людям стать активными участниками социально-политических процессов, происходящих в местном социуме, повысить уровень их занятости в жизнедеятельности Ярославской области. Каждое направление программы «Молодежь» подкреплено системой мероприятий, обеспечивающих максимальную эффективность ее реализации. Для разовых мероприятий (конференций, форумов, семинаров, конкурсов), проводимых молодежными общественными организациями, местными органами власти, в частности мэрией г. Ярославля, предусмотрены ежегодные конкурсы грантов. Так, в 2013 г. реализуется проект «Дашь новую команду в новом году», в рамках которого проводятся семинары и мастер-классы по социальному проектированию, навыкам

эффективной коммуникации, теории лидерства, специфике работы общественных объединений и т. д. В 2012 г. в мероприятиях и проектах молодежной политики в рамках целевой программы «Молодежь» приняло участие более 30 000 человек, получателями информационных услуг стали более 46 000 человек [8].

Также в г. Ярославле имеются все потенциальные возможности для развития благоприятного инвестиционного климата, превращения его в центр экономической, политической и социокультурной жизни не только Ярославской области, но и Российской Федерации в целом. Подтверждением этому является ежегодное проведение международных политических, гражданских, социальных и молодежных форумов, международных научно-практических конференций, семинаров и круглых столов, хакдеев, конвентов и т. п. [9]. Их организаторами выступают Правительство Ярославской области, ГОУ ВПО «Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова», Ярославская молодежная секция Российской ассоциации содействия Организации Объединённых Наций (ЯМС РАС ООН) при поддержке первичной профсоюзной организации студентов ЯрГУ им. П. Г. Демидова [10].

Таким образом, можно сказать, что в г. Ярославле в условиях модернизации российского общества существует и активно развивается социально-политическая занятость молодежи, но этот процесс имеет неоднозначные результаты, находится на среднем уровне своего развития и требует постоянного решения возникающих проблем.

Литература

1. Албегова И. Ф. Социология социальных проблем как инновационное научно-практическое направление исследования современного российского общества // Вестник социально-политических наук: сб. науч. тр. 2007. № 7. С. 3.

2. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 18 декабря 2006 г. № 1760-р «Об утверждении Стратегии государственной молодежной политики в Российской Федерации на 2006–2016» // Собр. законодательства РФ. 25.12.2006. № 52 (ч. III). Ст. 5622.

3. Организация мероприятий в сфере молодежной политики. URL: <http://yarmpr.ru> (дата обращения: 28. 04.2013).

4. Албегов Ф. Г., Зарубина Ю. Н. Мотивация добровольчества у студенческой молодежи как формы ее занятости // Вестник социально-политических наук: сб. науч. тр. Вып. 11. Ярославль, 2012. С. 39.

5. Организация мероприятий в сфере молодежной политики. URL: <http://yarmpr.ru> (дата обращения: 28. 04.2013).

6. Ярославский городской молодежный центр. URL: <http://www.lyudi.net/> (дата обращения: 27.04.2013).

7. Реализация государственной молодежной политики. URL: <http://do2.gendocs.ru/navigate/index-395226.html> (дата обращения: 04.03.2013).

8. Организация мероприятий в сфере молодежной политики. URL: <http://yarmpr.ru> (дата обращения: 28. 04.2013).

9. Кошелева А. В., Албегова И. Ф., Шаматонova Г. Л. Региональная государственная молодёжная политика в области занятости: современные институты и технологии реализации (на примере Верхневолжского региона). Ярославль: Социум, 2010. С. 58.

10. Там же С. 34.

К вопросу об изучении мотивации персонала*

С. О. Кузнецова

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

To the question about studying motivation of the personnel

S. O. Kuznetsova

P. G. Demidov Yaroslavl State University

В статье изучаются теоретические подходы к проблеме мотивации персонала с позиции социологического знания. Исследуются **воззрения** ведущих современных специалистов в рамках социологии организаций.

Ключевые слова: мотивация, труд, стимулирование труда, теории мотивации.

The article examines the theoretical approaches to the problem of motivation of the personnel from the position of sociological knowledge. The attitudes of modern leading specialists are considered in the framework of the sociology of organizations.

Key words: motivation, work, work stimulation, theories of motivation.

Мотивация — одна из важнейших проблем современной социологии организаций, одна из самых интригующих и загадочных ее областей. Вопрос мотивации активной деятельности личности становится тем более интересен в условиях все ускоряющихся темпов развития производства. Среди современных исследователей проблем мотивации персонала в отечественной науке можно отметить А. И. Пригожина, А. П. Егоршина, Ф. Н. Щербака, А. И. Кравченко, А. В. Ядова, А. А. Пархаева, И. Дементьева и др.

---

* Статья подготовлена в рамках государственного задания вузу Минобрнауки РФ (№ 6.4549.2011).

© Кузнецова С. О., 2013

А. И. Пригожин говорил о том, что цель мотивационных действий состоит в том, чтобы максимально согласовывать цели и действия работников и подразделений с целями фирмы. Для этого нужно постоянно выявлять основные точки и причины расхождений между ними и решать возникающие проблемы [1]. Он выделил две оси координат, по которым работник мотивируется в организации:

1. Возможностью индивидуального продвижения в самых разных вариантах (по должностной лестнице, оплатой труда, признанием своих личных достижений, престижем, переходом в новую категорию), и такая возможность должна быть создана в организации для всех. Но есть некоторое меньшинство, которое равнодушно к любым вариантам продвижения, у которого нет мотивации достижения вообще или она развита незначительно и крайне односторонне, к примеру только заработок.

2. Взаимным сравнением, которое побуждает работника оценивать свое положение не столько само по себе, сколько в сравнении с положением других сопоставимых групп работников.

Кроме того, А. И. Пригожин говорит о создании конструктивного напряжения, т. е. некоторой состязательности, достижимости при открытых возможностях продвижения, выводит мотивацию большинства сотрудников на высший уровень [2]. При поиске инструментов для реализации подобного механизма мотивации ставят несколько задач:

1. В практике мотивации доминирует заработок, т. е. манипулирование зарплатой, премиями, бонусами, тарифами фактически исчерпывает мотивационные средства. Поощрения сводятся к премированию, а наказания — к депремированию. Отсюда задача — найти такие нематериальные стимулы к труду, которые были бы вполне сопоставимы с действием денег.

2. Распространены аттестации. Аттестации проводятся раз в год, иногда реже. Главный недостаток аттестации — их обращенность в прошлое, т. е. оценка работников в них происходит постфактум, за уже сделанное, что тоже слабо ориентирует работников в требованиях руководства на ближайшее время. Соответственно, появляется задача разработать оперативные, гибкие, быстро перестраиваемые средства оценки, которые в большей мере ориентировали бы на будущее.

3. Мотивация и оценка чаще всего отделены одна от другой, что тоже затрудняет работу с персоналом. Поэтому третья задача — попытаться соединить их методически и практически.

4. На практике мотивация очень обобщенно и грубо связана с целями фирмы. Между тем мотивация работников на достижение качественно определенных общекорпоративных целей и есть главный смысл управленческого труда. Задача — выстроить мотивационную систему, максимально привязанную ко всему комплексу целей организации.

А. П. Егоршин предлагает концептуальную схему понятий в области мотивации трудовой деятельности [3]. К ним он относит:

1. Мотивы человека — определенные действия индивида, его внутренние и внешние движущие силы.

2. Стимулы труда — побуждение к действию или причины поведения человека в процессе труда.

3. Потребности — нужда в чём-то, объективно необходимом для поддержания жизнедеятельности и развития организма, личности или группы.

4. Теории мотивации — концептуальные научные подходы к объяснению мотивации человека в трудовой деятельности.

5. Труд — процесс соединения живого труда, предметов и средств труда с целью получения продукта труда.

6. Трудовой потенциал — уровень использования человеческого капитала в общественном производстве материальных и духовных благ.

7. Типы личности человека — характеризуют внутренний потенциал человека и его общую направленность к выполнению определенных видов работ и сферам деятельности.

8. Человеческий капитал — совокупность природных и накопленных качеств, способных быть источником дохода для человека и определяющих стоимость рабочей силы и производительность труда.

9. Методы воздействия — способы воздействия на людей, побуждающие их к труду и позволяющие достигать поставленных целей управления.

Функции стимулов не следует смешивать с функциями стимулирования труда. Основное назначение первых — побуждать людей к трудовой деятельности. Основная функция стимулирования — поощрение эффективного труда. Стимулом является любой фактор (предмет, явление, процесс), который в той или иной степени детерминирует (побуждает, направляет, подталкивает) трудовое поведение индивидуума. По отношению к последнему стимулы могут быть внешними обстоятельствами. Таковы, например, заработная плата, премии, различного рода материальные поощрения и т. п. Вместе с тем в роли стимулов могут выступать и внутренние побуждения работников, которые обуславливаются прежде всего их потребностями и интересами. Разумеется, в формировании внутренних побуждений работников существенную роль играют внешние обстоятельства. В научной литературе внутренние побуждения к труду принято называть мотивами. Формирование мотивации трудового поведения работников предполагает сочетание внутренних и внешних побудителей к направленности их действий. Потребности тогда становятся внутренним побудителем того или иного типа трудового поведения, когда они осознаются работниками в качестве интереса, т. е. отражают потребность как стремление удовлетворить ее посредством участия в трудовом процессе [4].

На уровне предприятия структура стимулов подвержена постоянному изменению. Изучение действия стимулов в современных условиях, а также управление этим действием требуют опоры на научно обоснованную классификацию стимулов. В научной литературе имеется немало классификаций стимулов по разным основаниям. К примеру, Ф. Н. Щербак предложил классификацию стимулов труда, в основу которой была положена система потребностей и интересов. Несколько иную классификацию — с выделением производственных и непроизводственных стимулов труда — разработал В. Г. Подмарков. Свои классификации стимулов труда предлагают также другие ученые, однако следует отметить, что стройной классификации стимулов пока не существует [5]. Это в известной мере тормозит теоретический уровень исследований проблем стимулирования труда.

Надо сказать, что эффективность трудового поведения зависит не от одного какого-нибудь мотива или группы мотивов, а от всей их совокупности. Тем не менее очень важно знать, какой вклад в эффективность трудового поведения вносят отдельные группы мотивов в каждом конкретном случае. К сожалению, эмпирические исследования на эту тему практически не проводились. Между тем в научной литературе имеется типология трудовых мотивов, предложенная Н. Ф. Наумовой, которая учитывает их взаимосвязь с трудовым поведением работников. В этой типологии выделяются три типа мотивов, первый из которых связан с ориентацией работника на внешние критерии оценки, на достижение определенных социальных (материальных, престижных, профессиональных, связанных с продвижением и т. п.) успехов. Характерные черты трудовой деятельности человека, для которого эти мотивы являются ведущими, — производительность и инициативность. Для второго типа мотивов характерно преобладание внутренних критериев оценки своей деятельности (долг, общественная польза, нравственные нормы, интерес к содержанию труда и т. д.) и вытекающая из этого ориентация на качество работы, на добросовестность, на творчество как увлеченность самим процессом деятельности. И, наконец, третий тип, именуемый обычно «гигиеническим», объединяет мотивы, связанные с условиями труда. Работника, побуждаемого такими мотивами, характеризует в первую очередь дисциплинированность. Но основной сферой его самореализации является не производство, а досуг, семья, потребление, удовлетворенность же работой имеет неглубокий и неустойчивый характер [6].

А. И. Кравченко выделил социально-психологические методы усиления трудовой мотивации [7]:

- гласное признание заслуг;
- устное выражение благодарности руководителями;
- выражение благодарности в приказах;
- выражение благодарности в печати, на досках объявлений, по радио и т. д.;
- поздравление с юбилеями;

- фотографии на досках почета, в музеях, на буклетах и т. д.;
- посещение рабочих мест лучших работников высшими руководителями;
- уважение и доверие;
- одобрение и поддержка;
- отрицательное подкрепление (порицание, упрек, наказание);
- общение сотрудников.

Любые мотивирующие воздействия должны быть тщательно продуманы и соотнесены с конкретной ситуацией и личностью работника.

Кроме того, А. И. Кравченко называет психологические причины снижения мотивированности работников [8]:

- чрезмерное вмешательство со стороны непосредственного руководства;
- отсутствие психологической и организационной поддержки;
- недостаток необходимой информации;
- чрезмерная сухость и недостаток внимания руководителя к запросам подчиненного;
- отсутствие обратной связи, т. е. незнание работником результатов своего труда;
- неэффективное решение руководителем служебных проблем работника;
- некорректность оценки работника руководителем;
- недостаточный уровень заботы о мотивации сотрудника.

Указанные факторы подрывают у работника чувство уверенности в себе, в стабильности своего положения и возможности дальнейшего карьерного роста.

Таким образом, можно сделать следующие общие выводы:

- мотивация является сложнейшим феноменом как для теоретиков, так и для практиков;
- изыскания в данной области научного знания носят зачастую субъективный и умозрительный характер;
- однако благодаря им мы можем оказывать хоть какое-то влияние на поведение окружающих нас людей без использования принуждения;

- это влияние тем сильнее, чем больше мы знаем о человеке, его внутреннем мире, его целях, жизненных установках, можем судить о его желаниях или мотивах;

- грамотно управляя этими желаниями, целями, устремлениями, мы можем добиться от человека большей отдачи в его трудовой деятельности.

Литература

1. Пригожин А. И. Методы развития организаций. М.: МЦФЭР, 2003. С. 537.

2. Там же. С. 549.

3. Егоршин А. П. Мотивация трудовой деятельности. Н. Новгород, 2003. С. 12.

4. Экономика труда / В. В. Адамчук, Ю. П. Кокин, В. В. Адамчук, Р. А. Яковлев. М., 1999. С. 19.

5. Ручка А. А., Сакада Н. А. Стимулирование и мотивация труда на промышленном предприятии. Киев, 1988. С. 65.

6. Там же. С. 74.

7. Кравченко А. И. Социология менеджмента. М.: ЮНИТИ, 1999. С. 176.

8. Там же. С. 185.

**Аксиологический подход
к понятию интеллигенции:
от генетического идеального типа
к социологическому**

С. А. Кудрина

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

**Axiological approach
to the concept of «intelligentsia»:
from the historical analytical construct
to the sociological ideal type**

S. A. Kudrina

P. G. Demidov Yaroslavl State University

В статье поднимается вопрос о содержании понятия «интеллигенция», которое было бы применимо не только в узко-историческом контексте и не сводилось бы исключительно к профессиональной принадлежности и уровню образования. Автор акцентирует внимание на проблеме ценностей, носителем которых является интеллигенция как творческая элита и которые способствовали бы не разрушению общества утопическими проектами, а его дальнейшему созиданию и развитию.

Ключевые слова: ценности, интеллигенция, творческая элита, онтологические основания ценностных приоритетов.

The article is devoted to the axiological approach to the concept of «intelligentsia». Much attention is given to such content of this concept that would be neither applicable only in the narrow historical context nor considered as a synonym of intellectual profession. The author stresses that values that intelligentsia confesses as creative elite would not contribute to the destruction of the society by means of utopian projects, but develop and improve it.

Key words: values, intelligentsia, creative elite, ontological bases of value priorities.

Неопределенность, связанная с трактовкой понятия «интеллигенция», а также сложность и порою даже бессмысленность его использования в изначальном значении свидетельствуют
© Кудрина С. А., 2013

о необходимости уточнения содержания этого понятия. Мы сталкиваемся с множеством толкований понятия «интеллигенция», которые даже сложно собрать в одно дискуссионное поле, поскольку они делятся по совершенно разным основаниям, а если рассматриваются в аксиологическом аспекте — то ассоциируются порой с абсолютно противоположными ценностями. Среди признаков интеллигенции можно встретить и приверженность к банально заимствованным либеральным ценностям, и принадлежность к людям интеллектуального труда, и наличие духовно-нравственного стержня... Интеллигенцию иногда рассматривают и как самую думающую, самую чувствующую и в этом смысле духовно элитарную часть общества, как самосознание этого общества, как его совесть. Такая многозначность усложняет дискуссию, порождая излишние хитросплетения интерпретаций.

При рассмотрении данного вопроса весьма уместно было бы обратиться к теории идеальных типов, предложенной М. Вебером. До сих пор понятие «интеллигенция» представляло собой скорее исторический (генетический), чем социологический (чистый) идеальный тип. В разных значениях его использовали в дореволюционной России, в русской послеоктябрьской эмиграции и в СССР. Несмотря на это, данное понятие оказалось долгожителем и продолжает широко использоваться, но по-прежнему в разных значениях. Поэтому имеет смысл поставить вопрос о содержании этого понятия, которое было бы применимо, во-первых, не только в узко-историческом контексте и, во-вторых, не сводилось бы исключительно к профессиональной принадлежности, уровню образования или интеллекта. Иначе говоря, попробовать вывести данное понятие на иной уровень, создав возможности его применения в качестве универсального.

Если для этой цели использовать тардовскую дилемму «инновация — имитация», то и здесь место интеллигенции сложно определить однозначно, поскольку те, кто несет заимствованные ценности, — все равно большей частью имитаторы, и совсем другое дело — та творческая элита, деятельность которой непременно предполагает инновацию, оригинальный и спасительный ответ на вопрос дальнейшего существования общества, вплоть до «быть или не быть?», его пробуждение от социального гипнотического сна.

Перестав дробить смыслы рассматриваемого понятия на огромное количество фрагментов, стоит «повысить планку», предъявив к понятию интеллигенции вполне обоснованные высокие требования. При условии определенных уточнений отождествление интеллигенции с критически мыслящей, глубоко чувствующей творческой элитой общества, с его самосознанием и совестью представляется наиболее адекватным, поскольку в таком случае не происходит погружения во временные исторические контексты (как это происходит, например, при отождествлении интеллигенции с либералами или марксистами). Векторы исторического содержания могут меняться, но есть то, что делает интеллигенцию как элиту необходимой — ее онтологичность, ее видение блага (в платоновском смысле этого слова) и способность к творчеству не просто оригинальных, но, прежде всего, созидательных и спасительных для общества идей и образов. При этом нужно заметить, что здесь важна гибкость — как способность к лидерству, так и готовность к послушанию: в случае необходимости эта критически мыслящая творческая элита должна быть способной не только на решительную реакцию в экстремальных для общества условиях на поворотных этапах его развития, но и на спокойное повседневное созидание. Такая интеллигенция не может быть сведена либо исключительно к прослойке интеллектуалов, безоговорочно служащих власти, либо, наоборот, к принципиальной оппозиции, постоянно критикующей власть.

Общество жизнеспособно, полноценно и в перспективе воспроизводимо только тогда, когда в качестве прочной скрепляющей основы имеет ум и сердце, то есть живую духовную культуру. Именно она придает обществу способность понимать и чувствовать пульс бытия: онтологически укореняя его, наделяет свободой жить, а не панически выживать, свободой целеполагания и развития, а не необходимостью существования и подавления иных во что бы то ни стало, свободой творческого единства, а не необходимостью жалкой имитации, рабской раздробленности и унылой фрагментарности. Только сознательно и бережно сохраняя свои ум и сердце, не допустив их отделения друг от друга, можно избежать ниспадения в небытие и превращения

в дурную социал-дарвинистскую бесконечность — поверхностно чувствующую или вовсе бесчувственную, слабоумную или вовсе безумную, бездуховную или вовсе зверствующую.

Критически мыслящую творческую элиту составляют личности. Но не те цивилизованные имитаторы, которые параноидально усматривают уважение своего достоинства в умножении прав и паразитически ждут и требуют для себя предоставления всех и всяческих возможных услуг, а те личности, которых как раз можно назвать личностями творческими. И творческими — не в узкооднобоком смысле этого слова, то есть не просто художественно-эстетически направленными, а личностями, не хромающими ни на одну конечность, будь то чувствование, разумность или нравственность. Русская философия пыталась всеми силами такой раздробленности не допустить. И. В. Киреевский видел выход «в стремлении собрать все силы души в одну силу... отыскать то внутреннее средоточие бытия, где разум и воля, и чувство, и совесть, прекрасное и истинное, удивительное и желаемое, справедливое и милосердное, и весь объем ума сливаются в одно живое единство, и, таким образом, восстанавливается существенная личность человека в ее первозданной неделимости» [1]. «Прекрасный человек — в котором нет раздробленности», — сказал Бернар Маршадье вслед за И. В. Киреевским [2].

У полноценной творческой личности, равно как и у живого, способного к творчеству общества, ценности Истины, Добра и Красоты не отделены друг от друга. И тогда общество именно полно-ценно, оно не опустошено, то есть не лишено ничего жизненно важного и вместе с тем не обросло, словно раковой опухолью, либо излишними экзальтациями, безумными и безотчетными, либо бездушной самодостаточной научностью и безблагодатным морализаторством, либо упорным желанием отказать в праве голоса вообще какой-бы то ни было чувственности или рациональности. Творческая личность обладает тем, что Иван Киреевский называл «живым и цельным зрением ума» [3]. Она не допускает потери образа и поэтому не соглашается на имитации, на мертворожденное псевдотворчество, поскольку всегда обнаруживает скрытую фальшь в науке, искусстве, философии, образовании. В ее мысли нет безнадежных чер-

воточин неполноценности, которые нужно было бы маскировать, компенсировать и для этого создавать нарочито усложненный и непонятный язык, изощренные хитросплетения которого не только не помогают прояснить, увидеть, понять истину, но непременно запутывают, обезображивают ее до неузнаваемости.

Однобокость и фальшь есть следствие духовной деградации и полуобразованности. Как писал Иван Ильин, именно полуобразованные люди, к примеру, «склонны переоценивать науку и ее силы» [4], поскольку, «чем проще, чем элементарнее, чем проще какое-нибудь утверждение, тем оно кажется им «убедительнее» и «окончательнее»» [5]. «Такой человек не умеет исследовать и познавать, он умеет только «понимать» то, что просто и плоско, и — помнить. Он живет заученными формулами, от которых в голове все становится просто и плоско, он принимает это за «ясность» и поэтому воображает, будто все ему ясно и будто он призван все «объяснять» другим». Настоящий же ученый, имеющий непосредственное отношение к научному творчеству, «знает, доколе простирается его знание, и поэтому он духовно скромнее» [6].

Несомненно, здесь необходим высокий уровень интеллекта и профессионализма, который при отлаженной системе социальных сит является, как правило, основанием для попадания его обладателя в число работников умственного труда. Но здесь возникает ряд проблем. Известно, что П. Сорокин выделял два основополагающих условия (или две константные универсальные основы) межпрофессиональной стратификации, обозначенные в XX в.: «1) важность занятия (профессии) для выживания и функционирования группы в целом; 2) уровень интеллекта, необходимый для успешного выполнения профессиональных обязанностей» [7]. Но «важность занятия» и «уровень интеллекта» — это переменные, значение которых трактуются по-разному. Платон связывал профессиональную принадлежность не просто с интеллектуальным уровнем (который у софиста, помещенного им на предпоследнее перед тираном место, может быть достаточно высок), а со степенью видения и познания Блага, которое неотделимо от добродетели. Такие социальные ценности, как благо и справедливость, рассматривались Платоном в качестве критериев самого бытия

и поэтому не могли быть относительны. Идея Блага является вершиной онтологической иерархии, и, следовательно, познание Блага есть высшая деятельность. Платон выстраивает иерархию начал человеческой души в зависимости от степени приближенности к Благу (от низшего начала к высшему): вождение, пыл и рассудительность. Именно в соответствии с этой онтологической вертикалью выстраивается и иерархия сословий: ремесленники, воины и мудрецы-правители. На вершине межпрофессиональной стратификации оказываются мудрецы, чье служение наиболее ценно, поскольку причастно вечности. «Если душа человека будет чиста, то верен будет и ее поступок», — писал И. Ильин [8].

Другой пример выбора основания межпрофессиональной стратификации — контовский. На вершине иерархии — позитивисты, чей интеллект заведомо оторван от духовно-нравственного начала и свободен от метафизики. Рассматривая такого рода основание межпрофессиональной стратификации, П. Сорокин замечает, что здесь для пребывания на ее вершине уже вполне допустима «личная беспринципность» профессионалов, которая «перевешивается объективными результатами их... деятельности» [9]. Профессионализм и высокий уровень интеллекта человека — вот то главное, ради чего прощается мошенничество. Это объясняется тем, что профессиональная деятельность теперь рассматривается как ряд работ, носящих чисто интеллектуальный характер. Сорокин демонстрирует свою солидарность с воззрением на данную проблему исследователя древних обществ Дж. Фрезера, приводя следующие его слова: «Гораздо больше несчастий принесли честные дураки... чем умные мошенники» [10]. Данная альтернатива в очередной раз свидетельствует, насколько прочно закрепился (как в социальной действительности, так и в науке) разрыв между интеллектом, профессионализмом, с одной стороны, и духовной жизнью — с другой.

Понятие интеллигенции как творческой элиты предполагает несение ценностей, которые не разрушали бы общество и не толкали его на утопические проекты, а способствовали бы созданию и продолжению его полноценной жизни. Именно та часть научной интеллигенции, которая уверена в ненужности связи

своего творчества с духовно-нравственным измерением, способствует тому, что наука становится неуправляемой и агрессивной, поскольку признается ценным лишь вектор ее поступательного самодостаточного движения, в результате чего разумность превращается в свою противоположность, неся не созидание, а разрушение. К тому же пафос научности приводит к утопизму, о чем уже в XIX в. свидетельствует социально-политическая мечтательность первых позитивистов.

С другой стороны, уход антисциентистов — современных и постсовременных мыслителей — от рациональности как таковой, паническое бегство от науки вообще приводит в конечном итоге к мазохистскому смакованию смыслоутраты и абсурда, но не спасает от агрессии самодостаточного разума. Так рождается новый нигилизм, который, в отличие от нигилизма так называемой интеллигенции XIX века, грубого и примитивного, гордится своей эстетической развитостью, меткостью культурного критицизма, утонченностью и изощренно маскируется под последнюю.

Благодатное аккордное предстояние-понимание-чувствование творческой личности укоренено в измерении вечного и святого и поэтому помогает избежать мертвого, однобокого, бездыханного скольжения общества во времени. Вот почему так важна традиция. В основе традиции вовсе не «всегда вчерашнее» и «привычное», как полагал М. Вебер [11]. В основе традиции — связь с вечностью. Только полноценная творческая личность может сохранить вечное во временном и даже способствовать его проявлению в нем. Цельная творческая личность обретает истину через духовную жизнь и транслирует ее уже всей своей жизнью, всеми своими талантами и способностями и во всех сферах, в которых она пребывает, — от так называемых «престижных» (которые как раз обыкновенно считают творческими — искусство, наука, философия, управление, политика и т. д.) до так называемых «тихих», «непрестижных» (и, казалось бы, «нетворческих», но требующих любви, величайшей доброты и самоотвержения, — отцовство, материнство, тайная благотворительность и образование), которые давно уже стали «подвижническими» и от которых большинство современных людей бежит в поисках более яркого, заметного и, как

им кажется, достойного самовыражения. Н. Бердяев считал, что русская интеллигенция его времени была слишком самоотвержена в ущерб творчеству и пониманию глубины самобытной русской философии. Но это была не скромная и тихая, а героическая самоотверженность, громкие призывы к бою против несправедливости, то есть самоотверженность во всеуслышание — а следовательно, с примесью агрессии и тщеславия. К началу XXI века ценность творчества возросла (хотя несколько отстает от ценностей престижа и комфорта) — и возросла она, конечно же, в ущерб самопожертвованию — поскольку в обществе, которое можно назвать обществом институционализированного эгоизма, самореализация открыто противопоставляется самопожертвованию и любви. Непременно нужно реализоваться самому, продемонстрировать свою оригинальность, а не делиться творческим потенциалом с другим (ребенком, учеником и т. д.), вкладывая в его развитие время, силы, здоровье и тем самым отказавшись от вожаемой самодемонстрации на трибуне, экране, сцене, обложке журнала или плакате. Как пишет Бернар Маршадье, «в раздробленном мире — ошметки личностей» [12]. Но целостная, гармоничная творческая личность есть любящая личность и поэтому не противопоставляет самовыражение самоотверженности и самопожертвованию. Если в XIX веке интеллигент-герой, который, по словам Сергея Булгакова, «не довольствуется ролью скромного работника» [13], обожествляет сам себя и самоутверждается, претендуя на спасение всего человечества, не разбираясь в средствах, то в XXI веке он уже не прикрывается никакими лозунгами о благе для общества, поскольку теперь достаточно просто прослыть творческим, проявив оригинальность, даже в качестве самоцели. Вряд ли победило творчество, о котором сожалел Бердяев: ведь он связывал творчество, которого так не хватало современной ему интеллигенции, с глубиной русской философии, не оторвавшей чувственное и разумное начала друг от друга и, что очень важно, от духовно-нравственного истока. И если уж говорить об интеллекте, профессионализме и образованности, необходимых интеллигенции, то в том глубоком смысле, в котором понимал их Иван Киреевский. А он считал основными чертами исконно русской образованности цель-

ность и разумность. Для древнерусского сознания цель образования была чиста и ясна: восстановление в себе божественного образа. Образ целен, он не может быть фрагментарным, мозаичным. И образование — это процесс, в результате которого образуется «недвоящийся духовный ум» [14], его «живое и цельное зрение» [15]. Однобокость и фрагментарность, уже состоявшиеся, сложнее преодолеть, чем предотвратить. И если уже стали нормой в науке, в обыденном сознании и языке всё сокрушающие бинарные оппозиции — «ум или сердце», «наука или совесть», «калькулирующее мышление или осмысляющее раздумье», — то остается вести речь лишь о соборном восстановлении единства и целостности личностей в контексте упадка культуры, то есть об исцелении личностей творческих, поскольку только таковые способны не распасться, а аккордно и гармонично трудиться над восстановлением в себе образа. Как писал Г. К. Честертон, «все мертвое плывет по течению, против течения может плыть только живое» [16].

Литература

1. Киреевский И. В. Соч.: в 2 т. Т. 1. М., 1911. С. 16.
2. Маршадье Б. Вспышки ясности // Человек. 2011. № 5. С. 93.
3. Киреевский И. В. Указ соч. С. 249.
4. Ильин И. А. Соч.: в 2 т. Т. 2. М., 1994. С. 95.
5. Там же. С. 92.
6. Там же. С. 93.
7. Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992. С. 354.
8. Ильин И. А. Соч.: в 2 т. Т. 1. М., 1993. С. 473.
9. Сорокин П. А. Указ. соч. С. 358.
10. Там же.
11. Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 646.
12. Маршадье Б. Указ соч. С. 83.
13. Булгаков С. Героизм и подвижничество // Вехи. Из глубины. М., 1991. С. 45.
14. Ильин И. А. Соч.: в 2 т. Т. 2. М., 1994. С. 83.
15. Киреевский И. В. Указ соч. С. 249.
16. Честертон Г. К. Ортодоксия. Эссе. М., 2003. С. 255.

Проблема социальной структуры международного общества

Д. А. Лапшина

Ярославский государственный университет им П. Г. Демидова

The Issue of Social Structure of International Society

D. A. Lapshina

P. G. Demidov Yaroslavl State University

В статье обосновывается применение термина «общество» для описания пространства международных отношений, произведен анализ его социальной структуры.

Ключевые слова: социальная структура, международное общество, социальная система, социальная солидарность, социальная позиция.

In the article the use of the term «society» to describe the space of international relations is substantiated, and the analysis of its social structure is conducted.

Key words: social structure, international society, social system, social solidarity, social position.

В последние десятилетия международные отношения значительно усложнились и одновременно приобрели необычайно динамичный характер. Состояние международных отношений, отличительной чертой которых является рост взаимосвязи и взаимозависимости в мире, стало играть важную роль в решении ключевых, основополагающих проблем современности. Кардинальные перемены, связанные с процессом глобализации, произошедшие в мире, со всей остротой поставили перед исследователями и перед политиками вопрос о специфике характера международных отношений и закономерностях сотрудничества. В процессе глобализации «национально-государственные формы человеческого бытия постепенно утрачивают свою самодоста-

точность» [1], что приводит к изменениям в структуре международного сообщества. В статье рассмотрен феномен трансформации международного социума в международное общество.

В эпоху глобализации международные отношения как таковые играют роль оплота образования повсеместного международного пространства. В науке сложилось несколько подходов к пониманию основных принципов формирования и функционирования международной системы. С точки зрения системного подхода [2] интеракция государств может рассматриваться как анархическая система [3], для которой характерно отсутствие властного принуждения; или иерархическая [4], где наблюдается определенный уровень упорядоченности. Иные подходы предполагают взаимодействие государств как функционирование в рамках международного общества [5], мирового общества [6] или общества глобального [7].

Если анархия устанавливает социальные отношения между государствами, которые образуют международную систему, то по логически непротиворечивой схеме ее участники принимают во внимание действия друг друга при выработке собственной политики.

Анархичность международных отношений, по мнению сторонников политического реализма, проявляется в отсутствии общего правительства и вытекающей отсюда необходимости рассчитывать только на собственные силы и ресурсы. Именно на это ссылаются реалисты, отстаивая теорию международной системы.

М. Уайт и Х. Булл [8], напротив, оперируя термином «общество», рассматривают межгосударственное сотрудничество как результат исторического укрепления возникшей в результате Вестфальского мира уже не международной системы, а «международного» общества и созданных в нем негосударственных нормативных структур.

Исходя из этого, обращаясь к термину «общество» мы подразумеваем установление между государствами уже иного рода социентальных отношений.

Международное общество, в отличие от системы, представляет собой совокупность государств, которые не просто образуют определенную целостность, но и совместно вырабатывают

и соблюдают единую унифицированную нормативно-правовую базу, имеют сложную статусную структуру взаимоотношений, создают институты контроля, отражающие общие интересы, гарантирующие стабильность и дальнейшее процветание.

В концепции Булла и Уотсона международное общество предстает как «группа государств (независимых политических сообществ), которые не просто формируют систему, в том смысле, что поведение одного необходимо учитывать при проведении политики другого, но также устанавливают и согласовывают общие правила их взаимоотношений, признают их общие интересы в поддержании этих правил» [9].

Во многом фактором формирования международного общества выступило появление относительно нового вида сотрудничества в рамках международных организаций, таких как Европейский союз.

При этом «движущей силой» перехода от международной системы к международному обществу может выступать либо общая идентичность участников взаимодействия (цивилизационная модель), либо наличие разделяемых целей и интересов (функциональная модель).

Таким образом, можно предположить, что элементы международного общества взаимодействуют друг с другом благодаря определенным факторам социальной солидарности [10] — механической или более сложной органической, что и обеспечивает трансформацию международной системы в международное общество.

Особое внимание хотелось бы уделить социологическому анализу социальной структуры международного общества. Среди многообразия теорий и мнений наиболее содержательной, отвечающей поставленным задачам представляется интерпретация социальной структуры, представленная в работах П. Штомпки [11].

Используя выбранный подход, мы будем основываться на 4 измерениях социальной структуры, выделенных П. Штомпкой [12]:

- 1) нормативное измерение;
- 2) стратификационное измерение;
- 3) интеракционное измерение;
- 4) идеальное измерение.

Нормативное измерение представляет собой совокупность в основном формальных (законы), а также неформальных (традиции) норм, определяющих возможные пути интеракций, поведения государств, направления сотрудничества. В системе мирового политического пространства данная единица контроля именуется международным правом.

Она представляет собой особую систему институтов, целью которой является регулирование жизни государства как члена международного общества. Основные положения международного права подробно изложены в принятой ООН в 1970 г. «Декларации о принципах международного права» [13].

Нормативная структура, представляет «собой форму трансляции от поколения к поколению политического опыта, обычаев, представлений, норм, ценностей, институтов» [14]. Норма международного права — следствие негативного/позитивного политического опыта, она формирует политическую жизнь общества на следующие периоды, трансформируя ее.

Второе измерение в классификации Штомпки — стратификационное, оно определяет характер неравенства в рамках общества, отражая статусно-ролевой паттерн межгосударственных отношений. Основным недостатком большинства теорий социальной стратификации является то, что они концентрируются почти исключительно на экономических факторах. Несмотря на то что экономическая составляющая чрезвычайно важна, она не является единственным компонентом, определяющим место в международной иерархии. Политические идеологии, военные столкновения, культурные факторы также имеют не меньшее, а при определенных обстоятельствах и более весомое значение.

Интеракционное измерение, в свою очередь, является базовым принципом международных отношений, определяя саму возможность формирования межгосударственного сотрудничества. Это непосредственно связанные с данной общностью и типичные для нее взаимно ориентированные действия — модель построения межгосударственных отношений.

Стоит отметить, что система международных отношений относительно плохо структурирована. Описать единую проце-

дуру взаимодействий не возможно ввиду отсутствия стандартизированной интеракционной модели. Отношения между государствами зачастую складываются за счет субъективных взглядов сторон на момент «здесь и сейчас», аналогов подобного рода интеракций может и не быть, что во многом препятствует систематизации данного процесса.

Измерение интересов — четвертое измерение в классификации автора — представляет собой некие ментальные модели социальных объектов, процессов в системе международных отношений, которые соответственно определяет причины и возможность государственных дипотношений. Данное измерение является одним из компонентов проявления «мы/они» идентичности. Важный факт, который необходимо отметить, заключается в том, что возможно расхождение образа конкретного государства, к примеру России, конструированного российским политическим руководством, и образа нашей страны, созданного лидерами других государств [15]. Существует мнение, что растущий интерес к проблемам идентичности государства связан с возможностью придать онтологический статус участникам мировой политики.

Все измерения сосуществуют в тесной взаимосвязи друг с другом. Их совокупность не только дает представление о социальной структуре международных отношений, но и служит методом раскрытия социальной позиции конкретного государства как участника международных отношений и ее влияния на внешнюю политику государства.

Литература

1. Штарев П. В. Человек и современное государство в эпоху глобализации // Вестник социально-политических наук: сб. науч. тр. 2011. № 10. С. 111–115.
2. Цыганков П. А. Политическая социология международных отношений: учеб. пособие. М.: Радикс, 1994.
3. Там же.
4. Цыганков П. А. Теория международных отношений на рубеже столетий. М.: Гардарики, 2003.

5. Buzan B. From International System to International Society: Structural Realism and Regime Theory Meet the English School // International Organization. 1993. Vol. 47. № 3. P. 327–352.

6. Браун К. Международно-политическая теория и идея мирового сообщества // Теория международных отношений на рубеже столетий / под ред. К. Буса и С. Смита. М.: Гардарики, 2002. С. 102–119.

7. Бек У. Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма: новая всемирно-политическая экономия. М.: Прогресс-Традиция, 2007.

8. Buzan B. Op. cit.

9. Там же.

10. Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение / пер. с фр., сост., прим. А. Б. Гофмана. М.: Канон, 1995.

11. Штомпка П. Социология. Анализ современного общества / пер. с польск. С. М. Червонной. М.: Логос, 2005.

12. Штомпка П. Понятие социальной структуры: попытка обобщения // Социологические исследования. 2001. № 9. С. 3–13.

13. Официальный сайт ООН. URL: www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtml (дата обращения: 23.06.2012).

14. Артемов Г. П. Политическая социология: учеб. пособие. М.: Логос, 2002.

15. Киселев И. Ю., Смирнова А. Г. Россия в «Группе восьми»: восприятие идентичности и статуса // Вестник социально-политических наук: сб. науч. тр. 2008. № 8. С. 23–27.

**Проблема выбора
эгоистического и просоциального поведения
в ситуациях социальной дилеммы:
социологический анализ**

Н. В. Люсина

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

**The issue of choice of egoistic and prosocial
behavior in situation of social dilemmas:
a sociological analysis**

N. V. Lyusina

P. G. Demidov Yaroslavl State University

В статье обсуждается выбор поведения людей в ситуации социальной дилеммы.

Ключевые слова: социальные дилеммы, теория рационального выбора, теория обмена, эгоистическое поведение, просоциальное поведение, коллективное действие.

In article the choice behavior of people in a situation of social dilemmas is discussed.

Key words: social dilemmas, rational choice theory, the theory of exchange, egoistic behavior, prosocial behavior, collective action.

Социальные дилеммы возникают во всех сферах жизни: от принятия важных решений по вопросам войны и мира до принятия простых решений, касающихся нашей повседневной жизни [1]. Термин «социальная дилемма» относится к ситуациям, в которых люди делают свой независимый выбор при столкновении с противоречием между максимальным удовлетворением своих личных интересов и максимальным повышением коллективного благополучия [2].

Исследование социальных дилемм — это изучение конфликта между частными эгоистическими и коллективными интересами [3]. Человек стремится быть рациональным и максимизиро-

вать прибыль, которую он рассчитывает получить, но в ситуации социального взаимодействия он может ориентироваться и на повышение общественного блага. Таким образом, основная задача исследования социальных дилемм состоит именно в том, чтобы понять, когда человек демонстрирует эгоистическое или просоциальное поведение [4; 5].

«Коллективная рациональность» предписывает сотрудничество, поскольку каждый индивид от этого выигрывает, по сравнению с тем, когда все уклоняются от кооперации. «Эгоистичная рациональность» предполагает некооперативное поведение, поскольку такая стратегия ведет к индивидуальным результатам, которые являются всегда выше, чем плоды коллективного взаимодействия. Однако вред, нанесенный эгоистичным поведением (т. е. несотрудничеством), оказывается в конечном счете существенно больше, чем непосредственная краткосрочная индивидуальная выгода.

Исходя из этого, можно сказать о стратегиях выбора поведения людей в различных ситуациях, которые позволяют составить представление о факторах, лежащих в основе этого выбора. Согласно исследованиям и экспериментам, проводимым в этой области целым рядом ученых [6; 7; 8], выбор стратегий можно объяснить с позиций двух теорий: теории рационального выбора и теории обмена.

Несколько лет назад один профессор университета провел интересный эксперимент. Он послал открытки к Рождеству множеству совершенно незнакомых ему людей. Хотя профессор и ожидал некоторой ответной реакции, отклик, который он получил, был поразительным — праздничные поздравительные открытки, адресованные ему, полились потоком от людей, которые никогда его не встречали и никогда о нем не слышали. Большинство тех, кто ответил на открытку, даже не пытались выяснить что-либо относительно личности неизвестного профессора. Они получили его праздничную поздравительную открытку и автоматически послали ему открытку в ответ. Хотя это исследование незначительно по своему масштабу, оно прекрасно показывает действие одного из наиболее могущественных орудий влияния людей друг на друга — правила взаимного обмена, которое гласит, что мы обязаны постараться отплатить каким-то образом за то, что предоставил нам другой человек.

Чувство признательности распространено чрезвычайно широко, причем, как утверждает социолог Элвин Гоулднер, практически в любом обществе. Развитая система признательности, обусловленная правилом взаимного обмена, является уникальной особенностью человеческой культуры. Таким образом, можно говорить о теории обмена, которая, основываясь на общественных отношениях и действии социальных факторов, предполагает, что поведение людей есть не что иное, как постоянный обмен ценностей, ориентированных на общественные интересы [9], т. е. обуславливает достижение долгосрочных выгод [10].

Исследования, проведенные в разных сферах, показали, что люди чаще всего прибегают к коллективным действиям без всякого принуждения в тех случаях, когда решаются вопросы, связанные с предоставлением общественных благ или управлением общественными ресурсами. Общественное благо — это общая коллективная выгода, обеспечиваемая государством [11]. Коллективное или общественное благо определяется как любой товар или услуга, которые удовлетворяют следующему требованию: если их потребляет любой индивид X_i из группы $X_1, \dots, X_i, \dots, X_n$, то их могут потреблять и все остальные члены группы. Для получения общественного блага от каждого из участников группы требуется вклад в виде труда, продуктов или денежных сумм. Наличие у потенциального пользователя потребности в результатах таких действий не гарантирует его участия в них. Ведь ожидаемый эффект формируется на основе коллективных усилий в целом и может быть достигнут при разных вариантах распределения затрат: трудовых усилий, денежных взносов и т. д. Максимизируя собственную функцию полезности, каждый из индивидов стремится свести свою долю затрат к минимуму. Следовательно, заинтересованность в общественных благах совместима с уклонением от участия в коллективных действиях, необходимых для получения этих благ. В таких случаях поведение человека можно рассмотреть с точки зрения удовлетворения им своих краткосрочных интересов. В современной социологической науке была разработана теория рационального выбора, которая включает в себя модели эгоистического поведения. Они оказались очень успешными в предсказании маргинального поведения в ситуациях

состязания, когда напряжение выбора выявляет тех, кто не может максимально точно определить внешние ценности [12]. Основные споры порождаются по поводу неравномерности усилий, затрачиваемых членами группы при выполнении общей задачи. В этом случае как раз и возникают социальные дилеммы. Социальная дилемма представляет собой положение, когда члены группы из N человек (где $N \geq 2$) должны выбирать между максимизацией эгоистических частных интересов и максимизацией коллективных интересов. И хотя все члены группы заинтересованы в получении коллективной выгоды, никто не хочет брать на себя издержки по ее обеспечению. Каждый из членов группы предпочел бы, чтобы платил кто-нибудь другой, а он лишь наслаждался плодами. Парадокс заключается в том, что своекорыстный выбор оказывается более рациональным с точки зрения отдельного индивида, но суммарный результат индивидуально рациональных выборов предстает дефективным, а порой и трагическим для всех членов группы, нежели кооперативное поведение, накладывающее ограничение на безудержную максимизацию индивидуальной выгоды. Таким образом, социальные дилеммы воплощают в себе противоречие двух видов рациональностей: индивидуальной и коллективной.

Таким образом, огромное влияние на поведение человека и на его выбор в различных ситуациях оказывают группы людей, в которых он находится. «Первоначальные группы», группы настолько небольшие, что каждый из членов сталкивается со всеми остальными лицом к лицу, — семейные и родственные группы — доминируют в примитивном обществе. Жизнь в семье и совместные действия родственников помогали выживать и решать социальные проблемы. Но не только родственные отношения служили этой цели. Люди стали жить в сообществе: вместе заниматься сельским хозяйством, торговать с другими странами, строить заведения общего пользования, охранять и беречь природные ресурсы. Философы уже давно признали, что природа человека — это сложный симбиоз удовлетворения его собственных интересов и способности вырабатывать свои правила поведения с соблюдением внешних принудительных норм, воспринимаемых как закон. Такое поведение сложилось исторически, т. к. оно помогает достигать лучших результатов при

коллективном взаимодействии. Как утверждает знаменитый итальянский политик и философ Гастано Моска, люди обладают инстинктом к «собираанию в стада и борьбе с другими стадами». Этот инстинкт лежит в основе формирования всех «разделений и подразделений, которые возникают внутри общества и приводят к моральным, а иногда и к физическим конфликтам». Повсеместный и неизбежный характер формирования групп подчеркивался Георгом Симмелом в одной из его классических работ по социологии [13].

Группы имеют первостепенное значение в жизни общества и способны совершить многое из того, что не под силу одиночкам. К примеру, результаты работы групп анонимных алкоголиков, родителей-одиночек и желающих похудеть, а также прочих групп, действующих по принципу «помоги себе сам», свидетельствуют влиянии и успехах, которых они способны достигать [14]. Групповые дискуссии и нормы формируют у их участников единое (групповое) мышление — процесс принятия решений в группах с чрезвычайно тесными связями, членов которых настолько волнует вопрос сохранения консенсуса, что это отрицательно сказывается на их способностях критически осмысливать ситуацию [15; 16]. С другой стороны, мнения людей начинает склоняться в сторону групповых стандартов. Когда индивиды попадают в полную зависимость от группы, они способны жертвовать собственной независимостью и ослаблять контроль над своим телом и поступками. Все это показывает, насколько важную роль играют в нашей жизни группы, особенно те, в которых проходит развитие нашей личности и в деятельности которых мы ежедневно принимаем участие.

Для подтверждения данных утверждений можно сослаться на результаты исследований Ю. Г. Волкова [17], Э. Остром [18; 19], Р. Чалдини [20; 21], Д. Майерса [22], М. Шерифа [23], С. Эша [24], Д. Мэссика [25], Э. Яниса [26].

Исследование социальных дилемм важно для создания правил поведения в ситуациях выбора, помогающих каждому человеку и обществу в целом получить более высокий продуктивный результат [27].

Литература

1. Олсон М. Логика коллективных действий. Общественные блага и теория групп. М.: ФЭИ, 1995.

2. Волков Ю. Г. Социология: лекции и задачи. М.: Гардарики, 2003.

3. Муздыбаев К. Социальные дилеммы и способы их разрешения // Журнал социологии и социальной антропологии. 2007. Т. 10. № 2.

4. Коллинз Р. Четыре социологических традиции. М.: Территория будущего, 2009.

5. Kramer R. M., Tenbrunsel A. E., Bazerman M. H. Social decision making. Social Dilemmas, Social Values, and Ethical Judgments. N.-Y., Wis.: Psychology press, 2010.

6. Коллинз Р. Указ. соч.

7. Остром Э. Теория рационального выбора коллективного действия. Бихевиористский подход // Вопросы государственного и муниципального управления. 2010. № 1.

8. Kramer R. M., Tenbrunsel A. E., Bazerman M. H. Op. cit.

9. Ритцер Дж. Современные социологические теории. СПб.: Питер, 2002.

10. Чалдини Р., Кенрик Д., Нейберг С. Социальная психология. Пойми других, чтобы понять себя. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2002.

11. Олсон М. Указ. соч.

12. Остром Э. Указ. соч.

13. Олсон М. Указ. соч.

14. Волков Ю. Г. Указ. соч.

15. Там же.

16. Kramer R. M., Tenbrunsel A. E., Bazerman M. H. Op. cit.

17. Волков Ю. Г. Указ. соч.

18. Остром Э. Указ. соч.

19. Плутник Д. А. Правила в общественном секторе в свете Нобелевской премии: вклад Элинора Остром в исследования коллективных действий // Вопросы государственного и муниципального управления. 2010. № 1.

20. Чалдини Р. Психология влияния. СПб.: Питер, 2000.

21. Ритцер Дж. Указ. соч.

22. Майерс Д. Социальная психология / пер. с англ. СПб.: Питер, 1999.

23. Волков Ю. Г. Указ. соч.

24. Там же.

25. Kramer R. M., Tenbrunsel A. E., Bazerman M. H. Op. cit.
26. Волков Ю. Г. Указ. соч.
27. Муздыбаев К. Указ. соч.

УДК 316.4

К вопросу о факторах выбора мигрантами стратегий аккультурации*

М. Г. Плуженская

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

To the issue of factors of migrants' choice of the strategy of acculturation

M. G. Pluzhenskaya

P. G. Demidov Yaroslavl State University

В статье рассмотрена проблема социокультурной адаптации мигрантов и факторы, оказывающих влияние на этот процесс, с позиции двух основных теоретических подходов к исследованию межэтнического взаимодействия: аккультурационного и межэтнических отношений. Описаны результаты пилотажного исследования взаимосвязи выделенных факторов.

Ключевые слова: мигранты, межкультурное взаимодействие, аккультурация, этническая толерантность, этническая идентичность.

In article the problem of social-cultural adaptation of migrants and the factors, influencing this process, are under discussion through the framework of two main theoretical approaches to the study of inter-ethnic interaction: acculturation and ethnic relations. Results of flight research of interrelation of the allocated factors are described.

Key words: migrants, intercultural interaction, acculturation, ethnic tolerance, ethnic identity.

В настоящее время миграция населения является одним из самых сложных и важных факторов, влияющих на развитие и пре-

---

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Минобрнауки РФ (номер соглашения 14.132.21.1045.)

образование общества. Интенсивность и масштаб миграционных процессов, высокая социальная значимость следующих за ними перемен в экономике, политической и социокультурной жизни государств и этносов делают их объектом изучения представителей различных отраслей научного знания, средств массовой информации, общественных организаций и государственных структур. Ее изучают социологи, в частности в рамках социологии социальных проблем [1], демографы, психологи, социальные философы, социальные антропологи, историки, политологи, правоведы.

В связи с возрастающей массовостью и интенсификацией миграционных передвижений на первый план выходит проблема социальной адаптации мигрантов в принимающем обществе. «Чем выше уровень адаптированности мигрантов к новым условиям жизни, тем значительнее экономическая и интеллектуальная отдача человеческих ресурсов, и наоборот, усиление конфликтогенного потенциала миграционных потоков снижает шансы успешной адаптации вынужденных мигрантов, деформирует региональный рынок труда и усиливает социальную напряженность» [2]. Невозможность реализовать себя в сложившихся условиях порождает для многих мигрантов трудную жизненную ситуацию, ведет к снижению позитивной социальной активности, негативно влияет на психоэмоциональное состояние и способствует развитию девиаций и маргинальности. Поэтому от выбора мигрантами наиболее эффективной и желательной для них и принимающей страны стратегии аккультурации зависит благополучие и развитие государства и населения. Выбор, в свою очередь, зависит от многих факторов социума, основным из которых является этническая толерантность принимающего общества и этническая толерантность и идентичность самих мигрантов.

Снижение негативизма в межэтнических отношениях, уменьшение последствий ксенофобии и мигрантофобии, улучшение межгрупповых отношений мигрантов и местных жителей особенно актуальны, если эти процессы касаются детей, подростков, молодежи, ставших мигрантами не по собственной воле. От того, насколько данная категория защищена с правовой точки зрения[3], а также приспособлена к жизни в полиэтниче-

ском обществе, государстве, зависит стабильность и благополучность данного общества в будущем. Многие аспекты процесса адаптации детей мигрантов мало изучены, меры их социальной поддержки носят случайный характер, мало распространены и не выстроены в единую государственную комплексную программу адаптации молодого поколения разновозрастных групп на всех уровнях института образования — дошкольного и школьного, вузовского сектора. «Имеются лишь единичные случаи позитивного решения этих проблем, которые основаны скорее на инициативности малых групп людей или общественных организаций в ограниченных масштабах, нежели являются сформированными регулярными институциональными практиками» [4]. Поэтому значимой становится задача изучения эффективных моделей аккультурации детей-мигрантов и этнической толерантности принимающего социума и мигрантов, их этнической идентичности, оказывающих влияние на выбор той или иной модели.

В научной литературе все многообразие подходов к исследованию межкультурного взаимодействия можно условно разделить на два основных. Первый — аккультурационный — предполагает исследование представления этнических меньшинств об их положении в поликультурном социуме. Данный подход опирается на такие понятия, как аккультурация, стратегии аккультурации, аккультурационный стресс, адаптация и наиболее ярко представлен в работах Дж. В. Берри, известного автора типологии аккультурационных стратегий. По мнению ученого, в основе типологии лежат два критерия: «1) ориентация индивида на собственную группу (предпочтение сохранять свое культурное наследие и идентичность) и 2) ориентация на другие группы (предпочтение контактировать с более широким обществом и принимать в нем участие наряду с другими этнокультурными группами)» [5]. В зависимости от соотношения этих двух критериев, Дж. В. Берри выделил четыре основных типа аккультурационных стратегий: ассимиляция, сепарация, маргинализация и интеграция. Второй подход направлен на изучение межэтнических отношений преимущественно с позиций доминирующей группы, т. е. ее отношения к малым этническим группам, иммиграции, социальным изменениям вызванным ми-

грацией, дискриминацией, предрассудками. Пример применения данного подхода представлен в работах Т. Н. Юдиной. Автор выделяет четыре основных «пути-модели», которыми страна въезда может реагировать на иммиграцию [6]: полное исключение — предотвращение въезда иммигрантов в страну; дифференциальное исключение — мигрантам доступны лишь некоторые социальные подсистемы; ассимиляция; плюрализм — мигранты могут получить равные права во всех сферах общества, но с условием принятия ими ключевых ценностей данного общества.

Факторы, которые влияют на выбор мигрантами той или иной стратегии аккультурации, активно обсуждаются в научных кругах. Ранее в мире эффективной признавалась так называемая модель «плавильного котла», или же, основываясь на типологии аккультурационных стратегий Дж. Берри, модель ассимиляции. Но, как показал опыт, данная модель потерпела поражение и ученые вновь вернулись к поиску оптимального варианта межкультурного взаимодействия.

В настоящее время в обществах развитых стран обсуждается проблема терпимого отношения к мигрантам, возникшая как отклик практики на теоретический анализ наиболее выгодной и для принимающего общества, и для мигрантов модели аккультурации — интеграции. Для успешной реализации данной модели ключевым моментом становится принятие большинством граждан идеи терпимости и толерантного отношения к людям другой национальности, культуры, религии. Так, например, для продвижения данной идеологии в большинстве регионов нашей страны создаются целевые программы, включающие исследование уровня терпимости населения к представителям других этнических групп, во все образовательные программы средней школы включены «уроки толерантности», во многих ведущих вузах страны проводятся конференции и семинары, посвященные изучению данных проблем. Проблема толерантного отношения затрагивает не менее важный феномен и неотъемлемую часть процесса межкультурного взаимодействия — становление и трансформацию этнической идентичности.

В детском, подростковом возрасте формирование этнической идентичности тесно связано с общей социализацией личности,

на которую непосредственное влияние может оказывать свой этнос (семья, диаспора), а также социальные институты принимающего социума (образовательные учреждения, армия и т. д.). Этническая идентичность, по мнению В. Ю. Хотинец [7], имеет под собой когнитивный и эмоционально-оценочный компоненты, обладает как естественной, так и социальной природой, отличается верой в единство культуры и общность происхождения. Этническая идентичность способна трансформироваться под воздействием межэтнических отношений, социальных факторов среды. Это позволяет позиционировать данный феномен в его норме или в «позитивном контексте» (положительное отношение к своей группе и к другим) как средство обеспечения толерантности в межэтнических отношениях, а следовательно, и стабильности и эффективности межкультурного взаимодействия. А. А. Айрапетян, утверждает, что именно толерантность как уважительное отношение к представителям других народов и культур является в настоящее время главным критерием оценки межнациональной напряженности [8]. Но резкое расслоение социума по экономическим, социальным и другим признакам вызывает рост нетерпимости, терроризма, религиозного экстремизма. Таким образом, актуальным является изучение взаимозависимости явлений этнической толерантности, этнической идентичности и моделей аккультурации мигрантов. Ученые различных отраслей знания предпринимали попытки рассмотреть взаимосвязь названных феноменов: В. Ю. Хотинец, М. Б. Хомяков, Н. И. Воронина, И. А. Апполонов, О. Р. Тучина — толерантности и идентичности; Н. М. Лебедева — идентичности и аккультурации; Е. Бурлина — толерантности и аккультурации. Но в целом фундаментальные труды и масштабные исследования ограничиваются односторонним изучением факторов, влияющих на процесс культурной адаптации.

В связи с этим необходимо уделить внимание изучению этнической толерантности. Феномен этнической толерантности тесно вплетен в повседневные межличностные и межгрупповые взаимодействия и указывает на необходимость более глубокого изучения особенностей данного явления в мультикультурном российском государстве. Особенно важно изучение этнической толерантности-интолерантности и ее влияний на межкультурные

взаимодействия в подростково-молодежной среде, т. к. именно подрастающее поколение обеспечивает ядро стратегического потенциала развития современного общества. В данном случае встает вопрос: является ли высокая этническая толерантность подростков и молодежи одним из основных условий обеспечения оптимальных межкультурных взаимодействий и эффективной интеграции мигрантов в местный социум?

В поисках ответа на поставленный вопрос были проведены пилотажные исследования методом группового анкетного опроса среди учащихся школ и профессиональных училищ г. Ярославля, методом открытого неструктурированного наблюдения за подростками-мигрантами в средних общеобразовательных школах и субшкалы «этническая толерантность» из методики Г. У. Солдатовой и др. «Индекс толерантности» [9]. Основными задачами исследования являлись определение уровня толерантности титульной нации по отношению к мигрантам различных национальностей, как с позиций коренного населения, так и с позиций этнических меньшинств, а также определение уровня адаптированности подростков-мигрантов в образовательной среде.

Исследование показало, что около 43% опрошенных подростков разделяют мнение, что «Россия — это прежде всего государство русских людей, где права коренного населения не должны нарушаться приезжими из других стран». Более того, 24,8 % опрошенных полностью поддерживают лозунг «Россия только для русских» и считают, что для снижения конфликтов на национальной почве необходимо, чтобы каждый народ жил в своей стране. Четверть опрошенных школьников — 26,1 % — отметили, что испытывают чувство напряженности при необходимости частого общения с представителями других национальностей. Некоторых учащихся раздражает наличие в их учебном заведении учеников — представителей иных национальностей. 49,3 % представителей титульной нации считают, что в смешанных браках больше семейных проблем, чем в браках между людьми одной национальности.

Анализ отношений подростков коренного населения к сверстникам различных национальностей показал, что в целом 52,9 % опрошенных считают, что к некоторым нациям и народам априори-

ри трудно хорошо относиться. Так, наиболее нетерпимо учащиеся относятся к выходцам с Кавказа, особенно к чеченцам, дагестанцам, азербайджанцам. Конфликты между представителями титульной нации и народов Кавказа возникают, по мнению опрошенных, прежде всего из-за разногласий во взглядах на жизнь при повседневном общении, особенно при попытке представителей некоренных национальностей навязать свои традиционные взгляды или модель поведения представителям титульной нации. С другой стороны, подростки — представители народов Кавказа в своих ответах указали, что не замечают проявлений нетерпимости по отношению к себе как к представителям другого этноса, а если испытывают дискриминацию, то не воспринимают это как угрозу. По результатам наблюдений, подростки данных этнических групп практически не отличаются по стилю поведения, речи, стилю одежды и основным жизненным ценностям от сверстников — представителей коренного населения. Среди основных особенностей данных молодых людей как этнического меньшинства можно указать лишь внешность и более высокое стремление к принадлежности своей национальной группе. Все это указывает на то, что «кавказцы» хорошо интегрированы к среде.

В отношении приезжих из Украины и Средней Азии показатели интолерантного отношения титульной нации практически одинаковы и низки. Некоторые подростки-украинцы и подростки-таджики все же считают, что по отношению к их этносу существует некоторая нетерпимость, которая выражается в основном в словесных оскорблениях, подшучивании. Наблюдение за представителями названных национальных меньшинств показало, что подростков-украинцев при данном исследовании проидентифицировать не удалось. Это говорит о том, что наблюдаемые украинские подростки внешне не проявляли себя как представители другой этнической группы либо их национальные особенности могли быть восприняты как личностные особенности. Следовательно, они достаточно ассимилированы в среде. Таджики из числа наблюдаемых подростков замкнуты, плохо говорят по-русски, одеты в стиле национальных особенностей, не имеют мотивации к общению с представителями титульной нации, у них слабо выражены

школьно-значимые навыки. Все это указывает на слабую адаптированность подростков-мигрантов — выходцев из Таджикистана.

Результаты исследования указывают, во-первых на тенденцию интолерантного отношения к этническим мигрантам. Это может объясняться как моделью воспитания, личным опытом межкультурного взаимодействия в ближайшем окружении, так и собственным анализом существующей напряженной ситуации в области миграционной политики в целом [10]. Обострение межнациональных отношений, вызванных локальными войнами, проблемами беженцев, а также общественная оценка ситуации оказывают влияние на формирование специфического отношения подрастающего поколения к приезжим. Так, можно говорить о влиянии перечисленных факторов на поведение подростков по отношению к мигрантам через их представления о возможных путях решения проблемы межнациональных конфликтов. Никто из опрошенных не считает первостепенными меры по воспитанию взаимной толерантности и привитию культуры мира, формированию такой модели взаимной аккультурации, как взаимная интеграция и мультикультурализм. Средней позицией подростки считают создание психологических центров и учреждений социальной защиты, осуществляющих работу по постепенной интеграции мигрантов в российское общество при приоритете ценностей русского народа, а также разработку законодательных мер по обеспечению защиты прав дискриминируемых групп. Но что наиболее важно, многие подростки — около 30 % — основным направлением миграционной политики считают снижение количества мигрантов, а также меры по полной ассимиляции приехавших из других стран людей или же их исключение из общества (отдельные районы для проживания, отдельные школы и прочее). Во-вторых, результаты исследования говорят о взаимосвязи степени этнической толерантности и степени интегрированности мигрантов в среде. Таким образом, можно предположить, что чем ниже толерантность принимающего населения, тем активнее мигранты перенимают стили поведения и ценности титульной нации. При этом для дальнейшего понимания сути межкультурного взаимодействия автор намерен исследовать непосредственное влияние этнической толерантности

на выбор мигрантами одной из стратегий аккультурации, а также на трансформацию этнической идентичности при данных процессах. Полученные результаты позволят грамотно скорректировать миграционную и национальную политику, выбрать оптимальные модели адаптации мигрантов в местный социум, скорректировать и модернизировать образовательные программы.

Литература

1. Албегова И. Ф. Социология социальных проблем как инновационное научно-практическое направление исследования современного российского общества // Вестник социально-политических наук: сб. науч. тр. Вып. 7. Ярославль, 2007. С. 3–5.

2. Шатохин А. Г. Особенности регулирования социально-трудовых отношений социально-слабозащищенных групп населения // Вестник социально-политических наук: сб. науч. тр. Вып. 7. Ярославль, 2007. С. 96–99.

3. Афонин М. В., Бабак Ю. В. Международная защита прав ребенка как институт международного права // Вестник социально-политических наук: сб. науч. тр. Вып. 7. Ярославль, 2007. С. 16–23.

4. Буторина А. А., Косарева И. В. Эффективная социальная политика как условие развития местного социума (на примере города Ярославля) // Вестник социально-политических наук: сб. науч. тр. Вып. 10. Ярославль, 2011. С. 31–38.

5. Абрамова М. А., Гончарова Г. С. Аккультурационные стратегии учащейся молодежи Якутии // Социологические исследования. 2009. № 3. С. 109.

6. Юдина Т. Н. Социология миграции: учеб. пособие для вузов. М: Академический Проект, 2006. С. 98.

7. Хотинец В. Ю. Этническая идентичность и толерантность. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. С. 57.

8. Айрапетян А. А. Общество ждет от социологов критерии оценки межнациональной обстановки в регионах России // Актуальные проблемы межнациональных отношений и национальной политики в Российской федерации: материалы круглого стола / под общ. ред. д-ра филос. наук Г. В. Мирзояна. М.: Университетская книга, 2011. С. 76.

9. Психодиагностика толерантности личности / Г. У. Солдато-ва, Л. А. Шайгерова, Т. Ю. Прокофьева, О. А. Кравцова. М.: Смысл, 2008. С. 47.

10. Чуй Ю. В., Досина Н. В. Основные проблемы реализации миграционной политики в России // Вестник социально-полити-ческих наук: сб. науч. тр. Вып. 9. Ярославль, 2009. С. 67–71.

УДК 316

Проблемы институционализации гражданского общества

И. В. Попова

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

The problems of institutionalization of civil society

I. V. Popova

P. G. Demidov Yaroslavl State University

В статье рассматриваются методологические подходы к исследованию процессов институционализации гражданского общества. Особое внимание уделяется отношениям между гражданским обществом и государством.

Ключевые слова: гражданское общество, институциональная среда, самоорганизация, государство.

The article discusses the methodological approaches studying the processes of institutionalization of civil society. Particular attention is paid to the relationship between civil society and the state.

Key words: civil society, institutional environment, self-organization and the state.

Понятие «гражданское общество» играет особую роль в обществах, находящихся в состоянии трансформации. Существуют различные подходы к определению, составу, элементам, функциям гражданского общества, в том числе и в России. Вме-

сте с тем, насколько бы важными ни были теоретические разработки этих категорий гражданского общества, понятно, что идеальная модель зрелого гражданского общества неприменима для современной России. Главные элементы гражданского общества — различные партии и общественные организации, в том числе оппозиционные, соблюдение прав гражданина, а также наличие компромисса интересов всех социальных слоев, групп, общественных организаций. Заниматься разработкой проблем гражданского общества в России сложно из-за отсутствия соответствующей теоретической традиции и политической культуры населения. В теоретических исследованиях гражданского общества, по мнению российских социологов, можно выделить две основные интерпретации его сущности. Одни авторы используют его для характеристики определенного состояния социума. При такой трактовке гражданское общество идентифицируется с государством особого типа, в котором юридически обеспечены и политически защищены основные права и свободы личности. Вторая трактовка связана с представлением о нем как об определенной сфере социума — сфере внегосударственных отношений, структур и институтов. Понимание гражданского общества как особой сферы социума не означает разделения социального пространства на два отгороженных друг от друга поля. Общество есть единое целое, между различными его сферами неминуемы и необходимы взаимосвязь и взаимодействие. Государство в силу присущей ему функции структурирования социальных отношений неизбежно влияет на жизнь автономной сферы уже тем, что создает те или иные условия для ее развития. С другой стороны, гражданское общество выполняет функции соединения социума, соединения частного и общественного интересов, посредничества между личностью и обществом. «Оно, с одной стороны, является полем, на котором разворачивается борьба разнонаправленных частных и групповых интересов, а с другой — активным фактором этого процесса» [1]. Первая трактовка соотносится с периодом становления капиталистических отношений, который характеризуется тем, что самоопределение личности ограничено

сферой хозяйственно-экономических отношений. В изучении гражданского общества использовались два подхода: генетический и структурный. Генетический фиксировал, что общество возникло раньше государства, хозяйство — раньше политики, значит тождества между ними быть не может. Структурный подход основывался на учете единства форм экономической и политической жизни. Можно выделить две функции понятия гражданского общества: теоретико-аналитическую и нормативную. В первом значении оно используется как теоретическая категория для анализа и объяснения социальной реальности. В этом смысле это специфическая совокупность социальных связей, институтов и ценностей, главными субъектами которых являются гражданин со своими гражданскими правами и гражданские организации: объединения, общественные движения, гражданские институты.

Во второй функции понятие гражданского общества имеет статус нормативной концепции, которая способствует мобилизации граждан на развитие форм гражданской активности. Эта функция имеет особое значение в обществах, находящихся в стадии трансформации.

Гражданское общество — это такая социальная организация, которая представляет собой совокупность социальных форм самодетельного существования людей. Эта совокупность определяется содержанием деятельности людей в экономике, политике, социальной жизни. Они создают социальную организацию гражданского общества, на основе которой обеспечивается его саморегуляция. Гражданское общество может развиваться только в условиях демократии, а она, в свою очередь, формируется и развивается на базе гражданского общества. Формирование и развитие институтов гражданского общества предполагает свободных, экономически независимых осознающих себя самостоятельными граждан. Полная рассогласованность действий гражданского общества и государства — серьезная опасность для страны.

Понятие государства многозначно. Необходимо определить сущность и содержание государства как субъекта управления. Для целей данного анализа важно выделить роль гражданского

общества по отношению к государству. В первую очередь необходимо рассматривать гражданское общество с точки зрения регулирования того, что люди могут осуществлять сами, без управленческого воздействия государства.

Длительное подавление элементов гражданского общества привело к неуправляемым процессам зарождения демократии. Поощрение стихийных тенденций общественного развития в условиях отсутствия правового государства ведет к ослаблению авторитета властных структур и, как следствие, к хаотическому развитию общественных отношений. Период реформирования государственного устройства характеризуется отчужденностью гражданского общества от этих проблем [2].

В последние годы в России только наметившийся процесс институционализации гражданского общества подвергается давлению со стороны государства. Можно согласиться с определением институционализации гражданского общества, которое дают И. Ф. Албегова и Г. Л. Шаматонova: «Под институционализацией гражданского общества авторы понимают процессы возникновения, становления, развития и активного функционирования различных социально-политических институтов. В условиях современной России они представлены многочисленными составляющими — от прав человека, норм и ценностей демократии до разнообразных организаций и объединений. К ним относятся многочисленные партии и союзы, общественно-политические объединения и организации, разнообразные права и свободы человека, ценности и нормы демократии, элементы правового государства» [3].

Обобщая представленные в литературе варианты структуры гражданского общества можно выделить его основные элементы:

- добровольно сформировавшиеся первичные общности людей (семья, кооперация, ассоциация, хозяйственные корпорации, общественные организации, профессиональные, творческие, спортивные, этнические, конфессиональные и другие объединения);
- совокупность негосударственных неполитических отношений в обществе: экономических, социальных, семейных, духовных, нравственных, религиозных;

- сфера самопроявления свободных индивидов и их организаций, огражденная законами от прямого вмешательства в нее со стороны государственной власти.

Таким образом, структура гражданского общества представляет собой широкую сеть общественных отношений, различных добровольных организаций граждан, их ассоциаций, общественно-политических, религиозных и иных организаций и союзов. Все они выражают самые различные социальные интересы во всех сферах жизни общества [4].

Из этого вытекает и конкретный анализ основных элементов гражданского общества. Во-первых, экономическая организация гражданского общества — это общество цивилизованных рыночных отношений. Рынок как своеобразный «компонент» экономической свободы невозможен без развития самостоятельной предпринимательской деятельности, направленной на систематическое получение прибыли.

Второй структурный элемент гражданского общества — его социальная организация. В рыночных условиях она носит весьма сложный характер, что отражает прежде всего различия отдельных социальных групп. Можно выделить три основные группы населения гражданского общества: наемные работники, предприниматели и нетрудоспособные граждане. Обеспечение взвешенного баланса экономических интересов и материальных возможностей этих групп — важное направление социальной политики.

Наемным работникам необходимо создавать экономические, социальные и правовые условия для эффективного труда, справедливой оплаты своего труда, широкого участия в прибылях.

В отношении предпринимателей должны приниматься меры, направленные на гарантирование им свободы всех форм экономической деятельности, на стимулирование их капиталовложений в развитие эффективного, прибыльного производства товаров и услуг. Что же касается нетрудоспособных граждан, то им должна быть обеспечена адресная социальная защита, определенные нормы социального обеспечения и обслуживания, которые позволяют поддерживать приемлемый уровень их жизни.

Третий структурный элемент гражданского общества — его общественно-политическая организация. Ее нельзя отождествлять с государственно-политической организацией, с государственным управлением обществом. Напротив, реальный демократизм гражданского общества как основы обеспечения действительной свободы личности становится возможным именно тогда, когда общество, приобретая качества гражданского, правового, вырабатывает собственные, негосударственные общественно-политические механизмы саморегуляции и самоорганизации. В соответствии с этим происходит так называемая политическая институционализация гражданского общества, т. е. общество самоорганизуется с помощью таких институтов, как политические партии, массовые движения, профессиональные союзы, женские, ветеранские, молодежные, религиозные организации, добровольные общества, творческие союзы, землячества, фонды, ассоциации и другие добровольные объединения граждан, создаваемые на основе общности их политических, профессиональных, культурных и иных интересов. Важной конституционной основой политической институционализации гражданского общества является принцип политического и идеологического плюрализма, многопартийность. Гражданскому обществу чужд политический и идеологический монополизм, подавляющий инакомыслие и не допускающий никакой другой идеологии, кроме официальной, государственной, никакой иной партии, кроме правящей — «партии власти». Важным условием обеспечения политического и идеологического плюрализма, а следовательно, и институционализации гражданского общества является свобода организации и деятельности средств массовой информации. Говоря о взаимоотношениях между гражданским обществом и государством, следует отметить наиболее важные точки пересечения этих отношений:

1. Само гражданское общество нуждается в государственной поддержке.

2. В свою очередь, государство заинтересовано во взаимодействии с гражданским обществом по ряду причин:

- гражданское общество является источником легитимности политической власти;

- через организации гражданского общества государство может получать информацию о состоянии общества, настроениях и отношении к власти;

- в сложные периоды государство может опираться на гражданское общество;

- среди организаций гражданского общества есть такие, которые могут помогать государству, в том числе и материально.

Таким образом, в условиях современной России актуализировались проблемы институционализации гражданского общества. Их решение потребовало уточнения понятия «гражданское общество», выявления его структуры и функций, а также характера взаимоотношений с государством [5].

Литература

1. Становление гражданского общества и социальная стратификация / З. Т. Голенкова, В. В. Витюк, Ю. В. Гридчин, А. И. Черных, Л. М. Романенко // Социологические исследования. 1995. № 6. С. 16.

2. Попова И. В. Динамика социальной стратификации российского общества (1993–2000 гг.). Кострома, 2002. С. 120.

3. Албегова И. Ф., Шаматонova Г. Л. Форсайт гражданского общества в современной России: теория и практика применения. // Вестник социально-политических наук: сб. науч. тр. Вып. 9. Ярославль, 2009. С. 6.

4. Государство и гражданское общество // Социально-политический журнал. 1997. № 4. С. 32.

5. Попова И. В., Попова Д. Д. О некоторых особенностях становления гражданского общества в России // Гражданские инициативы, демократия и третий сектор Ярославского региона: состояние и перспективы развития: сб. материалов региональной научно- практической конференции. Ярославль, 2008. С. 33.

К вопросу о методологических подходах к изучению процессов развития городской среды*

Л. Д. Руденко

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

On Methodological Approaches to Studying the Developing Processes of Urban Environment

L. D. Rudenko

P. G. Demidov Yaroslavl State University

В статье рассматриваются концептуальные основы изучения городской среды с позиции социологического знания. Основной здесь видится проблема поиска теоретических оснований, позволяющих определить и изучить социальные факторы, влияющие на развитие современной городской среды.

Ключевые слова: город, городская среда, теории изучения города.

The article presents a conceptual framework to the study of the urban environment from a position of sociological knowledge. The main task here is the problem of searching of a theoretical reason to identify and examine the social factors influencing the development of the modern city environment.

Key worlds: city, urban environment, city studying theories.

В западной социологии в качестве одной из основных концепций, в рамках которых осуществляется изучение фундаментальных причин развития городской системы, выступают неомарксистские теории (Д. Хэрвей, М. Кастельс) [1; 2]. В основе данных теорий лежит анализ процессов функционирования капитала в городах, а также городского «коллективного потребления» как основы воспроизводственных процессов при капитализме. В рамках названного подхода активно разрабаты-

---

* Статья подготовлена в рамках государственного задания вузу Минобрнауки РФ (№ 6.4549.2011).

© Руденко Л. Д., 2013

вался тезис о том, что городское планирование преследует цель создать городскую среду, максимально благоприятную для извлечения прибыли, а развитие городской инфраструктуры жизненно необходимо прежде всего для частного капитала. Таким образом, исследовательский интерес оказывается в экономическом ракурсе изучения города.

В 1990-х гг. становится популярным подход к изучению городского развития с точки зрения социопро пространственной перспективы (М. Готдинер, Д. Фегин) [3]. Следует отметить особое внимание к процессам развития недвижимости, не только в стоимостном отношении, но и с точки зрения собственно городской морфологии. Развитие города требует гигантских вложений в поддержание коммуникаций и городского ландшафта, в свою очередь развитость инфраструктуры и привлекательный образ содействуют более успешному городскому росту.

Данные концепции, на наш взгляд, имеют слишком много ограничений для применения в исследовании развития российских городов, т. к. их эволюция сильно отличается от аналогичного процесса на Западе. До недавнего времени ключевые процессы городской динамики в России носили жестко управляемый характер, в результате чего города утратили «естественность» своего развития. К тому же российским городам была свойственна искусственность экономики, максимальная ее зависимость от государства. В силу данных обстоятельств в отечественной науке редко можно встретить работы, содержащие анализ фундаментальных причин развития городской системы в советскую эпоху.

Социально-экономическая трансформация в конце XX в. привела к коренным изменениям в развитии отечественных городов. Именно с этого времени города начинают развиваться на основании естественных законов. Идет медленный процесс накопления эмпирических материалов для научного обобщения. В условиях влияния новых экономических отношений на развитие города изучение городских систем в скором будущем должно строиться на концепциях западной социологии.

Несмотря на то, что в отечественной науке пока не сформирована единая концептуальная схема изучения города, россий-

скими урбанистами накоплен большой и интересный материал о структуре города и его отдельных подсистемах, динамических процессах, происходящих в городах, об отдельных феноменах городской жизни.

Долгое время в отечественной науке в качестве основной концепции изучения городской динамики выступал экологический подход (О. Н. Яницкий, В. Л. Глазычев) [4; 5]. Соответственно исследователи обращали внимание прежде всего на способы и принципы организации человеком окружающей среды, его способности организовывать пространство в соответствии с закономерностями окружающей среды. Экологический подход рассматривал город как ареал взаимодействия антропогенных и природных элементов среды обитания человека, что оказалось довольно перспективным в методологическом плане. Вместе с тем в рамках данного подхода слабо изучены влияние процессов индустриализации и, как ее следствие, массовых сельских миграций на развитие городской системы, специфика городской среды обитания с особым городским образом жизни.

Таким образом, среди наиболее дискуссионных тем урбанистики остаются вопросы, связанные с факторами и тенденциями изменения городской системы. На наш взгляд, наиболее перспективными для разработки модели эволюции городской системы являются эволюционные теории урбанизации и частично — теории структурирования городского пространства [6].

Согласно базовому положению эволюционных теорий урбанизации, она обладает универсальными стадийными схемами. Первым закономерности пространственной эволюции, основанные на эффекте пульсации и цикличности развития расселения, изучил в 1963 г. Дж. Джиббс [7]. Он выделил пять универсальных стадий урбанизации. В 1990-е гг. появляется еще ряд теорий, развивших представления о стадийности эволюции расселения. В частности, это концепция дифференциальной урбанизации (Ричардсон, Филдинг и др. [8; 9]), в рамках которой процессы урбанизации представляются в виде своеобразных пульсаций: стадия концентрации населения сменяется стадией деконцентрации, и далее они чередуют друг друга, дифференцируя миграционные

потоки и региональную динамику. Эти теории, на наш взгляд, вполне приложимы в качестве инструмента изучения становления городской системы в Ярославском регионе, т. к. этому процессу свойственна цикличность и стадийность.

Методически концепции дополняют друг друга: теория дифференциальной урбанизации позволяет более подробно описать высшую стадию урбанизации — урбанизационный переход. Периодизация Дж. Джиббса дает возможность комплексно подойти к характеристике урбанизации, начиная с ранних ее шагов. Характеристику стадий урбанизационного перехода необходимо дополнить данными о направлении и динамике миграций, обращая повышенное внимание на соотношение маятниковых перемещений и постоянных миграций из села в город. С учетом стадийных параметров, соотношения балансов миграции или индексов динамики населения на материалах Ярославской области можно построить модель эволюции городской системы.

Каждой из универсальных стадий присущи свои соотношения балансов миграций или индексов динамики населения трех категорий центров: главных городов, средних и малых (городов или всех поселений). Шесть универсальных стадий, в свою очередь, формируют эпохи: урбанизации, реверсии, контрурбанизации.

На наш взгляд, для области на современном этапе характерна незавершенность урбанизации, которая проявляется в замедленном распространении городских форм и условий жизни на сельские поселения. Ярославскую область почти не затронули процессы урбанизации, сопровождаемые миграцией городского населения в сельскую местность, переносом в нее форм хозяйственной деятельности, характерных для городов. Продолжающаяся сегодня депопуляция сельской местности деформирует типичные формы и структуры расселения: миграционный отток в города сопровождается изменением сети сельских поселений региона и даже их исчезновением в его северо-восточной части. В разной степени депопуляция затрагивает и малые, средние и крупные сельские поселения.

Тем не менее урбанизация как средство рационального территориального устройства Ярославской области необходима.

Однако если раньше урбанизация без затруднений удовлетворяла свои потребности в людских ресурсах, поскольку в России существовал демографический достаток, то в настоящее время регион испытывает острый демографический дефицит. В частности, сельская местность, долгое время поставлявшая население в Ярославль, делать это в прежних масштабах уже не сможет. Вследствие этого развитие урбанизации и трансформация городской системы области будут осуществляться на новой основе.

Литература

1. Harvey D. The urban experience. Oxford: Basil Blackwell, 1989.
2. Castells M. The urban question. London: Edward Arnold, 1977.
3. Занадворов В. С., Занадворова А. В. Экономика города: вводный курс. URL: // <http://ecsocman.edu.ru/text/19157651/> (дата обращения: 06.05.2013).
4. Яницкий О. Н. Экологическое движение в «переходном» обществе: проблемы теории // Социс. 1998. № 10.
5. Глазычев В. Л. Социально-экологическая интерпретация городской среды. М.: Наука, 1984.
6. Руденко Л. Д. Теории урбанизации в изучении региональной динамики // Вестник социально-политических наук. Вып. 7. Ярославль, 2007. С. 75–78.
7. Gibbs J. P. The Evolution of Population Concentration // Economic Geography. 1963. Vol. 39. # 2. P. 85–99.
8. Richardson H. W. Polarization reversal in developing countries // Papers of the Regional Science Association. 1980. # 45. P. 67–85.
9. Fielding A. J. Migration and urbanization in Western Europe since 1950 // The Geographical Journal. 1989. # 1 (155). P. 60–69.

**Социальная квалиметрия
в системе управления социальными услугами,
предоставляемыми учреждениями социального
обслуживания людей пожилого возраста
(на примере Ярославской области)**

Е. А. Серова

Ярославский государственный университет им П. Г. Демидова

**Social qualimetry
in the management of social services,
available social service agencies for older people
(the Yaroslavl region)**

E. A. Serova

P. G. Demidov Yaroslavl State University

В данной статье исследуется социальная квалиметрия как теоретическая основа управления социальными услугами, предоставляемыми пожилым людям. Приводятся результаты проведенного комплексным центром социального обслуживания населения Фрунзенского района г. Ярославля исследования степени удовлетворенности услугами пожилых людей — клиентов центра. Приводятся данные исследования, направленного на выявление факторов, влияющих на степень удовлетворенности качеством социальных услуг, предоставляемых пожилым людям нестационарными учреждениями.

Ключевые слова: квалиметрия, услуги, качество, пожилые люди, учреждения, обслуживание, управление.

This article discusses how social governance qualimetry theoretical framework for social services provided by the elderly. The article contains research carried out on the basis of a comprehensive Center of social services for population of frunzensky district of Yaroslavl, aiming at exploring the degree of satisfaction with the services of the elderly clients of the Centre. Also provides a study aimed at identifying the factors that influence the degree of satisfaction with the quality of social services provided to the elderly transient entities.

Key words: qualimetry, service quality, older people, institutions, services, administration.

Качество как характеристика сущности объектов и их свойств всегда имело для людей большое практическое значение, поэтому оценка качества является наиболее актуальным вопросом социальной сферы в целом и сферы социальных услуг, предоставляемых пожилым людям в частности. Вопросами оценки качества предоставляемых населению услуг призвана заниматься социальная квалиметрия. К настоящему времени она представляет собой относительно новую, но вполне сформировавшуюся науку и учебную дисциплину, дающую знания, которые необходимы практическим работникам, занимающимся оценкой и последующим управлением качеством различных объектов. Большой вклад в теорию квалиметрии и практику ее использования внесли наши соотечественники: Ю. П. Адлер, Г. Г. Азгальдов, В. Г. Белик, Г. Н. Бобровников, А. В. Гличев, В. В. Кочетов, Г. Н. Солод, А. В. Субетто, А. Г. Суслов, М. В. Федоров, И. Ф. Шишкин.

Термин «квалиметрия» (от лат. *qualis* — какой, какого качества и древнегреч. *μέτρον* — мера, измерительный инструмент) впервые был использован для обозначения научной дисциплины, изучающей методологию и проблематику количественного оценивания качества объектов любой природы. Сфера применения квалиметрии постоянно расширяется, поскольку она является инструментом повышения эффективности любой деятельности. Сравнительно недавно произошло разделение квалиметрии на два самостоятельных направления — прикладную и теоретическую квалиметрию. Прикладная квалиметрия занимается разработкой прикладных методик оценивания качества применительно к новым, ранее не оценивавшимся видам объектов. Теоретическая квалиметрия исследует общие вопросы методологии и проблематики количественного оценивания качества не конкретных объектов, а предметов, явлений или процессов, подходящих под абстрактное понятие [1].

Объектом квалиметрии может быть все, что представляет собой нечто цельное, что может быть вычленено для изучения, исследовано и познано. В частности, одним из важнейших предметов социальной квалиметрии является изучение качества услуг, предоставляемых людям пожилого возраста. Система оценки

качества социального обслуживания людей пожилого возраста является одной из самых динамично развивающихся в социальной сфере. Ее уровень является важнейшим критерием оценки зрелости российского гражданского общества.

В Российской Федерации проживает около 30 млн человек в возрасте старше трудоспособного (пятая часть общей численности населения). Самой значительной среди пожилых людей является доля возрастной группы 65–69 лет (27,3 %), далее располагаются группы пожилых людей в возрасте 60–64 года (24,8 %), 70–74 года (20,6 %), 75–79 лет (16,6 %), 80 лет и старше (10,7 %). Увеличивается также численность лиц в возрасте 90 лет и старше (около 500 тыс. человек), в возрасте 100 лет и старше (около 30 тыс. человек — в сравнении с 2007 г.: 15 тыс. человек). По прогнозам демографов, к 2020 г. численность лиц старшего возраста увеличится на 3,1 млн человек, соответственно доля пожилых людей увеличится на 24,5 % [2]. С точки зрения ресурсной теории пожилые люди, так же как и другие социально-демографические группы, являются дополнительным ресурсом развития отдельных городов, территорий и страны в целом [3]. Активное вовлечение пожилых людей в модернизацию российского социума требует от них здоровья, хорошего настроения и удовлетворенности жизнью в целом, что объективирует потребность в услугах учреждений социального обслуживания населения [4]. Как показывает опыт, отношение к учреждениям, работающим с населением, складывается на основании оценки решенных и не решенных проблем граждан пожилого возраста [5].

Одним из направлений, позволяющих добиться положительного эффекта в сфере социального обслуживания пожилых людей, является создание сбалансированной и эффективной системы управления качеством социальных услуг. Высокое качество социальных услуг повышает статус доверия, известности и надежности данного учреждения социального обслуживания, т. е. создает то, что входит в понятие «имидж», свидетельствует о компетентности специалистов, отражает понимание специфики потребностей пожилых людей [6].

Для управления качеством услуг, предоставляемых пожилым людям в Ярославской области, целесообразно проводить

ежегодный анализ деятельности учреждений социального обслуживания. Так, в июле 2012 г. было проведено исследование на базе комплексного центра социального обслуживания населения Фрунзенского района г. Ярославля (КЦСОН) [7]. Исследование проводилось методом анкетного опроса. В анкету вошли двенадцать вопросов, ответы на которые позволили выявить степень удовлетворенности качеством социальных услуг, предоставляемых КЦСОН пожилым людям, постоянно проживающим на его территории. В качестве объекта исследования были определены пожилые люди в возрасте от 55 (женщины) и 60 (мужчины) лет до 80 лет и старше, постоянно проживающие во Фрунзенском районе г. Ярославля и регулярно получающие социальные услуги центра. Всего в исследовании приняло участие 49 человек: 8 мужчин и 41 женщина.

Анализируя результаты проведенного исследования, можно говорить о том, что основной причиной обращения к специалистам центра являются неспособность самостоятельно выполнять ряд домашних дел, реже — семейные проблемы и смерть супруга (12,5 % муж. и 2,4 % жен.). Перенесенные ранее тяжелые болезни (инсульт, неспособность самостоятельно передвигаться) также служат причинами обращения за услугами в центр (12,5 % муж. и 9,6 % жен.).

В ходе исследования было выявлено, что качеством сопровождения клиентов, нуждающихся в услугах медицинских учреждений, и качеством содействия в обеспечении ухода с учетом состояния здоровья довольны все респонденты, которые пользуются данными видами услуг. Среди них соответственно: 37,5 % и 87,5 % мужчин; 40,8 % и 64,8 % женщин.

Большую роль в деятельности центра играет оказание содействия и помощи по предоставлению жилищно-бытовых услуг пожилым людям, клиентам данного учреждения.

Исследование показало, что услугой по покупке и доставке на дом продуктов питания и промышленных товаров, услугой по оплате жилья и коммунальных услуг пользуется большая часть респондентов: 87,5 % мужчин и 93,6 % женщин. Они оценивают качество данных услуг на «хорошо». Значительно меньше

пожилыми людьми востребованы услуги по приготовлению пищи в случае болезни, по сдаче вещей в стирку и содействию в организации ремонта и уборке жилых помещений. Эти услуги предоставляются лишь отдельным пожилым людям: 25 % мужчин и 12 % женщин. В связи с этим специалистам КЦСОН Фрунзенского района необходимо обратить внимание на то, что большинство опрошенных нуждается в данных услугах, но они им предоставляются не всегда. Причиной этому, по-видимому, служит нехватка кадров вследствие непрестижности профессии «социальный работник» и недостаток финансирования.

Помимо услуг по содействию в оказании медицинской и жилищно-бытовой помощи, представляется важным создание условий для участия пожилых людей в социально-культурной жизни местного социума. Формы участия могут быть разнообразными: кружки, клубы, соревнования, танцы, концерты и т. д. Результаты проведенного анкетирования показали, что в центре данная работа проводится, а клиенты ее качеством удовлетворены. Например, 62,5 % мужчин и 79,2 % женщин довольны качеством помощи по обеспечению книгами, журналами и др. печатными изданиями. Нуждающимся пожилым людям сотрудники центра оказывают услуги по написанию писем и чтению различных текстов.

Исследование показало, что, по мнению респондентов, центр абсолютно никакого содействия не оказывает в посещении культурно-массовых мероприятий (100 % всех опрошенных). Получается, что круг общения большинства клиентов центра ограничивается контактами с персоналом и постоянными пользователями услуг центра. Можно сказать, что большинство пожилых людей, клиентов КЦСОН, не принимают участия в социально-культурной жизни местного социума, несмотря на их возможности и желание.

Таким образом, проведенное в КЦСОН Фрунзенского района г. Ярославля социологическое исследование, направленное на выявление степени удовлетворения качеством услуг, предоставляемых пожилым людям учреждением, показало, что в основном пожилые люди — клиенты данного учреждения уровнем качества предоставляемых социальных услуг удовлетворены. В перспективе центру необходимо регулярно проводить мониторинг

степени удовлетворенности клиентов центра качеством предоставляемых услуг, расширять номенклатуру услуг в соответствии с растущими потребностями местного населения [8].

В июле 2012 г. нами было проведено еще одно исследование на базе МУ КЦСОН ЯМР «Золотая осень», целью которого стало выявление факторов, влияющих на степень удовлетворенности качеством социальных услуг, предоставляемых пожилым людям нестационарным учреждением. Основным объектом исследования стали пожилые люди в возрасте от 65 до 85 лет. В опросе принимали участие 77 пожилых людей (60 женщин, 17 мужчин). Исследование проводилось методом анкетного опроса. Анализ результатов анкетирования показал, что около 80 % от общего числа опрошенных пожилых людей обслуживаются в центре 2–3 года. Причиной, по которой пожилые люди обратились в центр, чаще всего была повышенная конфликтность в семье (56 %), затем назывались неспособность респондента самому выполнять ряд домашних дел (33 %) и отсутствие друзей, с кем можно было бы пообщаться (10 %). С тем, что услуги в центре оказываются в полном объеме и своевременно, согласились около 88 % опрошиваемых.

Следует отметить, что на вопрос «Устраивает ли Вас в целом работа центра?» респонденты в целом ответили, что устраивает: полностью (70 %), скорее устраивает (16 %), остальные респонденты затруднились ответить (14 %). Большая часть респондентов считает, что за то время, которое они обслуживаются в центре, качество обслуживания стало лучше (92 %), стало немного лучше — 8 %. Всего 3 % респондентов высказывали мнение о том, что те специалисты, с которыми им приходится иметь дело, не отвечают требованиям, предъявляемым к социальным работникам. Большинство опрошенных пожилых людей полностью устраивали предоставляемые центром услуги, при этом они отмечали, что их качество повышается. Респонденты высоко оценили внимание, которое им оказывается в центре (98 %).

В результате анкетирования были определены основные факторы, влияющие на степень удовлетворенности качеством социальных услуг, предоставляемых КЦСОН «Золотая осень», среди них особо выделены следующие: своевременность и объ-

ем оказания социальных услуг; качество предоставляемых услуг; уровень квалификации социальных работников; внимание, уделяемое клиентам. В результате исследования мы выяснили, что 88 % респондентов, по их мнению, получают социальные услуги своевременно и в полном объеме, также подавляющее большинство респондентов считают, что качество услуг выше среднего.

По результатам исследования мы считаем целесообразным предложить следующие рекомендации администрации центра, направленные на повышение качества социальных услуг, предоставляемых его сотрудниками: использование инновационной и проектной деятельности; изменение при необходимости политики учреждения; предложение клиентам альтернативных видов помощи и услуг; прием на работу социальных работников по месту проживания клиентов (участковый принцип работы); использование мобильной связи, взаимодействие с территориальной администрацией, старостами домов; внедрение активной кадровой политики; непрерывное обучение и повышение профессионального уровня специалистов; использование нефинансовых способов стимулирования работников; использование внутренней этики и быстрого реагирования, подбор работника с учетом пристрастий клиента; сотрудничество с общественными организациями и использование их потенциала.

Таким образом, дальнейшее развитие социального обслуживания людей пожилого возраста должно обеспечиваться в процессе модернизации российского общества и изменения социальной среды, выделения сервисных функций, как особенно важных, и закрепление их за институтом социального обслуживания в процессе преобразования как объективных условий социально-экономического развития, так и традиционных представлений и ожиданий населения. Центрам социального обслуживания населения необходимо регулярно проводить мониторинг степени удовлетворенности клиентов качеством предоставляемых услуг, расширять номенклатуру услуг в соответствии с растущими потребностями местного населения [9].

Объединение научной, образовательной и практической работы, осуществляемой сотрудниками нестационарных учреждений

Ярославской области, способствует повышению качества геронтологической помощи пожилым людям и развитию социальной работы в целом [10]. В этом процессе особое место должна занимать социальная квалиметрия, приоритетной целью которой является теоретическое и методологическое оснащение системы повышения качества социальных услуг, предоставляемых пожилым людям.

Литература

1. Квалиметрия для всех: учеб. пособие / Г. Г. Азгальдов и др. М.: ИнформЗнание, 2012. С. 21–28.
2. Роик В. Демографические проблемы современного мира // Социальное партнёрство. 2010. № 4. С. 24–27.
3. Албегова И. Ф. Использование внутренних ресурсов местного социума как эффективная стратегия социального развития города Ярославля: состояние, проблемы и ограничения // Вестник социально-политических наук: сб. науч. тр. Вып. 11. Ярославль, 2012. С. 8–13.
4. Борисов Д. И. Пожилые люди как ресурс социального развития городского социума (на примере города Ярославля) // Вестник социально-политических наук: сб. науч. тр. Вып. 11. Ярославль, 2012. С. 29–34.
5. Топчий Л. В. Теоретические аспекты развития социального обслуживания населения в России // Социальное обслуживание. 2009. № 2. С. 6.
6. Герасимов Б. И., Злобина Н. В., Спиридонов С. П. Управление качеством: учеб. пособие. М.: Кнорус, 2010. С. 272.
7. Митрофанова Г. В., Серова Е. А. Удовлетворенность социальными услугами как фактор повышения качества жизни людей // Вестник социально-политических наук: сб. науч. тр. Вып. 11. Ярославль, 2012. С. 112–115.
8. Там же.
9. Там же.
10. Старцева О. Н., Албегова И. Ф. Опыт взаимодействия науки, образования и социальной практики в социальной работе с пожилыми людьми // Вестник социально-политических наук: сб. науч. тр. Вып. 11. Ярославль, 2012. С. 102.

Культура безопасности как фактор познания угрозы в международных отношениях

А. Г. Смирнова

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

Security culture as a Factor of Threat Cognition in International Relations

A. G. Smirnova

P. G. Demidov Yaroslavl State University

В статье раскрывается содержание культуры безопасности и ее основные компоненты: образ мира, национальная идентичность, инструментальные предпочтения и паттерны построения отношений в области обеспечения безопасности. Обосновывается утверждение, что вызовы и угрозы, с которыми сталкиваются государства на международной арене, осмысливаются с точки зрения национальной культуры безопасности, вызывая различия в оценках угроз.

Ключевые слова: культура безопасности, образ мира, национальной идентичность, угрозы.

In the article the content of security culture and its main components: view of external environment, national identity, instrumental and interaction preferences — are under consideration. The statement is grounded that challenges and threats, which states encounter on the international arena, are comprehended in the context of national security culture. This **results in differences in threat assessments**.

Key words: security culture, view of external environment, national identity, threat.

Особенность угроз в «обществе риска» состоит в том, что их возникновение связано, среди прочего, с существованием противоречивых суждений субъектов об источниках опасности на фоне многообразия интерпретаций рисков и угроз, несовпадения знаний о них у экспертов и обычных людей, использования дискурсов безопасности в борьбе за власть и экономические

преимущества [1; 2]. В частности, определение основных угроз и уровня их значимости сопряжено с конкуренцией разных социальных и политических субъектов за производство дискурсов безопасности. Она разворачивается во внутривнутриполитическом пространстве среди представителей разных ветвей власти, экспертных сообществ, лидеров общественного мнения, рядовых граждан. На международной арене свое понимание угроз стремятся утвердить государства. При этом можно утверждать, что интерпретация источников опасности осуществляется в контексте национальной культуры безопасности.

Рассмотрим содержание данного понятия.

В современной науке сложились следующие определения культуры безопасности. Некоторые из них предложены российскими учеными. Социолог В. Кузнецов определяет ее как «процесс сохранения и развития целей, идеалов, ценностей, норм и традиций человека, семьи и общества; социальных институтов и сетей; обеспечения устойчивого и конструктивного взаимодействия людей с защищенностью их от неприемлемых рисков, угроз, опасностей и вызовов» [3]. Несмотря на имеющиеся спорные моменты, в приведенном определении необходимо отметить ряд важных аспектов. Во-первых, культура безопасности определяется через процессы, что подчеркивает более динамичный характер данной культуры в условиях стремительно изменяющегося пространства безопасности и появления новых вызовов и угроз. Во-вторых, ученый отмечает, что носителями культуры безопасности, а также субъектами, принимающими участие в ее формировании, выступают не только представители политической элиты, но отдельные граждане и институты, в том числе международные организации. Например, концепция культуры мира, которая представляет собой частный взгляд на содержание культуры безопасности, предложена ООН [4].

Определения, представленные в зарубежных источниках, позволяют раскрыть компоненты культуры безопасности. Например, Дж. Э. Кирчнер описывает четыре составляющие: образ внешнего мира, национальную идентичность, инструментальные и интеракционные предпочтения [5].

Рассмотрим содержание основных компонентов культуры безопасности.

Образ мира как компонент культуры безопасности раскрывается через разделяемые представителями политической элиты идеи о динамике развития международной системы, значимости государственного суверенитета и основных угрозах безопасности. При этом можно утверждать, что представления об угрозах отражают и остальные идеи данной составляющей культуры. Например, Дж. Сперлинг проводит различия в определении угрозы безопасности с позиций государств Вестфальской и Поствестфальской системы [6]. В частности, политической элите государств Вестфальской системы свойственно восприятие системы международных отношений как конкурентной, возникающей в результате взаимодействий суверенных автономных государств, озабоченных проблемой территориальной целостности. В свою очередь, политическая культура государств Поствестфальской системы характеризуется восприятием системы международных отношений как кооперативной, образованной государствами, которые индифферентны к проблеме суверенитета, территориальной целостности и максимизации благополучия. Изменения системы международных отношений нашли отражение в определении приоритетных угроз и их источников. В частности, современные государства сталкиваются с такими угрозами, как глобальное потепление, стихийные бедствия, нелегальная миграция, международный терроризм, которым практически невозможно противостоять, принимая во внимание базовые принципы Вестфальской системы — государственный суверенитет, правовое равенство государств и невмешательство во внутренние дела [7].

Однако определение приоритетов в области безопасности может осуществляться в другой «системе координат» — актуальной для данного конкретного государства. Например, национальные концепции безопасности имеют выраженную географическую специфику. В обзоре, посвященном появлению новых трактовок понятия безопасности, Э. Тикнер отмечает, что основная угроза в странах «Юга» — военные конфликты. Их отличительная характеристика состоит в том, что они редко бывают межгосударствен-

ными. Более того, как подчеркивает исследовательница, существует предположение, что термин «государство» в его западном понимании не может быть применен к «Югу» [8]. Тем самым ученые если не опровергли, то по меньшей мере поставили под сомнение «государствоцентричную» модель национальной безопасности, характеризующую преимущественно отношения государств «Севера». В научных трудах, посвященных проблеме безопасности «Юга», были выделены и новые источники угроз. В частности, среди них можно отметить нестабильность, представляющую опасность ценностям и идентичности, проблемы обеспечения продовольствием, качественной медицинской помощи и другие опасности.

Таким образом, несмотря на то, что в современном мире страны сталкиваются примерно с одними и теми же угрозами, приоритеты расставляются на национальном уровне.

Например, в Докладе Группы высокого уровня по угрозам, вызовам и переменам, подготовленном ООН в 2005 г., были представлены шесть блоков угроз, которыми «мир должен заниматься сейчас и в предстоящие десятилетия» [9]. Перечень включает экономические и социальные угрозы, среди которых нищета, инфекционные болезни и экологическая деградация; межгосударственные конфликты; внутренние конфликты, в том числе гражданские войны, геноцид и другие виды массового насилия; ядерное, радиологическое и биологическое оружие; терроризм; транснациональную организованную преступность.

Однако в нем же отмечается, что «континентом, сильнее других страдающим от нищеты, является Африка» [10]. Обеспечение продовольственной безопасности и защита от инфекционных заболеваний, прежде всего СПИДа, также наиболее актуальны для африканского континента. В Концепции внешней политики Российской Федерации, принятой в 2013 г., вызовы и угрозы ранжированы иначе: «опасность распространения оружия массового уничтожения и средств его доставки, международный терроризм, неконтролируемый трафик оружия и боевиков, радикализация общественных настроений, провоцирующая религиозный экстремизм и этноконфессиональные антагонизмы, нелегальная миграция, морское пиратство, незаконный оборот наркотиков, коррупция, региональные

и внутренние конфликты, дефицит жизненно важных ресурсов, демографические проблемы, глобальная бедность, экологические и санитарно-эпидемиологические вызовы, изменение климата, угрозы информационной и продовольственной безопасности» [11]. Фактически перечень, предложенный ООН, оказался обратным представлениям российского политического руководства.

Принимая во внимание основные принципы внешней политики США, реализуемой президентом Б. Обамой, можно сделать вывод, что приоритетной для данного государства также будет угроза международного терроризма, а именно, угроза, исходящая от Аль-Каиды в Афганистане и Пакистане. Отмечаются также такие угрозы, как возможность попадания ядерного оружия в руки террористов и распространение ядерного оружия в целом, международные и внутренние конфликты (Палестино-Израильский конфликт, ситуация в Судане), проблемы в области энергетической безопасности, изменение климата [12].

Отмеченные различия позволяют сделать вывод, что определение приоритетов в области безопасности зависит от национальной идентичности государства. Она составляет второй компонент культуры безопасности и является отправной точкой познания собственной безопасности, определения сфер уязвимости и возможных источников угроз. Новейшая история международных отношений позволяет обнаружить множество примеров, демонстрирующих значимость идентичности в процессе оценки угроз безопасности. Так, А. П. Цыганков и М. Тарвер-Уалквист, анализируя конфликт между Россией и Грузией, делают вывод, что он должен быть рассмотрен как с позиций традиционных интересов государств, связанных с обеспечением могущества и национальной безопасности, так и с учетом «социального и эмоционального контекста поведения государств» [13]. В частности, значимым оказалось акцентирование грузинской стороной империалистической идентичности России. В свою очередь, российские политические лидеры обращали внимание на стремление Грузии установить тесные отношения с США и европейскими странами.

Если первые два компонента (образ мира и национальная идентичность) составляют ее терминальный блок, раскрываю-

ций, чего должны бояться государства, то два других компонента определяют инструментальные предпочтения. В частности, культура безопасности предполагает формулировку предпочтений государства относительно того, какие инструменты окажутся более приемлемыми для противодействия угрозам. Речь может идти о соотношении ресурсов «мягкой» и «жесткой» силы в обеспечении безопасности. Применение «*мягкой силы*» в современной мировой политике основывается на привлекательности культуры, ценностей, политических и социальных программ. Она противопоставляется «жесткой силе», берущей начало в военном и экономическом потенциале страны. Дифференциация двух названных источников власти и влияния привела к осознанию того, что образы того или иного государства, конструируемые другими участниками международных отношений, могут или предоставлять дополнительные возможности, или создавать серьезные препятствия для реализации интересов данного государства на международной арене. Например, по оценкам экспертов, если по уровню военной силы Россия входит в первую тройку стран, то по индексу «мягкой силы» — на десятом месте [14]. Как следствие, по мнению руководства страны, это препятствует решению целого ряда практических задач в экономической сфере, не способствует развитию международного сотрудничества, служит потенциальным источником угроз в самых разных областях.

Инструментальные предпочтения могут быть также рассмотрены в контексте выбора в качестве доминирующей установки на конфликт или на сотрудничество в обеспечении безопасности. Например, А. Вендт описывает три типа политических культур, которые отличаются друг от друга по уровню ориентации на конфликт и сотрудничество [15]. В культуре первого типа, названной по имени Т. Гоббса, страны не признают легитимность друг друга и готовы к применению неограниченного насилия. Как следствие, государства следуют установленным нормам, опасаясь наказания — применения силы другими акторами. Локкеанская культура, характеризуемая конкуренцией стран на международной арене, отражает второй уровень интернализации, когда основной «движущей силой» соблюдения норм выступает ожи-

дание «выигрыша» в конкурентной среде международных отношений. Кантианская политическая культура строится на основе дружественных отношений между странами. Она предполагает, что споры улаживаются без применения насилия и даже угрозы использования силы. Государства принимают существующие нормы на основе признания их легитимности. Можно предположить, что современная культура безопасности предполагает если не полный отказ от силовых методов, то применение их в сочетании с теми, которые соответствуют культуре мира.

Инструментальные предпочтения тесно связаны с выбором предпочтительных паттернов международного взаимодействия в области безопасности — односторонних действий или многостороннего сотрудничества. Характер угроз также оказывает влияние на предпочтения государств. Глобальные «невоенные» угрозы безопасности в современном «обществе риска» служат стимулом к совместным действиям в рамках широких коалиций. Силовые средства противодействия новым угрозам (загрязнение окружающей среды, миграция, дефицит питьевой воды) зачастую оказываются неэффективными.

Таким образом, рассмотренные компоненты культуры безопасности позволяют сделать вывод, что она выступает источником системы значений, позволяющих участникам международных отношений осмысливать свое положение и положение других акторов в международной системе, создавать интерпретации угроз безопасности.

Литература

1. Киселев И. Ю. О проблеме восприятия и оценки угрозы в современном мире // Вестник социально-политических наук: сб. науч. тр. Вып. 6 / под ред. проф. И. Ю. Киселева. Ярославль, 2006.
2. Смирнова А. Г. Неопределенность как фактор восприятия угрозы распространения ядерного оружия // Вестник социально-политических наук: сб. науч. тр. Вып. 8. / под ред. проф. И. Ю. Киселева. Ярославль, 2008. С. 68–72.
3. Кузнецов В. Социология безопасности. М.: Книга и бизнес, 2003. С. 330.

4. Декларация и Программа действий в области культуры мира. Принята резолюцией 53/243 Генеральной Ассамблеи ООН от 13 сентября 1999 г. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/culture_of_peace.shtml

5. Kirchner E. J. Regional and Global Security: Changing Threats and International Responses // *Global Security Governance: Competing Perceptions of Security in the 21st Century* / ed. by E. J. Kirchner, J. Sperling. London, NY: Routledge, 2007. P. 17.

6. Sperling J. National Security Cultures, Technologies of Public Goods Supply and Security Governance // *National Security Cultures: Patterns of Global Governance* / ed. by E. J. Kirchner, J. Sperling. London, NY: Routledge, 2010. P. 11–12.

7. Зонова Т. В. Вестфальская система // *Вестник МГИМО-Университета*. 2008. № 1. С. 78–80.

8. Тикнер Э. Переосмысливая проблемы безопасности // *Теория международных отношений на рубеже столетий* / под ред. К. Буса и С. Смита; общ. ред. и предисл. П. А. Цыганкова. М.: Гардарики, 2002. С. 191.

9. Доклад Группы высокого уровня по угрозам, вызовам и переменам. URL: <http://www.un.org/russian/secureworld/part3.htm> (дата обращения: 27.04.2013).

10. Там же.

11. Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Президентом Российской Федерации В. В. Путиным 12 февраля 2013 г. URL: <http://www.mid.ru/> (дата обращения: 27.04.2013).

12. Foreign Policy. URL: <http://www.whitehouse.gov/issues/foreign-policy> (дата обращения: 27.04.2013).

13. Tsygankov A. P., Tarver-Wahlquist M. Duelling Honors: Power, Identity and Russia-Georgia Divide // *Foreign Policy Analysis*. 2009. № 5. P. 308.

14. «Медведев: имидж России имеет стоимостное значение». URL: <http://www.vestifinance.ru/articles/16472> (дата обращения: 27.04.2013)

15. Wendt A. *Social Theory of International Relations*. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. P. 259–312.

**Опыт разработки и внедрения
инновационных технологий социальной работы
с пожилыми людьми
в условиях стационарного учреждения
социального обслуживания***

О. Н. Старцева, И. Ф. Албегова

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

**Experience of development and introduction
of innovative technologies of social work
with older people in conditions
of stationary institutions of social service**

O. N. Startseva, I. F. Albegova

P. G. Demidov Yaroslavl State University

Обобщен и представлен положительный опыт разработки, апробации и внедрения технологии обучения основам работы на компьютере пожилых людей, постоянно проживающих в конкретном доме-интернате, и методики «финская ходьба».

Ключевые слова: пожилые люди, стационарное учреждение, технологии, опыт, разработка, внедрение, социальная работа.

Summarized and presented the positive experience of development, approbation and implementation of technology of learning the basics of work on the computer of elderly people, constantly living in a concrete house-boarding school, and methods «Finnish walking».

Key words: older people, inpatient institution, technology, experience, development, implementation, social work.

---

* Подготовлена в соответствии с договором № 926 от 04.02.2013 «Совершенствование инновационной социальной технологии геронтообразования как фактора социально-психологической адаптации пожилых людей к условиям современного дома-интерната».

В современной России пожилые люди, постоянно проживающие в государственных учреждениях социального обслуживания, составляют социальную группу, значительную по численности и внутренне дифференцированную по здоровью, образованию и, следовательно, потребностям. В 2008 г. в домах-интернатах Российской Федерации находилось 245 698 человек [1]. Такая численность пожилых людей, постоянно проживающих в домах-интернатах, актуализирует исследование данной группы российского населения как объекта социальной работы.

В Ярославских домах-интернатах на 01.01.2013 проживало 2 447 человек, что составило 66 % от числа всех находящихся в домах-интернатах Ярославской области¹.

Задача повышения качества жизни обозначенной группы российского населения, удовлетворение их потребностей актуализировали проблему разработки, апробации и внедрения инновационных технологий социальной работы с пожилыми людьми в домах-интернатах как одного из направлений социальной политики российского государства. Ее решение возможно при активном взаимодействии науки, образования и социальной практики, определенный опыт которого накоплен, например, в ГБУ СО ЯО «Ярославский областной геронтологический центр» [2].

Методологически взаимодействие трех социальных институтов обосновано ресурсной теорией, согласно которой каждая группа играет существенную роль в социальном развитии местного социума и является определенным ресурсом [3; 4; 5].

В соответствии с этим изучение пожилых людей, постоянно проживающих в государственных стационарных учреждениях социального обслуживания, как дополнительного ресурса социального развития местного социума теоретически обосновано и практически востребовано. Принципиальным является анализ и обобщение положительного опыта разработки и использования инновационных технологий социаль-

---

¹ Подсчитано авторами на основе годовых отчетов 17 ярославских домов-интернатов общего типа за 2012 год.

ной работы с пожилыми людьми в условиях стационарного учреждения социального обслуживания. Например, «реализация мероприятий по социальной поддержке пожилых людей является приоритетным направлением в деятельности Ярославского областного геронтологического центра. Это учреждение отличается принципиально новой формой социального обслуживания пожилых людей. В нем постоянно разрабатываются социально-медицинские направления и программы, широко внедряются социально-психологические методики и идеи, ведется научно-исследовательская и организационно-методическая работа, проводится планомерное обучение специалистов социального обслуживания» [6]. Специалисты данного учреждения при участии преподавателей ярославских вузов с 2006 г. разрабатывают и внедряют инновационные программы обучения пожилых людей.

В 2012 г. сотрудники организационно-методического отделения Ярославского областного геронтологического центра по согласованию с департаментом труда и социальной поддержки населения Ярославской области прошли обучение по использованию и внедрению двух инновационных социальных технологий: это «Финская ходьба как вид физической активности для пожилых людей» и «Компьютер — старшему поколению». Ими были получены именные сертификаты, что позволило начать внедрение данных технологий в систему геронтообразования, созданную в доме-интернате. К настоящему времени в учреждении накоплен положительный опыт апробации данных инновационных социальных технологий, что позволяет рекомендовать его к внедрению в другие учреждения социального обслуживания Ярославской области.

Так, в период с 20.10.2013 г. по настоящее время было проведено 16 занятий по технологии использования методики «Финская ходьба как вид физической активности для пожилых людей», которые посетили 25 человек в возрасте от 70 до 76 лет. Сред них было 7 мужчин, 18 женщин. Группы по 6 человек были сформированы на основе принципа добровольности, но с учетом показаний проведенных медицинских обследований. Для опре-

деления эффективности занятий были разработаны и внедрены критерии контроля, которые включали клинические, лабораторные, психологические и социальные показатели.

Во время проведения программы в Ярославском областном геронтологическом центре было выявлено, что занятия финской ходьбой благотворно влияют на состояние здоровья пожилых людей. Они не вызывают большей усталости, чем обычная ходьба, снимают напряжение с мышц шейно-плечевого отдела, повышают мобильность и улучшают координацию. После занятий у всех пожилых людей улучшились показатели здоровья, среди которых уменьшение болевых ощущений в суставах и положительное влияние на настроение.

Другой инновационной технологией социальной работы с пожилыми людьми, разработанной, апробированной и внедренной в деятельность Ярославского областного геронтологического центра, стала методика «Компьютер — старшему поколению». Освоение новых информационных технологий является средством успешной адаптации пожилых людей к новым условиям жизнедеятельности в стационарном учреждении социального обслуживания. Они способствуют расширению социальных контактов, увеличению объема социально значимой информации и получению знаний, необходимых пожилому человеку для полноценной жизни в обществе.

Внедрение методики в доме-интернате началось с формирования групп обучающихся. При этом особое внимание уделялось мотивации пожилых людей к обучению работе на компьютере, их интересу и внутренней потребности к расширению своих навыков и знаний в области информационных технологий. Сотрудник учреждения путем проведения индивидуальных бесед выявлял наиболее заинтересованных в обучении пожилых людей, отвечающих определенным требованиям к физическому и психическому здоровью. Затем он проводил анкетирование.

К 1 мая 2013 г. обучение на курсах «Компьютер — старшему поколению» прошли 20 человек, из которых 6 мужчин и 14 женщин от 57 до 70 лет. При этом 7 человек прошли обучение

дважды. Группы формировались по 4–6 человек, независимо от пола и возраста. Каждый участник перед началом занятия отвечал на вопросы анкеты, что позволяло выявить их ожидания от обучения и мотивацию к нему. Затем они познакомились с правилами работы на компьютере и этапами обучения. В ходе обучения ставились следующие задачи: приобрести базовые знания о компьютерах и возможностях их использования; сформировать у пожилых людей основные навыки работы на персональном компьютере; научить пожилых людей пользоваться цифровыми устройствами (персональным компьютером, сотовым телефоном, флеш-картой и т. д.).

По окончании срока обучения все его участники обменивались впечатлениями. Вот некоторые из них: «Сначала я боялась подойти к компьютеру, но потом учеба захватила меня. Было очень интересно»; «Сначала теория, потом практика, и так каждый день на протяжении всей недели. Я думала, не выдержу, но все было понятно, очень интересно и полезно»; «Хорошие преподаватели, не торопят и терпеливо учат нас»; «Наконец-то я узнала, что такое Интернет»; «Я научилась пользоваться электронной почтой»; «Остались некоторые знания и навыки, теплые воспоминания и желание все повторить».

Таким образом, в Ярославском областном геронтологическом центре накоплен положительный опыт разработки и внедрения инновационных технологий социальной работы с пожилыми людьми. В их число входит геронтообразование (школы здоровья и обучения основам работы на компьютере) и финская ходьба. Сотрудники учреждения и пожилые люди отмечают позитивное изменение в состоянии здоровья и настроении участников этих мероприятий, что позволяет рекомендовать их для внедрения в другие учреждения Ярославской области. С этой целью 25 апреля 2013 г. сотрудниками организационно-методического отдела центра был проведен обучающий семинар по технологии финской ходьбы. На нем присутствовали представители районных учреждений социального обслуживания населения, которые активно участвовали в мастер-классе.

Литература

1. Албегова И. Ф., Попова А. В. Влияние здоровья пожилых людей на процессы их адаптации к условиям проживания в домах-интернатах // Социология медицины. 2010. № 2 (17). С. 35–38.

2. Старцева О. Н., Албегова И. Ф. Опыт взаимодействия науки, образования и социальной практики в социальной работе с пожилыми людьми // Вестник социально-политических наук: сб. науч. тр. Вып. 11. Ярославль, 2012. С. 98–102.

3. Албегова И. Ф. Использование внутренних ресурсов местного социума как эффективная стратегия социального развития города Ярославля: состояние, проблемы и ограничения // Вестник социально-политических наук: сб. науч. тр. Вып. 11. Ярославль, 2012. С. 8–13.

4. Борисов Д. И. Пожилые люди как ресурс социального развития городского социума (на примере города Ярославля) // Вестник социально-политических наук: сб. науч. тр. Вып. 11. Ярославль, 2012. С. 29–34.

5. Буторина А. А. Ресурсный подход в социальной работе и проблемы ее ресурсного обеспечения в современной России // Вестник социально-политических наук: сб. науч. тр. Вып. 11. Ярославль, 2012. С. 34–39.

6. Старцева О. Н., Албегова И. Ф. Опыт взаимодействия науки, образования и социальной практики в социальной работе с пожилыми людьми. С. 98.

Осмысление феномена смерти в европейской экзистенциальной философской традиции

В. В. Томашов

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

Reflection on the phenomenon of death in the European existential philosophical tradition

V. V. Tomashov

P. G. Demidov Yaroslavl State University

В статье осуществляется анализ теоретической рефлексии европейских философов над важнейшим системным антропологическим феноменом — смертью. Проводится различие между экзистенциальным (более широким) и экзистенциалистским (специальным) подходами к пониманию смерти в непосредственной связи с такими индикаторами человеческого бытия, как смысл жизни, свобода, выбор, ответственность, страх, тревога.

Ключевые слова: смерть, свобода, смысл жизни, выбор, ответственность, страх, тревога, экзистенциальный, экзистенциалистский.

The article makes an accent on the theoretical analysis of the essential anthropological existential phenomenon — death. The difference is outlined between the existential (more wide) and existentialist (special) approaches to the category of death in its essential connection with such categories as sense of life, freedom, choice, responsibility, fear, anxiety.

Key words: death, sense of life, freedom, choice, responsibility, fear, anxiety, existential, existentialist.

Среди философских направлений, претендующих на всесторонний анализ проблем человека в современной культурно-исторической ситуации, видное место занимает экзистенциальная антропология. Наряду с философской антропологией, берущей начало в работах М. Шелера и Г. Плеснера и получившей интенсивное развитие в Германии (А. Гелен, М. Ландман, Э. Ротхакем и др.), она является специфической разновидностью антропо-

логической философии. При этом последняя понимается не как определенное философское течение или направление, а как особая предметная сфера любого философствования, занимающегося осмыслением человеческой природы, сущности и экзистенции.

Вместе с тем человеческую субъективность антропологическая философия интерпретирует с разных, а порой и противоположных позиций. Философские антропологи преимущественно исходят из специфических биопсихических особенностей человека, пытаясь при этом реализовать некоторые принципы рационального (научного) исследования. Экзистенциальные антропологи теоретизируют в рамках особого категориального каркаса, фиксирующего состояния или качества человеческого бытия: жизнь, смерть, свобода, выбор, ответственность, устремленность, вера, надежда, любовь, страх и т. п. В то же время это не единственная реальность, с которой имеет дело экзистенциальная рефлексия. Свою задачу она нередко видит в выявлении соотношения между «онтологической» (экзистенциальной) реальностью и «онтическим» (субстратным, «вещным») миром [1].

В свою очередь, «онтический» мир трактуется в соответствии с теоретико-методологическими установками, определяющими позицию того или иного экзистенциального антрополога: «Бог», «Дух», «Зов» (персоналистская, религиозная, феноменологическая антропология) или «жизненная реальность» («критический» экзистенциализм, «реализм»). Дихотомию «онтологического» и «онтического» пытается разрешить и экзистенциалистская антропология как подвид антропологии экзистенциальной. Однако делает она это или путем полного «устранения» «онтического» (объективного мира), т. е. сведения объективного к субъективному, или настойчивыми поисками «сущности в существовании», что всегда определяло кредо экзистенциализма как такового. К сожалению, в историко-философских исследованиях имеет место постоянная подмена понятий «экзистенциальный» и «экзистенциалистский». Но даже лексически термин «экзистенциальный», производный от понятия «экзистенциал», обозначает лишь предметную область философии — «философию экзистенциалов». Термин «экзистенциалистский» связан с понятием «экси-

стенциализм», обозначающим одно из течений философии XX в., базовым понятием которого является «экзистенция».

Таким образом, экзистенциальную антропологию необходимо рассматривать как весьма неоднородный по содержанию (и имеющий богатую историю, восходящую к истокам философии вообще) продукт антропологического философствования, предлагающий различные варианты решения проблем человека. Экзистенциалистская антропология (экзистенциализм) выдвигает собственный вариант решения этих проблем, согласно которому диалектику субъективной и объективной реальности (в целях построения целостной теоретической модели человека) вполне можно разрешить путем ее (диалектики) «устранения», т. е. оставив лишь субъективную реальность. Поэтому экзистенциализм, при всем его внутреннем многообразии, представляет собой одну из специфических (субъективно-иррационалистических по сути) разновидностей экзистенциальной антропологии.

Посмотрим теперь, как в историко-философском контексте осуществлялось осмысление ключевого феномена любого экзистенциального философствования — смерти. Системная сущностная значимость этой «вечной» философемы позволяет выйти на понимание многих других экзистенциальных феноменов, таких, например, как свобода, выбор, счастье, смысл жизни и пр., так как смерть «является нервом и провокатором философской рефлексии» [2].

В античной философии отношение к смерти определялось несколькими факторами, в том числе пониманием ее природы, характера и смысловой значимости.

Согласно Платону, смерть — сон и забытие, а душа приходит в человеческое тело из высшего («эйдетического»), священного мира. Человеческая индивидуальная душа, родившись в теле, переходит из глубокого познания к низшему и забывает истину, которую знала в преджизни. Смерть, напротив, является пробуждением и воспоминанием. Платон отмечал, что душа, отделившись от тела, может думать и рассуждать более ясно, чем раньше, и различать вещи гораздо точнее. Более того, после смерти душа предстает перед Судией, который показывает человеку дела, как хорошие, так и плохие, и заставляет душу смотреть на них [3]. По-

следователи Аристотеля держались веры в божественное начало мира, дозволившее формам бытия развиваться и умирать по собственным законам. Для киников идея была средством, а целью — сама жизнь (образ жизни). По той же причине образ смерти киникам был интереснее самой смерти. Киники породили стоиков с их нарочитым презрением к смерти. Если жизненные отношения складывались так, что невозможно было их упорядочить (т. е. честно и посильно выполнять долг), стоики предпочитали покончить самоубийством, нежели добавлять в мир лишний хаос.

Эпикур боролся со страхом смерти такими рассуждениями: «Приучай себя к мысли, что смерть не имеет к нам никакого отношения... Все хорошее и дурное заключается в ощущении, а смерть есть лишение ощущения. Поэтому правильное знание того, что смерть не имеет к нам никакого отношения, делает смертность жизни усладительной, — не потому, чтобы оно прибавляло к ней безграничное количество времени, но потому, что отнимает жажду бессмертия» [4].

Независимо от веры и философских убеждений, Греция и Рим возвели смерть на пьедестал. Хорошей смертью была смерть героя или свергнутого императора, который бросается на меч или бьет себя в грудь кинжалом. Гай Юлий Цезарь под ножами заговорщиков заботился не о спасении, а о том, чтобы в момент смерти достойно выглядеть.

В европейском Средневековье к страху перед смертью обильно примешивался страх перед миром мертвых, который присутствовал в сознании людей столь же реально, как и мир живых.

В XVII в. рационализм заставил европейцев преодолевать страх смерти, страх загробного небытия с помощью математики. В европейском сознании постепенно стала господствовать иная традиция — пантеистическая, отождествляющая Бога и мир. В этих концепциях, которые складывались еще в мистике Средних веков, а затем в натурфилософии эпохи Возрождения, отражались натуралистические тенденции, растворявшие Бога в природе. Пантеистическая традиция, пронизавшая творчество Б. Спинозы, отвергала возможность связи природного и сверхъестественного через личность. Так, Б. Спиноза подчеркивал, что

свободный человек ни о чем так мало не думает, как о смерти, и его мудрость состоит в размышлении не о смерти, а о жизни. Смерть как некий феномен и человеческая реальность преодолевались странным образом: о ней просто перестали думать, сосредоточив мыслительные усилия на вопросах земной жизни.

Позднее, в эпоху Просвещения, человеческое сознание изображали как пустой сосуд, в который опыт вливает содержание жизни, в том числе и осмысление смерти. Психологические нюансы, естественно, зависели от мировоззренческой ориентации. Кризис идеалов эпохи Просвещения привел к тому, что образованный западный человек считал веру в сознательную жизнь после смерти, в загробные странствия души проявлением примитивного страха тех людей, которые не обладают научными знаниями.

Чем быстрее развивались естественные науки, чем больше был их успех в областях практической деятельности, тем сильнее хотелось использовать их для бегства от страха смерти. Г. Гегель в «Феноменологии духа» описывал смерть как процесс с самоопределяющим пределом [5].

Романтизация смерти, которая является вызовом жизни, начинается в новейшей западной философии у А. Шопенгауэра [6]. Немецкий философ пытался создать единое воззрение на судьбы тела и души. Жизнь в системе его рассуждений оценивалась как нечто такое, чему лучше было бы вовсе не быть, — это промах и случайность. А. Шопенгауэр полагает, что на смерть надо смотреть как на главную цель. Ее тень неизбежно лежит на человеческой жизни. В момент смерти разрешается все, что подготовлялось в течение жизни. Итак, ожидание смерти, ее предчувствие, ее возвращение — вот на что способен разумный человек, в отличие от животного. Только человеческая воля может отречься от жизни, отвернуться от нее. Такой поэтизации смерти не было ранее ни в одной культуре. Ни один народ не считал смерть абсолютным благом и не стремился перечеркнуть жизнь.

Ф. Ницше, заменив волю к жизни волей к власти, пытался таким образом преодолеть страх перед стеной, отсекающей «шум и ярость» жизни. Смерть для него — катализатор действия, гениальный «спарринг-партнер» на ристалище мира, побуждающий человека напрягать все жизненные силы [7].

В. С. Соловьев считал, что смерть низводит человека на один уровень с животным, существом, стоящим на более низкой ступени эволюции. Люди умирают хотя и «с человеческим достоинством, но с животным бессилием». Слова «человек» и «смертный», замечает В. С. Соловьев, — синонимы. Почему-то к животным такую характеристику мы не применяем, хотя и они умирают. Но животное сознательно не борется со смертью и не может быть ею побеждаемо. Люди же, называя себя «смертными», словно упрекают свою участь, недостойную человека. В. С. Соловьева заинтересовала в сочинениях Ф. Ницше идея «сверхчеловека», и он по-своему переосмыслил ее: человечество, по его мнению, может и должно стать «сверхчеловечеством», победив свою смерть и тем самым возвысившись над животной природой, гнездящейся в самом человеке, каков он есть теперь [8].

Прагматизм как философское течение конца XIX — первой половины XX в. видел в смерти не закономерное разрешение жизненного процесса, а поражение, болезненное напоминание об ограниченности нашей власти над природой.

Взгляд на мир, выработанный наукой, базирующейся на материалистической философии, усиливает тяжесть положения умирающего. Ведь согласно такому подходу за пределами материального мира ничего не существует. Воспринимать реальность могут лишь живые организмы с функционирующими органами чувств. Сознание же рассматривается как продукт деятельности мозга и, следовательно, полностью зависит от его целостности и нормальной работы. Физическое уничтожение тела и мозга есть необратимый конец человеческой жизни.

Таким образом, рассматривая отношение к смерти начиная с античной философии вплоть до XX в., **мы видим, что страх перед смертью или безразличное к ней отношение было всегда.** Однако стоит заметить, что, пока смерть и жизнь рассматривались как данные Богом явления, у людей была надежда на лучшее будущее, необходимость готовиться к смерти, что не только приносило облегчение страданий, но и давало смысл переживаниям. Когда люди стали руководствоваться материалистическим мировоззрением, из-за утраты веры в посмертное существование души увеличился и страх смерти, и боязнь страданий, что усиливает тяжесть положения умирающего.

Особый вариант рефлексии смерти в XX в. предложил экзистенциализм как специфический вид экзистенциального философствования. Экзистенциалисты по-своему онтологически «открыли» смерть в ее решающем значении для всего человеческого бытия. Речь идет об отношении отдельного человека к собственной смерти, о вопросе, что означает смерть в качестве предстоящего конца человеческой жизни для самой этой жизни. Значение, которое смерть имеет для текущей жизни, с точки зрения экзистенциализма — в той преобразующей силе, которую знание о смерти направляет на жизнь. В связи с этим различают:

- Смерть как факт, который можно лишь описать в плане значения, сущности и воздействия.

- Смерть как достоверность; она сопровождает всю жизнь, окружает ее и находит место в произведениях искусства, посвященных тому, как это ощущали люди.

- Смерть как процесс. Его узнают по длительному протяжению, не до заключительного факта кончины, но, скорее, до прощания с жизнью.

Еще в XIX в. «предэкзистенциалист» С. Кьеркегор утверждал, что смерть столь коварна, что может прийти завтра. Уже сама эта неизвестность должна примысливаться ко всей жизни, и что вызывает невероятные трудности. На открытии этих трудностей и зиждется экзистенциалистское понимание смерти. В экзистенциализме нет и речи об ослаблении воли к жизни: жизнь оказывается не уступкой страху смерти, но именно его преодолением. Обретает силу идея, наиболее ярко выраженная Ж.-П. Сартром, согласно которой лишь угроза смерти оказывается в состоянии привести человеческую жизнь к исключительной остроте ее существования [9].

Экзистенциализм утверждает (М. Хайдеггер) что, хотя отношение к смерти и не должно являться обязательной составной частью любого сиюминутного сознания, тем не менее оно представляет собой необходимое условие достижения подлинного существования. Лишь за счет знания смерти человеческая жизнь вздымается к его вершине. Лишь за счет отношения к смерти, к этой окончательной и неизбежной возможности надлежащее место занимает и прочая соотнесенность человека с будущим.

Смерть, следовательно, является окончательной и безусловнейшей пограничной ситуацией. Известно, что мы должны умереть, но никто не знает, когда это произойдет. Лишь в силу гнета конечности в жизнь приходит напряжение, вынуждающее человека собраться и с толком использовать время жизни. Лишь под этим гнетом возникает задача добиться высших достижений за то время, которое предположительно оказывается предоставленным нам в распоряжение.

Любое ответственное планирование жизненных дел всегда уже предполагает учет определенного времени и тем самым одновременно — угрозу смерти. Лишь за счет этого человек оказывается вынужденным оставить одно, чтобы завершить другое, отделяет существенное от несущественного. Лишь за счет знания о конечности и безвозвратности времени человек обречен на полную конечность своего существа. Жизнь нужно организовать так, чтобы она могла мыслиться обрывающейся в любое мгновение, т. е. чтобы она не становилась бессмысленной за счет внезапно вторгающейся смерти. Но это означает, что цель своей жизни человек не должен ни переносить в будущее, ни делать зависимой от достижения этого будущего. Иначе говоря, если он живет надеждой на некоторое последующее состояние, которого он желает достичь, то его жизнь потеряла бы смысл, если бы перед этим его настиг конец. Следовательно, необходимо ответственно организовать жизнь так, чтобы исполнение смысла (как достижение «ситуационной» свободы) достигалось всецело уже в настоящий момент [10].

При мыслях о смерти человека охватывает и заставляет содрогаться страх. Речь идет не о телесном страхе в момент умирания и не об опережающем мышление страхе перед мучительностью этого процесса (против чего имелось бы то или иное утешение), но речь идет о чувстве тревожности, охватывающей человека в мыслях о «больше-не-бытии». Иначе говоря, это такой страх, в котором человеку с предельной глубиной открывается всецелая опасность его бытия. Действие смерти состоит в том, что она постоянно выбивает человека из скорлупы его повседневной жизненной уверенности и наглядно демонстрирует ему сомнительность любых планов и предприятий: какое-либо прочное состояние отсутствует, любая прочность есть голый обман. Смерть прежде всего ввергает жизнь

в крайнюю незащищенность. Смерть толкает человека к вопросу об абсолютно существенном. От него отпочковывается вопрос обо всем остальном существенном, что должен исполнить человек в жизни.

Однако одновременно с этим смерть удерживает человека в жизненности подлинного существования, в котором он постоянно превосходит упрочение и успокоение на некоторой уже достигнутой позиции. Любое упрямство, любая ложь, вообще любая форма поведения, посредством которой человек порой пытается уклониться от настоящего пересмотра своей жизни, неминуемо оканчиваются для него провалом. Смерть становится окончательным критерием существования. И потому для экзистенциалистской философии она не является темой наряду с другими, но оказывается тем окончательным решающим вопросом, исходя из которого должны определяться фундаментальные понятия временности и историчности человеческого бытия.

Литература

1. Kenyon R. Existential structures. N. Y., 1976. P. 24–25.
2. Мусин М. 3. Танатологический практикум // Вестник социально-политических наук: сб. науч. тр. Вып. 9 / под ред. проф. И. Ю. Киселева; Яросл. гос. ун-т им. П. Г. Демидова. Ярославль: ЯрГУ, 2009. С. 37.
3. Платон. Собр. соч.: в 4 т. Т. 2. М., 1993. С. 37.
4. Эпикур. Письмо к Менекею // Тит Лукреций Кар. О природе вещей. М., 1983. С. 315.
5. Проблема смерти и бессмертия. URL: <http://www.roul.ru/filosofia/10639.htm> (дата обращения: 02.11.2008).
6. Шопенгауэр А. Избранные произведения. М., 1992. 479 с.
7. URL: <http://nietzsche.ru/look/haidegger.shtml>.
8. Соловьев В. С. Сочинения: в 2 т. М., 1988. 822 с.
9. Sartre J.-P. Being and Nothingness (Part 4. Having, Doing, and Being). N. Y., 1956. P. 559–711.
10. Смирнов А. Е., Томашов В. В. Ответственность как регулятор общественной жизни: сущность, структура, функции и основные социальные формы: монография. Ярославль: Изд-во ЯГТУ, 2012. С. 73–93.

Становление гражданского общества в современной России: региональные особенности и проблемы развития

Г. Л. Шаматонова

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

Formation of civil society in modern Russia: regional features and development problems

G. L. Shamatonova

P. G. Demidov Yaroslavl State University

В статье рассмотрены процессы становления гражданского общества в современной России. Исследуется отношение жителей г. Ярославля и Ярославской области к формированию гражданского общества.

Ключевые слова: гражданское общество, социальные институты, правовое государство, общественные организации, Ярославская область.

In article processes of formation of civil society in modern Russia are considered. The relation of residents of Yaroslavl and the Yaroslavl region to formation of civil society is investigated.

Key words: civil society, social institutes, constitutional state, public organizations, Yaroslavl region.

Истории политической науки и современной социально-политической практике свойственна сложнейшая динамика и диалектика понятия и явления «гражданское общество», наблюдается сосуществование разнообразных точек зрения на его сущность, этапы развития и роль различных институтов в процессе его становления. По-прежнему актуальными остаются проблемы теоретического осмысления феномена гражданского общества, определения дефиниций, выявления его структурных элементов и компонентов, в том числе социально-политических институтов.

В многонациональной России гражданское общество приобретает особый характер и отличается относительной независимостью от этнических, языковых, религиозных, культурных

© Шаматонова Г. Л., 2013

и прочих различий. Несмотря на региональные особенности, оно, как аттрактор современного российского общества, в теории и практике мыслится поликультурным феноменом, вбирающим в себя общечеловеческие ценности, нормы и права. Все теории и концепции гражданского общества имеют общие черты, среди которых гуманизм, социальная направленность и ориентация на межкультурные ценности, нормы и права.

Особую значимость приобретают вопросы изучения региональной особенностей и специфики становления гражданского общества в условиях современной России, чрезвычайного социально-экономического, политического и социокультурного разнообразия ее отдельных регионов, областей и территорий.

В связи с особенностями российской социально-политической теории и практики, объединяющими в себе традиции и формы восточных и западных типов государственных устройств одновременно, понятие «гражданское общество» появилось в современной отечественной научной литературе сравнительно недавно.

Гражданское общество — совокупность неполитических отношений в обществе: экономических, социальных, нравственных, религиозных, национальных и т. д. Это сфера самопроявления свободных граждан и добровольно сформировавшихся ассоциаций, огражденных соответствующим законом от прямого вмешательства и произвольной регламентации деятельности этих граждан и организации со стороны государственной власти.

В начале XXI в. **сосуществуют разные точки зрения на понятие «гражданское общества»**, что стало возможным благодаря деидеологизации, плюрализму мнений и использованию различных теоретико-методологических подходов к его изучению.

По мнению автора, для исследования процессов развития гражданского общества в условиях современной России необходимым являются анализ онтологических основ гражданского общества, изучение его структуры и отдельных элементов или институтов, а также выбор оптимального теоретико-методологического подхода к исследованию процессов его становления в отдельных российских регионах, областях и территориях.

Закономерности возникновения, тенденции становления и развития общественно-политических объединений и организаций

в современной России подтверждают положение о возрастании роли регионального фактора, поскольку именно он определяет количественный набор социально-политических институтов гражданского общества, их качество, специфику деятельности, социальную базу, конкретных благополучателей и степень привлечения добровольцев, или волонтеров. В связи с этим вполне обоснованно и достаточно эффективно можно использовать региональный социально-политический форсайт для развития гражданского общества в конкретных территориях, областях и регионах [1].

В качестве примера можно привести Ярославскую область. Ее географическое расположение, территориальная близость к столичным городам — Москве и Санкт-Петербургу — определяют многие социально-политические процессы, способствуют проекции политических инфраструктур и институтов, инициируют и стимулируют динамику их развития [2].

Ярославской региональной общественной организацией «Центр социального партнерства» регулярно проводятся социологические исследования с целью изучения восприятия гражданского общества и общественных организаций населением региона [3]. Результаты исследований продемонстрировали низкую осведомленность граждан и противоречивость восприятия содержания понятий «гражданское общество» и «общественная организация».

Наибольшая доля населения уверена, что гражданское общество — это общество, в котором граждане имеют возможность создавать независимые от государства объединения для защиты собственных интересов. Так считает 28,33 % респондентов, при этом больше всего (34,26 %) это определение поддержали жители средних городов области, самый низкий процент — непосредственно в Ярославле (23,66 %).

Более четверти жителей Ярославской области убеждено, что под гражданским обществом понимается общество, где главенствует закон и все люди перед ним равны (25,94 %). В отличие от предыдущего положения, большую поддержку оно получило в Ярославле (29 %), менее всего в этом убеждены жители сельской местности (22,22 %).

11,6 % населения региона воспринимает гражданское общество как самоуправляемое общество, свободное от диктата

со стороны государства, но сотрудничающее с ним для выполнения функций защиты от внешней угрозы, поддержания правопорядка. За данное утверждение больше всего высказались жители Ярославля (14,5 %), менее всего поддержки (7,41 %) нашлось в малых и средних городах области. Столь высокий процент у жителей областного центра может свидетельствовать о том, что ярославцы ощущают на себе «диктат со стороны государства» и, отдавая предпочтение этому варианту, тем самым признают наличие последнего и стремятся поменять ситуацию.

Почти 6,5 % убеждено, что гражданское общество — это общество, в котором у его членов воспитывается гражданская позиция и общественные интересы имеют приоритет над частными. По-прежнему наибольшее предпочтение данное определение находит в Ярославле (9,16 %), наименьшая поддержка (2 %) у жителей села. Подобная ситуация объясняется тем, что граждане с активной гражданской позицией могут успешнее самореализоваться в условиях города. Реалии сельской жизни диктуют необходимость надеяться на собственные силы и не ждать поддержки «извне», в результате чего, вероятно, и выявлена столь низкая поддержка «приоритета общественных интересов».

3,75 % респондентов воспринимает гражданское общество как сообщество граждан, населяющих данную страну, и как общество, в котором частные интересы граждан имеют приоритет над общественными. Больше всего за данную позицию высказались в сельской местности (5,56 %).

Чуть более 2 % жителей региона убеждено, что гражданское общество — это общество, в котором самоуправление граждан заменяет государственные органы управления. Больше всего это положение поддержали жители городов области (3,7 %). В силу низкой эффективности работы местных властей жители средних и малых городов за счёт объединения в различных формах (ТСЖ, ТОСы) могут добиться гораздо большего результата, нежели местные власти сделают что-либо сверху. Таким образом, в их сознании происходит невольная подмена власти государственной на общественную.

Важно отметить, что более 18 % не знает, что вкладывается в понятие «гражданское общество» и не смогло выбрать вариант

ответа. Наибольшие сложности с этим вопросом возникли у жителей сельской местности (29,63 %), тогда как у городских жителей в два раза меньше: в среднем у около 15 % опрошенных.

Особо следует отметить, что лишь каждый пятый житель Ярославской области уверен, что в России уже есть гражданское общество. Естественно, что с отрывом в два раза эту позицию поддерживают жители городов. При этом более трети респондентов считает, что о наличии гражданского общества в России говорить пока рано, но процесс его формирования уже идет. С этой позицией в равной степени согласились как жители села, так и горожане области. Почти 13 % респондентов ответило, что в ближайшее время гражданское общество в России вряд ли возникнет. Больше всего в этом убеждены ярославцы (15,27 %), реже так считают жители городов области (9,26 %).

Настороженность вызывает то, что почти 9 % жителей региона считает, что гражданское общество начинало формироваться, но сейчас оно уничтожается. Максимальную поддержку данное утверждение вызвало у жителей средних и малых городов области (15,27 %). Вероятнее всего, в условиях небольшого города масштабы негативных действий по отношению к обществу виднее.

Более четверти опрошенных затруднилось ответить на вопрос об уровне развития гражданского общества в России. И по-прежнему лидирует в этом отношении сельская местность (37 %).

Важной является убежденность жителей Ярославской области в том, что наиболее эффективным путем формирования гражданского общества в России является путь «снизу», когда гражданское общество формируется за счет инициативы россиян, испытывающих потребность в объединении для защиты своих прав и интересов. Наибольшую поддержку это утверждение нашло у ярославских респондентов (48,85 %). Однако более 27 % уверено, что его можно сформировать «сверху», когда инициативу в создании гражданского общества проявляет государственная власть — президент и правительство. За это утверждение в большей степени высказались жители средних и малых городов области (33,33 %).

Особо следует отметить, что почти 6 % респондентов убеждено, что гражданское общество для России неприемлемо. При этом

доля согласных с этим утверждением примерно одинакова во всех видах населенных пунктов Ярославской области. Почти 24 % населения Ярославской области не знает, какой путь формирования гражданского общества в России будет эффективен.

Таким образом, исследование процессов становления гражданского общества в современной России позволило выявить их региональные особенности, которые заключаются в количественном наборе и качественном разнообразии общественных институтов [4; 5]. Примером может служить Ярославская область, которая отличается средним уровнем развития институтов гражданского общества. Социологические исследования показали, что население данного региона в основном имеет поверхностное представление об институтах гражданского общества и проблемах его развития.

Литература

1. Албегова И. Ф., Шаматонova Г. Л. Форсайт гражданского общества в современной России: теория и практика применения // Вестник социально-политических наук: сб. науч. тр. Вып. 9. Ярославль, 2010. С. 5.

2. Албегова И. Ф., Шаматонova Г. Л. Теоретико-методологические основы изучения процессов развития гражданского общества в современной России и ее отдельных регионах // Вестник Поморского университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2010. № 8. С. 126.

3. Официальный сайт Ярославской региональной общественной организации «Центр социального партнерства» URL: <http://www.csp-yar.ru/issledovaniia/blog> (дата обращения: 05.05.2013).

4. Шаматонova Г. Л. Общественные объединения и организации как институты гражданского общества в современной России // Вестник Поморского университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2006. № 8. С. 267–270.

5. Шаматонova Г. Л., Албегова И. Ф., Янкевич П. Ф. Региональные особенности становления и развития социально-политических институтов гражданского общества в современной России (на примере Верхневолжского региона). Ярославль, 2007.

Студенческая молодежь как особая социальная группа современного города*

Э. В. Шашерин

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

Student youth as a social group of the modern city

E. V. Shasherin

P. G. Demidov Yaroslavl State University

В статье рассматриваются концептуальные основы изучения городской среды с позиции социологического знания. Основной здесь видится проблема поиска теоретических оснований, позволяющих определить и изучить социальные факторы, влияющие на развитие современной городской среды.

Ключевые слова: молодежь, социальная группа, студенческая молодежь, город.

The article presents a conceptual framework to the study of the urban environment from a position of sociological knowledge. The main task here is the problem of searching of a theoretical reason to identify and examine the social factors influencing the development of the modern city environment.

Key words: youth, social group, students, city.

В социологической литературе существует множество определений и подходов, характеризующих студенческую молодежь как социальную группу.

Студенческая молодежь — специфическая группа молодежи, социально-возрастная группа структуры общества. Это юноши и девушки, которые системно, последовательно изучают ту или иную дисциплину, сферу знания по государственной программе в учебных заведениях с целью получения информативного бага-

---

* Статья подготовлена в рамках государственного задания вузу Минобрнауки РФ (№ 6.4549.2011).

© Шашерин Э. В., 2013

жа, соответствующего сертификата (диплома), дающего им возможность претендовать на различные должностные, в том числе и управленческие, позиции [1].

Студенческая молодежь является частью молодежи как социально-демографической группы и, соответственно, характеризуется определенными признаками, присущими ей, притом что сама студенческая молодежь также имеет ряд признаков, отличающих ее от молодежи в целом.

Среди специфических характеристик, отличающих студенческую молодежь, следует выделить прежде всего следующие: учебную деятельность, связанную с подготовкой к избранной профессии; принадлежность к одному возрасту, что чрезвычайно важно ввиду того, что с возрастом связано и своеобразное восприятие мира, психофизиологические особенности личности.

К числу особенностей студенчества следует отнести еще несколько типичных черт. Прежде всего такую, как социальный престиж. Студенчество является наиболее подготовленной, образованной частью молодежи, что, несомненно, выдвигает его в число передовых групп молодежи. Это, в свою очередь, предопределяет формирование специфических черт психологии студенческого возраста.

Стремясь завершить обучение в вузе и таким образом реализовать свою мечту о получении высшего образования, большинство студентов осознают, что вуз является одним из средств социального продвижения молодежи, а это служит объективной предпосылкой, формирующей психологию социального продвижения.

Общность целей в получении высшего образования, единый характер труда — учеба, — образ жизни, активное участие в общественных делах вуза способствуют выработке у студенчества сплоченности. Это проявляется в многообразии форм коллективистской деятельности студентов.

Другой важной особенностью является то, что активное взаимодействие с различными социальными образованиями общества, а также специфика обучения в вузе приводят студенчество к большой возможности общения. Поэтому довольно высокая интенсивность общения — это специфическая черта студенчества.

Социально значимой чертой студенчества является также напряженный поиск смысла жизни, стремление к новым идеям и прогрессивным преобразованиям в обществе. Эти стремления являются положительным фактором.

В. Т. Лисовский определил студенчество как специфическую социальную группу, которой присущи особые ценности. Причем для студентов характерны три блока ценностей, находящихся в иерархической зависимости. Первый блок — это ценности, связанные с содержанием профессиональной деятельности; второй блок — ценности социально-статусного порядка; третий блок — ценности, связанные с социальными возможностями профессии [2].

Проблема личностных ценностей в студенческом возрасте возникает в связи с тем, что механизмы саморегуляции, самоуправления у молодых людей уже сформированы, а формирование личности студента, ее направленности еще не завершено.

В социологической литературе существуют различные точки зрения на статус этой группы молодежи. Студенчество определяется как «социально-демографическая», или как «социально-профессиональная», или как «самостоятельная социальная группа», а иногда представляется как «особая общественная группа» [3].

Основной вид деятельности студента — овладение знаниями, приобретение навыков профессионального труда, т. е. учеба. Эту деятельность некоторые ученые-социологи отождествляют с профессиональной, трудовой деятельностью. Как отмечает О. В. Рудакова, «студенчество, как и молодежь в целом, не является социальным элементом, существующим наряду с классами; это прежде всего неотъемлемая составная часть социальной структуры общества, в которой специфически проявляются сущностные свойства и черты классов и слоев. Студенческая молодежь, состоящая из представителей различных классов и социальных общностей, обладает сходными чертами и общими интересами» [4].

Определяя студенческую молодежь как идентификационную группу, следует подчеркнуть, что это совокупность индивидов, объединенная возрастом, спецификой труда, особыми условиями жизни, поведением и психологией, общими ценностями и идеями в едином культурно-образовательном пространстве. Сту-

денчество — это не только передовой отряд молодежи. Являясь высокообразованной и высококультурной частью общества, оно выступает как инновационный резерв и потенциальная элита общества в целом, которая концентрирует в своих взглядах и идеях потенцию будущих политических, культурных и экономических преобразований в обществе [5].

Т. Э. Петрова определяет студенчество как «социальную группу переходного (по существу маргинального характера) с "отложенным" включением в социальные отношения» [6]. Другие авторы считают студенчество такой социальной группой, чьей основной характеристикой является «пограничность» (но не «маргинальность»). Ведь именно это фундаментальное свойство накладывает специфический отпечаток на формирование ценностных ориентаций. «Пограничность» делает студенчество самой динамичной частью общества, которая чутко реагирует на малейшие изменения в его структуре, его политические и экономические трансформации, быстро улавливает новые тенденции в культуре. Иное понимание студенчества сложилось среди исследователей социологической школы МосГУ и близких к ней ученых. В работах А. И. Ковалевой, В. А. Лукова, Ю. А. Зубок и др. основной характеристикой студенчества является транзитивность, но отнюдь не маргинальность. Именно это фундаментальное свойство накладывает специфический отпечаток на формирование ценностных ориентаций [7]. Тот вроде бы малозначительный факт, что студенчество оперативнее, чем другие слои молодежной части общества, откликается на новые веяния в моде, литературе, кино, музыке, говорит о ее крайней восприимчивости к новому [8]. Другими словами, ценностные ориентации студенческой молодежи обладают динамикой.

Основными факторами, влияющими на формирование ценностных ориентаций студенчества, являются семья, социокультурная среда вуза, коллектив, деятельность [9].

Следует отметить, что фундаментальные основы ценностных ориентаций человека закладываются в семье. Но, по оценкам самих молодых людей, серьезное воздействие на формирование их ценностных ориентаций оказывает учебное заведение.

Именно в вузе студент проводит большую часть времени. Здесь он не только получает необходимые знания и навыки, но и приобретает новые личностные качества, корректирует уже имеющиеся и формирует новые ценностные ориентации. Социокультурная среда — это сфера жизнедеятельности студента, которая объединяет все важнейшие детали его повседневной жизни, общения, в том числе и события, важные не только для него как отдельной личности, но и для всей страны, мира. Она отражает структуру многообразных взаимодействий человека в системе «человек — среда». Развитие личности молодого человека, его ценностных ориентаций во многом зависит от того, как протекает его взаимодействие с социально-культурной средой вуза. Это взаимодействие оказывает влияние на его самостоятельный выбор тех или иных жизненных ценностей.

На процесс формирования ценностных ориентаций оказывает значительное влияние и непосредственное окружение студента. Его друзья, сокурсники находятся с ним в непосредственном контакте большую часть времени. Студенческий коллектив, будучи постоянным и ближайшим социальным окружением студента, воздействует на весь образ его жизни. Соприкасаясь изо дня в день с товарищами по учебе, сотрудничая с ними, участвуя в решении учебных и множества других проблем, осознавая свою принадлежность к коллективу как к социальной общности, человек начинает разделять утвердившиеся в коллективе взгляды и нормы, соотносить с ними собственную систему ценностей. Чем сплоченнее коллектив, тем в большей мере его мнение о делах и поступках каждого становится регулятором как учебного, так и внеучебного поведения студента. Формируется определенный стиль, определенное единство в поведении и деятельности всех членов коллектива. Разумеется, единство это достигается не отказом каждого от своих ориентаций, а уважением мнения коллектива, стремлением не запятнать его авторитет, не подвергнуться осуждению товарищей. Одной из важнейших задач вуза является организация учебной и внеучебной деятельности таким образом, чтобы в ходе взаимовоспитания у студентов формировались только положительные ориентации.

Следует отметить, что деятельность студента носит многогранный характер. Прежде всего это учебно-познавательная деятельность, в процессе которой студенты получают знания по общественным, общенаучным и специальным дисциплинам и происходит определение и развитие ценностных ориентаций, которым человек следует всю свою последующую жизнь. Ценностные ориентации являются основным элементом структуры личности, закрепляющимся не только жизненным опытом индивида, эмоциональными переживаниями, но и его знаниями, приобретенными в ходе учебно-познавательной деятельности.

Не менее важным фактором формирования ценностных ориентаций является социально-культурная деятельность, которую можно рассматривать в трех основных аспектах: потребление, создание, распространение.

Формами потребительской социально-культурной деятельности студентов в вузе, направленной на формирование ценностных ориентаций, можно считать все мероприятия, проводимые университетом с целью повышения культурного и образовательного уровня студентов. Университет организует лекции, научно-практические конференции и творческие встречи с ведущими деятелями науки, культуры и искусства, экскурсии, познавательные туры, в процессе которых студенты не только повышают свой образовательный потенциал, но и достигают определенного культурного уровня.

Креативными, творческими формами социально-культурной деятельности студентов в университете являются организация и проведение различных культурно-просветительских мероприятий. Они проводят экскурсии по городу, различным музеям и выставкам, сами организуют тематические выставки, клубы по интересам, конкурсы, научные конференции и т. д. Данный вид деятельности является основополагающим в развитии личности студента, формировании ею ценностного мира. Способность к творчеству является необходимым условием всестороннего развития личности. Именно в процессе креативной, творческой деятельности студента проявляются его потребности и интересы, на основе которых происходит формирование его ценностных ориентаций.

Коммуникационная деятельность направлена на распространение приобретенного опыта и знаний в ходе других форм социально-культурной деятельности. Студенты проводят встречи с выпускниками школ, гимназий, колледжей, организуют и проводят праздники для детей и других групп населения и т. п. Одним из важнейших факторов, влияющих на формирование ценностных ориентаций, следует считать культурно-досуговую деятельность. Студент организует свободное от учебной деятельности время согласно своим интересам, ориентациям. Кроме того, досуг является показателем сформированности ценностной системы студента. То, как студент проводит свободное время, свидетельствует о его ценностных ориентациях и жизненных интересах.

Литература

1. Золотухин С. А. Студенческая молодежь как вероятностная группа риска современного общества // Мировоззренческие и поведенческие стратегии социализации молодежи в глобальном мире: сб. тр. Междунар. науч.-практ. конф. / под ред. проф. В. Н. Белова. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2010. С. 15.
2. Лисовский В. Т. Духовный мир и ценностные ориентации молодежи России: учеб. пособие. СПб.: СПбГУП, 2000.
3. Никонова Т. В. История студенчества в соотнесении со структурой его социального статуса // Студенчество как социальный феномен: история и современность. Материалы студенческой конференции. СПб., 2000. С. 13.
4. Рудакова О. В. Жизненные стратегии современного российского студенчества: дис... канд. соц. наук. М., 2004. С. 63.
5. Там же.
6. Петрова Т. Э. Социология студенчества в России. Этапы и закономерности становления. СПб.: Бельведер, 2000. С. 23.
7. Курганская М. Я. Патриотические ценностные ориентации студенческой молодежи: дис... канд. соц. наук. М., 2012. С. 4.
8. Максимова О. А., Калезина Г. Р. Дифференциация ценностных ориентаций студентов // Социс. 1999. № 6. С. 132.
9. Панкова Л. И. Основные факторы формирования ценностных ориентаций студентов: дис... канд. соц. наук. М., 2006. С. 104.

Сведения об авторах

Албегов Федор Георгиевич — ассистент кафедры социальных технологий, магистр социальной работы

Албегова Ирина Федоровна — доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой социальных технологий

Афонин Михаил Викторович — кандидат юридических наук, доцент кафедры социологии

Борисов Дмитрий Иванович — ассистент кафедры социальных технологий

Буторина Александра Александровна — кандидат политических наук, доцент кафедры социальных технологий

Дворникова Елена Викторовна — кандидат педагогических наук, старший преподаватель кафедры социальных технологий

Зарубина Юлия Николаевна — кандидат психологических наук, ассистент кафедры социальных технологий

Киселев Игорь Юрьевич — доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии, и. о. декана факультета социально-политических наук

Киселева Наталия Викторовна — аспирант кафедры социологии

Кошелева Анна Владимировна — кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры социальных технологий

Кузнецова Светлана Олеговна — кандидат юридических наук, ассистент кафедры социологии

Кудрина Софья Альбертовна — кандидат философских наук, доцент кафедры философии

Лапишина Дарья Александровна — аспирант кафедры социологии

Люсина Наталья Владимировна — аспирант кафедры социологии

Плуженская Марина Геннадьевна — аспирант кафедры социологии

Попова Ирина Викторовна — доктор социологических наук, профессор кафедры социальных технологий

Руденко Лариса Дмитриевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры социологии, заместитель декана ФСПН

Серова Евгения Александровна — ассистент кафедры социальных технологий, магистр социальной работы

Смирнова Анна Геннадьевна — кандидат политических наук, доцент кафедры социологии

Соловьева Наталья Анемподистовна — кандидат технических наук, доцент кафедры социальных технологий

Старцева Ольга Николаевна — ассистент кафедры социальных технологий

Томашов Валерий Васильевич — доктор философских наук, профессор кафедры философии

Шаматонова Галина Леонидовна — кандидат политических наук, доцент кафедры социальных технологий, директор научной библиотеки ЯрГУ

Шашерин Эдуард Валериевич — ассистент кафедры социологии

Содержание

<i>Албегов Ф. Г.</i> Добровольчество как вид инновационной деятельности и форма социальной работы.....	3
<i>Албегова И. Ф.</i> Институционализация социальной работы как междисциплинарное пространство современного социального знания.....	8
<i>Афонин М. В.</i> Флешмоб как тип взаимодействия в городском сообществе.....	14
<i>Борисов Д. И.</i> Личное добровольное страхование как одно из направлений социальной работы и условие социальной безопасности населения.....	19
<i>Буторина А. А.</i> Возможности и ограничения использования механизма эндаумент-фондов в финансировании деятельности некоммерческих организаций в социальной сфере.....	24
<i>Буторина А. А., Серова Е. А.</i> Профилактика молодежного экстремизма как условие обеспечения социальной безопасности российского общества.....	31
<i>Соловьева Н. А., Дворникова Е. В.</i> Исследование профессиональной ориентации современных выпускников средней школы.....	41
<i>Зарубина Ю. Н.</i> Причины участия молодежи в деятельности общественно-политических организаций.....	47

Киселев И. Ю. Волонтерство как социальный капитал.....	53
Киселёва Н. В. Когнитивные аспекты в социологической оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления.....	62
Кошелева А. В. Социально-политическая занятость молодежи в условиях модернизации российского общества: состояние и проблемы развития (на примере г. Ярославля).....	69
Кузнецова С. О. К вопросу об изучении мотивации персонала.....	76
Кудрина С. А. Аксиологический подход к понятию интеллигенции: от генетического идеального типа к социологическому.....	83
Лапшина Д. А. Проблема социальной структуры международного общества.....	92
Люсина Н. В. Проблема выбора эгоистического и просоциального поведения в ситуациях социальной дилеммы: социологический анализ.....	98
Плуженская М. Г. К вопросу о факторах выбора мигрантами стратегий аккультурации.....	104
Попова И. В. Проблемы институционализации гражданского общества.....	113
Руденко Л. Д. К вопросу о методологических подходах к изучению процессов развития городской среды.....	120

<i>Серова Е. А.</i> Социальная квалиметрия в системе управления социальными услугами, предоставляемыми учреждениями социального обслуживания людей пожилого возраста (на примере Ярославской области).....	125
<i>Смирнова А. Г.</i> Культура безопасности как фактор познания угрозы в международных отношениях.....	133
<i>Старцева О. Н., Албегова И. Ф.</i> Опыт разработки и внедрения инновационных технологий социальной работы с пожилыми людьми в условиях стационарного учреждения социального обслуживания.....	141
<i>Томашов В. В.</i> Осмысление феномена смерти в европейской экзистенциальной философской традиции.....	147
<i>Шаматонова Г. Л.</i> Становление гражданского общества в современной России: региональные особенности и проблемы развития.....	156
<i>Шашерин Э. В.</i> Студенческая молодежь как особая социальная группа современного города.....	162

Научное издание

ВЕСТНИК СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ НАУК

Сборник научных статей

Выпуск 12

Отв. ред. проф. И. Ф. Албегова

Редактор, корректор М. Э. Левакова
Компьютерная верстка Е. Б. Половковой

Подписано в печать 27.11.2013. Формат 60×84 ¹/₁₆.

Усл. печ. л. 10,23. Уч.-изд. л. 8,11.

Тираж 30 экз. Заказ

Оригинал-макет подготовлен
в редакционно-издательском отделе ЯрГУ.

Ярославский государственный университет
им. П. Г. Демидова.
150000, Ярославль, ул. Советская, 14.

